

**НОВЫЕ
ГЕРОИ**

**НАШ ЧЕЛОВЕК
В ПАРАЛЛЕЛЬНОМ МИРЕ**

АНАТОЛИЙ ДРОЗДОВ

**ЗАПАСНОЙ
МИР**

Annotation

В XXII веке наш мир изменился до неузнаваемости. На просторах Евразии возникла новая империя, простирающаяся от Европы до Японии, но спокойнее жить не стало. Даже приемный сын императора, русский офицер Иван Нагайкин, не может позволить себе расслабиться. В Африке, в столкновении с боевиками Халифата, он теряет обе ноги, но благодаря высокотехнологичным протезам возвращается в строй. Халифат разгромлен, но Нагайкина обвиняют в геноциде африканцев и ссылают в... Запасной мир – параллельную реальность, отстающую в развитии от Земли на несколько столетий. Благодаря воинским навыкам, а также сопровождающему его повсюду генномодифицированному горностаю Мирке Иван сумел выжить. Но главные испытания были еще впереди...

- [Анатолий Дроздов](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)

- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)

Анатолий Дроздов

Запасной мир

© Дроздов А., 2016

© ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

Пнули меня от души.

К концу экзекуции командующий ею офицер дошел до белого каления – было от чего. Для начала осужденный заявил, что у него понос и он вот-вот обделается. Смотреть на то, как негодяй осуществляет оный процесс, и тем более обонять конечный результат действия, офицеру совершенно не хотелось, потому злодея отвели в туалет, где он скользнул в кабинку и захлопнул за собой дверь.

Охранники тут же потребовали ее открыть и даже грозно погрохотали в дверь коваными ботинками. Однако в ответ из-за двери донеслись характерные звуки, услышав которые охранники тут же растратили пыл, и у них пропало желание контролировать процесс. Справив нужду, осужденный потребовал оставить ему питомца. Инструкция на этот счет разъяснений не содержала, и офицер, в общем-то не злой человек, подумав, решил животное пожалеть и приказал отобрать его у осужденного. Это опрометчивое решение вылилось в то, о чем офицер впоследствии пожалел.

Тюремщики, вероятно, никогда не ловили горноста и даже не подозревали, что может натворить это милое и «безобидное» существо. Однажды я видел, как Мирка играет с котом. Тот обладал реакцией куда лучшей, чем у человека, но с горностажкой сделать ничего не мог. Та прыгала ему на спину, вскакивала ему на голову, и, прежде чем кот собирался ее стряхнуть, уже оказывалась на земле.

Один из тюремщиков протянул к Мирке руку, намереваясь ухватить ее поперек живота. Она немедленно спрыгнула на пол и понеслась прочь. Следом, грохоча ботинками, устремились охранники. Они скользили, запинаясь и падали друг на друга. При этом они пыхтели, сопели и громко ругались. Мирка скакала по головам поверженных, победно стрекотала и радостно щерила зубки. Ей эта кутерьма ужасно нравилась.

Экзекуция стала превращаться в балаган, и офицер наконец-то это сообразил.

– Отставить! – рявкнул яростно. – Пусть забирает свою крысу! Вместе сдохнут!

Хозяин свистнул. Мирка метнулась к его ноге и, цепляясь за кожу коготками, взобралась ему на плечо. Заняв привычное место, чирикнула: «Видел, как я их?!» – после чего презрительно стрекотнула.

Охранники, ворча, выстроились у стен, держа оружие на изготовку. Процедура началась, и тут выяснилось, что сломался сканер.

«Осужденный отправляется в Запасной мир без одежды, обуви, имплантов и каких-либо иных предметов и вещей, призванных облегчить ему выживание...» – гласил приговор.

Тусклый, как его жизнь, оператор, прошествовав из кабинки, с минуту копался во внутренностях рамки, после чего заявил:

– Микросхема крякнулась! Надо менять.

– Это долго? – с ненавистью в голосе спросил офицер.

– Поищем на складе, – «обнадежил» оператор. – Сканер старый, но вдруг найдут?

– А если нет? – сквозь зубы поинтересовался офицер.

– Закажем на базе. Привезут через пару дней, – ответил оператор. В его голосе не чувствовалось уверенности в благополучном исходе дела. Как поставляют запчасти для тюремной техники, знали все.

Офицер взбледнул и закусил губу. Об исполнении приговора следовало доложить уже сегодня! Времени не оставалось: Запасной мир выйдет из зоны досягаемости к полудню.

Думал он недолго. Импланта у осужденного нет: его извлекли еще по первому приговору, серия и номер чипа имеются в деле. Офицер подошел, схватил осужденного за голову, оттянул ему складку за ухом – приемник пуст. Прочие предметы? Так после приговора охрана ни на мгновение не выпускала осужденного из виду. Ведь он мог покончить с собой, а это недопустимо. Убивать человека – прерогатива государства. Перед экзекуцией осужденного раздели и обыскали, заглянув в рот и прочие укромные места, в которых он мог спрятать запрещенные к владению предметы, – ничего не было.

«Пошел он на хрен, этот сканер!» – видимо, подумал офицер и гаркнул:

– Включай портал!..

По закону дальше следовало произнести: «Приговор приводится в исполнение!» Однако офицер заменил слова пинком. Мы с Миркой взмыли в воздух и рыбками нырнули в высокую траву. У Мирки это получилось лучше: она приземлилась на лапы. Я пинка не ожидал, поэтому не устоял и пропахал траву животом. Кожу обожгло. Выругавшись, я вскочил и оглянулся. Прозрачный прямоугольник портала таял в прозрачном воздухе. Ну, и катитесь!

Я потер ушибленную задницу и осмотрелся. Вокруг, сколько хватало взгляда, простирался луг, поросший густой травой. Вдалеке чернела

гребенка леса. Я набрал воздуха в легкие и выдохнул. Дышалось легко, куда приятнее, чем в атмосфере Рудника. Вокруг витал аромат цветов, ветерок нес пыльцу и лепестки. Возле розовых и голубых местных колокольчиков роились насекомые. Лучи желтой звезды в небе ласкали обнаженные плечи.

– Благодать! – заключил я.

Место изгнания преступнику выбирает компьютер. Здесь как повезет. Могут послать в горы, пустыню или заснеженные равнины. Могут – в более приятные места. Планеты без атмосферы, с раскаленной или ледяной поверхностью не используются. Там осужденный гибнет сразу. Это недопустимо: нужно, чтобы помучался.

– А вот хрен вам! – сказал я и полез пальцами в рот. Нащупав обвитую вокруг зуба карбоновую нитку, размотал ее и потянул. Спустя мгновение рвотный спазм скрутил меня пополам. Я переждал, вдохнул и потянул снова. В этот раз пошло легче. Вслед за ниткой из пищевода выскользнул блестящий предмет. Я поймал его и, обтерев о траву, разглядел. В кабинке на это не было времени. Там я такой же нитью вытащил пакет из бачка унитаза и скоренько запихнул его содержимое в горло. Парни не подвели: я держал в руке мультитул из титана. Два ножа, один из которых с серейторной заточкой, кусачки-пассатижи, пилка, ножницы, напильники, отвертки... Полезная, удобная и в то же время невероятно компактная и легкая вещь.

Присев на утоптанную траву, я поочередно открыл и осмотрел каждый из аксессуаров. Не столько чтобы разглядеть, сколько из желания полюбоваться. В этот момент из травы выскользнула запропастившаяся Мирка.

– Кого-нибудь встретила? – спросил я.

Горностайка отрицательно чиркнула и уставилась на мультитул.

– Да! – подтвердил я. – Обули мы их, девочка. Как детей.

Я легонько щелкнул Мирку по носу. Та отскочила и обиженно твякнула.

– Прости! – повинился я. – Это от полноты чувств. Раскаиваюсь и готов загладить. Веришь?

Мирка подумала и стрекотнула.

– Тогда подвинься! – сказал я. – Не то залью!

Я встал на четвереньки и сунул два пальца в рот. Рвотный спазм скрутил тело, но к результату не привел: трава осталась сухой. От завтрака, положенного приговоренному, я отказался: боялся, что вырвет прямо на экзекуции. Зря: сейчас бы помогло. Пальцы пошли глубже. Меня крутило и

выворачивало, изо рта выплескивался желудочный сок с желчью, но я не отступал. Мирка, отскочив, сочувственно тявкала. Наконец на траве оказались пять шариков, каждый размером с ноготь пальца, и крохотный контейнер из пластика. Из шариков торчали хоботки – иглы, закрытые пластиковыми колпачками. Я взял один и прочел маркировку. CID – самое эффективное в моем мире лекарство и самое дорогое одновременно. Как раздобыли его в Руднике, непонятно. А еще мультитул, вовремя сломавшийся сканер и имплант. «Не переживай, командир! – сказал Родька, сумевший в период следствия попасть ко мне в камеру. – Мы тебя хорошо снарядим...»

Я вытер глаза, затем слюну с подбородка и подцепил ногтем крышечку контейнера. Крохотный чип выпал на ладонь. Я оттянул пальцами складку кожи за ушной раковиной, нащупал устье и воткнул чип в приемник. Он щелкнул, встав на замок, и через мгновение перед глазами побежали строчки выполняемых команд. Мозг опознал имплант и теперь настраивал его параметры. Я подождал, пока процесс завершится, и подобрал шприцы. Мультитул примостился во втором кулаке. Мирка, поняв намерения хозяина, прыжком заскочила мне на плечо. Двинулись!

* * *

К воде мы выбрались к полудню. Сначала я услышал журчание, затем пахло свежестью, и впереди блеснула водная гладь. Сонный ручей плыл между поросших кустарником берегов. Я протиснулся сквозь ветви, встал на колени и осторожно набрал воды в рот. «Вредные примеси отсутствуют», – сообщил имплант. Природная вода оказалась необыкновенно вкусной. Я вволю напился, после чего отмыл испачканные слюной и желчью шприцы с мультитулом. Мирка, утолившая жажду, с интересом наблюдала за мной. Я подмигнул горностайке, сложил свои соколовища на лист лопуха, сел и коснулся сенсоров на протезах. Зашипел воздух, и культы выскочили из гильз. Можно было не снимать – углепластик не боится воды, но протезы – новые, культы к гильзам не обвыклись, а носки у меня отобрали. Козлы! Как будто эти две тряпочки могли спасти мне жизнь. В Руднике протезы у меня были бионические, у них даже пальцы ног двигались, но в Запасном мире аккумуляторы подзарядить негде. Я потребовал их заменить, и суд с этим согласился. Запасную пару мне сделали по прежним меркам, а тогда культы были чуть толще...

Я встал на четвереньки и заполз в ручей. Прохладная вода сомкнулась над головой. Благодать! Забыл, когда купался в последний раз.

Вынырнув, я увидел встревоженную горностайку. Она металась по берегу, взволнованно тьявая.

– Плыви ко мне! – предложил я.

Мирка мгновение колебалась, а затем решительно плюхнулась в воду. Погрузившись с головой, она вынырнула и, отфыркиваясь, отчаянно замолотила лапками. Я протянул руку и достал ее из воды. Плавала горностайка плохо: где ей было практиковаться? В Руднике водоемов нет. Встав лапками мне на грудь, Мирка горячо высказалась по поводу охламонов, лезущих в мокрые места, затем отряхнулась и прилегла, закрыв глазки. Я последовал ее примеру. Ручей нам попался мелкий, вода – по колено нормальному человеку. Лежать на песчаном дне было приятно. Некоторое время я блаженствовал. После Рудника Западной мир казался раем. Чистый воздух, замечательная вода, трава, цветы, желтая звезда, так похожая на земное солнце... Я понимал, что это иллюзия, которая исчезнет при столкновении с обитателями планеты, но думать об этом не хотелось. Накупавшись до посинения, я выполз из ручья, надел протезы и занялся делом. Содрав кору с веток, сплел сумочку, в которую поместил свои сокровища, предварительно завернув их в лопух. Из коры соорудил лямку, получившую широкий погон. Когти у Мирки острые, и она здорово оцарапала мне плечо. Пусть лучше кору дерет. Горностайка, опробовав «погон», придумку одобрила. Еще я сплел фартучек, закрепив его на чреслах. Неизвестно, как местные относятся к нагоде. Возможно, вид гениталий вызовет у них агрессию. Хорошо бы найти штаны, чтобы закрыть протезы. Они анатомические, но в глаза бросаются. Иномирное происхождение видно сразу.

Покончив с нарядом, я двинулся берегом. Ручьи текут в реки, а возле рек живут люди. Или кто у них тут...

Запах я ощутил, прошагав пару километров. Остановившись, втянул ноздрями воздух. Сомнений не осталось, но я решительно двинул вперед. Что бы меня ни ждало, опасности оно не представляет.

...Тела покрывали луг, сколько хватало взгляда. Битва, судя по всему, произошла недавно. Кожа трупов почернела, но пока не лопнула. Гора тел перегораживала ручей, и я порадовался, что пил выше по течению. Возле жуткой запруды образовалось озерцо. Волосы убитых колыхались в воде, как водоросли. Стараясь дышать ртом, я двинулся дальше, переступая тела и внимательно их разглядывая. Однозначно гуманоидная раса, внешне практически неотличимая от людей. Между собой воюют, впрочем, так же,

как мы.

Раны свидетельствовали о том, что аборигены убивали друг друга холодным оружием. Попадались, однако, и павшие от огнестрела. Судя по входным и выходным отверстиям, стреляли из крупного калибра. Это я определил, перевернув несколько тел. Неприятное дело, но Рудник отучил от брезгливости... Выходные отверстия от пуль встречались редко: стреляли из гладкоствола. Не удивлюсь, если из ружей с кремневыми или даже фитильными замками. Век шестнадцатый-семнадцатый по земным меркам. Более точное представление могла бы дать одежда, но ее не было: покойников раздели донага. Сделали это победители или пришлые мародеры, без разницы. Надежда добыть штаны исчезла.

Я выругался и продолжил путь. Маршрут менять не стал: нет нужды. Тела стали попадаться реже, вскоре и вовсе исчезли. Я шагнул в кусты, окаймлявшие поле битвы, и вдруг замер: повозка! Со сломанным колесом, покосившаяся набок, она преграждала дорогу. Здесь тоже похозяйничали победители. Лошадей увели, оставив на мятой траве женщину – мертвую, с раскинутыми ногами. Одежды на трупе не было. Не нужно быть следователем, чтобы понять: изнасиловали и убили. Насмотрелись мы подобного... Мародеры унесли все, даже содрали с повозки тент. Если б не сломанное колесо, укатили бы и повозку.

Я обошел находку и даже заглянул между колесами. Грабители могли чего-то забыть. Счас! Ничего, кроме вытоптанной травы. Я выпрямился, как вдруг замер: в повозке что-то не так! Поколебавшись, я присел и пригляделся. Дно заметно ниже ее пола. Двойное... Когда у повозки был тент, это не бросалось в глаза. Видимо, мародеры спешили...

Доски пола приколотили намертво. Добро в повозке прятали впопыхах или же надолго. Рассмотрев шляпки гвоздей, я покачал головой – без лома не обойтись. Ладно, пойдем другим путем. Ссадив Мирку на землю, я достал мультитул и отщелкнул пилку. Она легко вгрызлась в доски. Перепилив парочку, я отодрал их сверху. Остальные трогать не стал: повозка узкая, а руки у меня длинные. Спустя мгновения я стал обладателем сокровища. Женское платье из шерстяной ткани лилового цвета, две рубашки из беленого полотна, одна из которых – с кружевами по шейному вырезу. Пара шелковых чулок – одна голубого, другая красного цвета. Еще в тайнике нашлась сумка из прочной кожи, а в ней – разнообразные ленты, узкие и широкие, с узором и полосатые. Всю жизнь мечтал! А вот иголкам с нитками я искренне порадовался – то, что нужно. Самой ценной находкой оказались сапоги – короткие, чуть выше щиколотки. Гладкая подошва без каблука, широкие голенища. На протезы

сапоги встали, как влитые. Может, чуть и жали, но углепластик не возражал...

Денег в сумке не оказалось совсем. Плохо. Вид монет может о многом сказать. Эпоха, состояние экономики, уровень технического развития, вид правления... Сетовать, однако, не приходилось: и без того повезло. Отпилив кусок доски, я соорудил из него лопату и выкопал рядом с повозкой яму. Перетащил в нее убитую и забросал землей. Мелкая благодарность, но хоть что-то. Кем была эта женщина? Почему оказалась у места сражения? «Маркитантка», – всплыло в мозгу. Имплант, получив запрос, покопался в базе и подобрал ответ.

Забрав добычу и Мирку, я вернулся к ручью. Пошел обратно вверх по течению, пока не исчез запах. Найдя подходящее место, устроил привал. Я испачкался, кожу пропитал трупный запах, поэтому первым делом пришлось снова выкупаться. Мирка в этот раз наблюдала за мной с берега, в воду не полезла. Покончив с мытьем, я занялся делом. Отрезал у рубахи подол и подрубил край. Получилось в самый раз: идти не мешает и срам прикрыт. Обрезок полотна отложил про запас – не помешает. Натягивать чулки и подвязывать их ленточками я не стал. Протезы спрячешь, но вид будет специфический – в таком только в гей-клуб. Вторым делом я соорудил себе из обрезков носки. Накинув рубашку, я надел протезы, встал и повернулся к горностайке.

– Как?

Мирка фыркнула.

– Зато не голый, – наставительно произнес я и снова сел. Разрезав платье по талии, выкроил из юбки штаны. Варианты подсказал имплант, я выбрал самый простой. Швы по наружной стороне, словно у американских индейцев, только без бахромы. И работать иглой вдвое меньше, и между бедер не натирает. Вместо пояса приспособил ленточку, вместо гульфика – клапан на тесемочках. Простенько и со вкусом. Штаны вышли мешковатыми, зато не терли и не давили. Напуск на голенища сапог скрывал протезы. Мирка одобрительно стрекотнула.

– То-то! – заявил я. – Мастерство не пропьешь.

С курткой я попотел. Проблемой стали вытачки на груди. На рубашках их не было, а вот на платье – да. Его шили по мерке. Как быть? Оставить как есть? Тогда натягивай поверх штанов чулки и подвязывай их ленточками. Если косишь под гея, то будь последователен. Подумав, я убрал вытачки, соорудив на их месте карманы. А че, удобно. Рукава я трогать не стал. Их втачали с защипами, ну и пусть. Может, мужики здесь так ходят. Сложив оставшееся тряпье в сумку, я позвал Мирку. Та

шмыгнула внутрь, повозилась, устраиваясь, и одобрительно чирикнула.

– Вот и сиди! – сказал я, перебрасывая сумку через плечо.

Желтая звезда сползала к горизонту. Я вырезал палку и зашагал к лесу. Пора подумать о ночлеге. Остаться у побоища нельзя: набегут падальщики – погрызенные трупы я уже видел, – кого-то потянет и на свежатинку. Обутые протезы не скользили по траве, шел я быстро. Хорошее место нашлось скоро. По краю поляны шла балка, там бил ключ, а под деревьями рос мох – мягкий и пружинистый. То, что нужно. Подняв клапан сумки, я выпустил горностайку.

– Осмотрись!

Мирка твякнула и скрылась в лесу. Я втянул воздух. Пахло хвоей и разогретой смолой. Имплант определил лес как кедровый и обрадовал насчет полезности воздуха для здоровья. Рай! Жаль, что это не могут оценить лежащие в поле...

У ручья я прихватил нужный камешек. Удар напильником выбил из него сноп искр. Сухой мох задымил, пламя скользнуло на тонкие, хрупкие веточки. Спустя пару минут костер пылал. Я сходил к ключу и напился. Холодная вода не приглушила голод, есть хотелось невероятно. Сейчас бы и белковый концентрат сгодился. В Руднике мы видеть его не могли. Только где в Запасном мире взять концентрат? Автоматов по их выдаче не наблюдается.

Из-за ствола выскользнула Мирка и затанцевала, взволнованно чирикавая.

– Веди! – насторожился я.

В лесу стоял сумрак, но беленькая шкурка Мирки служила хорошим ориентиром. Королевские горностаи не линяют, им это без нужды. Специально так сделали. Сразу видно – из благородной линии.

Идти было недалеко. Вскоре Мирка встала, и я разглядел во мху серый ком. Тушка зверька, еще теплая. Я поднял ее за уши и пригляделся. Обыкновенный заяц, даже упитанный. Мирка убила добычу, прокусив череп у затылка – ее коронный прием. А вот притащить зайца не смогла – тяжелый.

– Молодчина! – похвалил я подружку.

Мирка стрекотнула и взобралась мне на плечо. У костра я освежевал зайца и протянул Мирке печень. Она вырвала ее из моих пальцев и, урча, стала поедать. В штольне Мирка убивала крыс, и я всегда давал ей печень. Остальное съедал сам... Тушка повисла на вертеле, выструганном из ветки. Зашипел капающий на угли жир, в воздухе одуряюще запахло. Я не стал ждать, пока заяц изжарится. Придерживая ломти палочкой, срезал верхний,

румяный слой и, дуя на горячее мясо, обжигаясь, жевал. Парное, с соком оно было невероятно вкусным. Я не заметил, как от зайца остались лишь кости. Обтерев жирные руки о мох, я сходил к ключу и утолил жажду. Воротившись, растянулся на мягком мху, подложив под голову сумку. Протезы снимать не стал – не у себя дома. Хрен знает, кто из леса выползет. Мирка прыгнула мне на грудь, выгнула спину дугой и, задрав хвост, заскакала на прямых ногах. При этом она угрожающе чирикала. Генная модификация дала горностайке интеллект трехлетнего ребенка вкуче с его же игривостью. Вот ведь непоседа! Я сдался и закрыл лицо руками.

– Боюсь! Боюсь!

Мирка вскочила мне на голову, потопталась по ней и победно застрекотала. Я раздвинул пальцы и глянул одним глазом. Горностайка чирикнула: дескать, можно. Я убрал руки. Мирка соскочила мне на грудь и зевнула.

– Сразу бы так! – сказал я, закрывая глаза.

Глава 2

Разбудила меня Мирка. Куснула за мочку уха, затем ее же лизнула. Горностайка словно извинялась: «Извини, но нужно». Я открыл глаза и сел. Имплант, проанализировав уровень освещенности, включил ночное зрение. Мрак поредел, но не рассеялся целиком: дешевый чип. А где в Руднике взять дорогой? Спасибо, что хоть такой раздобыли. Присмотревшись, я разглядел: вокруг никого. С чего Мирка всполошилась?

И тут я услышал голоса. Они звучали в отдалении, слов было не разобрать: только – «бу, бу, бу». Затем донесся и пощекотал ноздри запах: непрошенные гости что-то жарили. Я взял сумку и открыл клапан:

– Сюда!

Мирка недовольно чирикнула, но юркнула внутрь. Не нужно обижаться, девочка, твоя шкурка в темноте, как фонарик! Я повесил сумку на плечо и осторожно двинулся на голоса. Мох глушил шаги, а ночное зрение помогало разглядеть сухие сучья под ногами. Осторожно переступая их, я шел на голоса. Вскоре между стволами мелькнули проблески пламени. Я подошел ближе и схоронился за стволом.

Возле костра, горевшего посреди поляны, сидели пятеро мужчин. Пользуясь тем, что меня не заметили, я внимательно их рассмотрел. Незнакомцы были одеты в странные куртки с трапециевидными белыми клапанами на груди. В свете пламени по краям клапанов отчетливо виднелись желтые металлические пуговицы. Костер горел ярко, и я разглядел, что куртки на знакомцах синего цвета, так же, как и штаны, заправленные в высокие коричневые сапоги. На головах – широкополые шляпы, из-под них свисали на спины косицы. «Предположительно военная форма, земной аналог периода XVIII–XIX веков», – подсказал анализатор. То, что он прав, подтверждали плавно изогнутые рукояти пистолетов, торчавших за поясами трех мужчин. У всех имелись шпаги. В данный момент солдаты держали их в руках, сосредоточенно наблюдая за шипевшими на клинках кусками мяса.

Я пошарил взглядом по поляне. Неподалеку обнаружилась туша животного – то ли кабана, то ли иного похожего на него зверя. Мирка, привлеченная запахом, высунула мордочку из-под клапана.

– Прогуляйся! – разрешил я, открывая сумку. Опасаться не приходилось. Ну, заметят они Мирку, что с того? Погонятся? Так на кой ляд она им сдалась?

Горностайка, скользнув на мох, побежала к замеченной мной туше. Учужала. Неужели не наелась? Я не стал ей мешать, присел у дерева и прислушался. Солдаты, жаря мясо, переговаривались. Имплант впитывал слова, заносил их в память и анализируя. Это продолжалось минут десять. После чего солдаты умолкли и набросились на еду. Я послал мысленный запрос импланту. «Недостаточно материала для анализа, – выдал тот. – Речь похожа на языки романской группы, но отличается от них произношением. Дифтонги имеют иную артикуляцию...» Все ясно: школьный «лингви»! Теперь будет бухтеть, как занудный учитель в классе.

«Забудь про дифтонги! – велел я. – Перевод давай!» Имплант, словно обидевшись, умолк. Дешевка! В следующий миг я почувствовал укол стыда. С чего разъярился? Где парням взять армейский «мульти», раскалывающий язык после первых фраз? Спасибо, что хоть «лингви» поставили. Тварь я неблагодарная! Куда спешить? Я что, провожу экстренную разведку в тылу врага?

Солдаты прожевали мясо, насадили на шпаги новые порции и вновь заговорили. Имплант, ожив, принялся переводить. Спустя короткое время картина прояснилась. Передо мной сидели уцелевшие в сражении вояки. Этим повезло: успели удрать. Беглецы ругали какого-то Морти – как я понял: их предводителя или вождя, который оказался никудышным военачальником – и спорили, как быть дальше. Скитаться по лесу им надоело. Дичь тут есть, молодой подсвинок сегодня сам на них выбежал, и они его с ходу застрелили, но рано или поздно их найдут. Пустят по следу егерей... Если поймают, то повесят – они враги. Поэтому следует пробираться в Глен, но прежде – раздобыть гражданскую одежду и деньги. Солдаты спорили, где их взять: напасть на селение или ограбить проезжающую карету? У каждой идеи были сторонники, и они ее горячо отстаивали.

Я зевнул, машинально прикрыв рот ладонью. Неинтересно. Я закрутил головой, разыскивая горностайку, как вдруг заметил ковыляющее ко мне существо. Я присмотрелся и рванулся к нему.

Мирка выглядела, словно удав, заглотивший слона. Только этот удав был совсем маленький и с шерсткой, испачканной кровью. Я с замиранием сердца схватил подружку и торопливо ощупал. Ран на горностайке не было. Она вообще выглядела жутко довольной и даже попыталась меня лизнуть. «Обожралась!» – догадался я. Для Мирки парная печень значила то же, что для алкоголика – выпивка. Ради нее она заложила бы душу дьяволу; если бы дьявол, конечно, интересовался душами горностаев. Я поступил опрометчиво, пустив ее погулять. Видимо, солдаты Морти кабанчика не

потрошили, а просто срезали с боков куски мяса. Горностайка, обнаружив это, прогрызла добыче брюхо, после чего забралась внутрь. Там устроила пир, заодно вывозившись в крови.

– Не стыдно? – шепотом спросил я.

Мирка лениво чирикнула: дескать, с чего это ты? Девочка всего лишь перекусила.

Я вернулся к стоянке, где положил обжору на мох. После чего, достав кусок ткани, сходил к ключу. Намочив тряпку, вернулся и стал оттирать ею Мирку от крови. Можно было не беспокоиться – поутру сама оближется, но горностайка ползет ко мне спать. Перепачкает рубашку, а кровь – не лучшая рекомендация. Объясняй потом, что она кабанья.

Мирка вынесла умывание стоически, даже, как мне показалось, с удовольствием. Достигнув результата, я отбросил тряпку и завалился на мох. Мирка обиженно засопела: почему без нее? но я не стал ей потакать. Нечего столько жрать! Горностайка попыталась взобраться на меня. Свалившись на мох, она жалобно зачирикала. Я не удержался и подцепил ее ладонью. Оказавшись на груди, Мирка стрекотнула: сразу бы так! и закрыла глазки. Я последовал ее примеру. Солдат разбитой армии я не опасался: им не до нас.

Проснулся я от крика птиц. Они орали в кронах, приветствуя утро и радуясь жизни. Я снял Мирку с груди и положил ее на мох: горностайка даже не проснулась. Сходив к ручью, я умылся, после чего отправился ко вчерашней компании. Солдат на месте не оказалось – ушли. Вот и ладненько! Я навестил тушу подсвинка. Ее подпортило зверье, но целиком не растащило – видимо, опасалось людей. Я перевернул подсвинка и вырезал из нетронутой стороны шмат мяса. Вернувшись, соорудил костер и поджарил свинину на углях. Мирка, проснувшись, с интересом за этим наблюдала.

– Тебе не дам! – предупредил я.

Горностайка чирикнула: мол, не больно-то хотелось, и полезла ко мне на колени. Пока я ел, она лежала, свернувшись клубком. Раздувшийся живот у нее исчез, но выглядела горностайка сонной. Неудивительно: столько съесть! Тем временем рассвело. Покончив с завтраком, я сунул Мирку в сумку и выбрел из леса. Двигаясь опушкой, обнаружил следы. Темная дорожка пересекала луг, выделяясь на росной траве. Я двинулся по проложенному маршруту. Вчерашние солдаты шли к людям, нам по пути.

Через километр-другой луг кончился, я выбрался на дорогу. Выглядела она наезженной. Какое-то время я колебался: а вдруг патруль? Неподалеку кипело сражение, искать разбежавшихся солдат противника – обычное дело

победителей. Есть вероятность, что меня примут за солдата Морти. Тогда – виселица. Но и в лесу сидеть глупо. Рано или поздно следует выбираться к людям. Лучше всего – к мирным жителям. Внешне я соответствую аборигенам – это подтвердил имплант, язык освоил. Объясниться смогу, легенду придумаю. Если не покатит, дам деру. На протезах из модернизированного углепластика и при своих коленных суставах убежать можно даже от лошади. Проводились на Земле такие соревнования, и там спортсмен-инвалид на короткой прямой обогнал рысака. Протезы, правда, у него были созданы специально для бега, но и мои в порядке. Не догонят...

Приняв решение, я двинулся дорогой, насвистывая марш. Шагалось легко. Пыльная дорога стелилась под сапоги, в придорожных кустах верещали птицы, пару раз путь пересекли зайцы, следом за одним из них порскнула лиса. Живности в Запасном мире хватало, а вот люди не попадались. Это вызывало удивление: дорога не выглядела заброшенной. Тем не менее, отшагав пару часов, я никого не встретил.

Желтая звезда забралась в зенит и начала припекать. В суконной куртке было жарко, я взмок. Захотелось пить. Завтрак был плотным, а воды я с собой не взял – некуда. Я закрутил головой, разыскивая ручеек или источник. Они не попадались. Но, видимо, наверху услышали мои молитвы – за поворотом возник колодец. Сложенный из камня, он имел журавель и деревянное ведро на веревке. Я склонился, различил внизу водное зеркало и принял. В войну бросить в колодец труп – первое дело. Себе – удовольствие, врагу – отравка.

Из колодца тянуло сыростью – и только. Я спустил ведро вниз и вытянул воды. Понюхал и попробовал – вредных веществ нет. Утолив жажду, я напоил Мирку, после чего сел на край корыта, служившего водопоем, и снял протезы – вместе с сапогами. Натруженные культы отозвались блаженством. Я обдал их из ведра и оставил обсыхать. Благодать! Благословен тот, кто устроил этот колодец и содержит его в порядке!

Как ни приятен был отдых, но следовало идти. Я сунул культы в гильзы протезов и двинулся дальше. Местность постепенно менялась. Равнина кончилась, теперь дорога то и дело взбиралась на холмы и ныряла в низины. По обеим ее сторонам тянулись пустоши, поросшие вереском. Там и сям купами темнели кусты. В некоторых местах они подступали к дороге, образуя укрытие для засады. Я насторожился и стал внимательно вглядываться. Поэтому упустил момент, когда за спиной послышался конский топот.

Я оглянулся. Меня догоняла карета: большая, черная, запряженная

четверкой лошадей. Бежать было поздно: вокруг пустошь. К тому же бегущий человек подозрителен. Я свернул к обочине и побрел дальше: дескать, мирный путник, идущий своей дорогой. За спиной послышалось фырканье, первая пара запряжки пробежала мимо, показались головы второй, и в этот миг в воздухе свистнуло. Острая боль обожгла мне спину. Я вскрикнул и обернулся.

Кучер на козлах грозил мне кнутом и что-то кричал. Карета пронеслась мимо, и я увидел на запятках мужчин. Один из них выхватил пистолет и прицелился.

Я упал на колени. Оглушительно ударил выстрел. Пуля свистнула над головой и ушла в поля. Я поднял голову. В низине стояло облако дыма, карета взбиралась на склон, а с запяток в меня целился второй мужик. Я плюхнулся на живот. Мелькнула вспышка, и пуля шмякнула в стороне, вырвав из земли клочок травы. Вот ведь сволочи! Чем я им мешал? Что теперь? Встанут и бросятся добивать? Бежать?

Карета не остановилась. Взобравшись на холм, она перевалила за гребень и исчезла. В следующий миг там загрохотали выстрелы и послышались крики. Я прислушался. Наверху шел бой. Мои обидчики попали в засаду, сейчас их убивали. Мгновение я колебался. Это не моя война. С другой стороны, победители могут заинтересоваться свидетелем. Мной...

Приняв решение, я побежал вверх, на ходу открывая клапан сумки. Отдохнувшая Мирка взлетела по рукаву на плечо. Оказавшись наверху, застыла, сгруппировавшись. Чувствует адреналин. Умница!

Влетев на холм, я остановился. Бой догорал. Карета застыла поперек дороги. Видимо, кучер хотел ее развернуть, но не успел. Теперь он безжизненно свисал с козел головой вниз. Мужики с запяток валялись неподалеку, и даже беглого взгляда хватало, чтобы понять: покойники. Рядом стыл труп в синей форме. Двое «синих», обступив мужика в парике, тыкали в него шпагами. Тот отбивался, но было видно: сдает. В стороне еще двое «синих» раскладывали на обочине женщину. Один прижимал ее к земле, второй, бросив шпагу, задирает юбки. Жертва извивалась и брыкалась, но насильник не обращал на это внимания. Покончив с юбками, он спустил штаны.

Я выбрал насильников. Не из благородного порыва, отнюдь. Из оружия у меня имелся нож, к тому же маленький, против шпаг он не плясал. А вот насильники были уязвимы. Один стоял со спущенными штанами – не навоюешь, второй, забыв про оружие, держал женщину. Подбежав ближе, я протянул руку в сторону второго.

– Враг!

В природе горностаи прыгает на полметра. Но это дикий. Над предками Мирки поработали генетики. Королевские горностаи крупнее, и ноги у них сильные. Мирка сделала гигантский прыжок, затем – второй, точно оказавшись на спине «синего». Тот, ощутив тяжесть, попытался горностаю смахнуть. С таким же успехом он мог отвести пулю. Мирка скакнула ему на плечо и впиалась в шею. Солдат завопил.

Насильник без штанов растерялся. Вместо того чтоб подобрать шпагу, он решил подтянуть штаны. Зря... Подскочив, я сдавил ему горло сгибом локтя. «Синий» захрипел. В следующий миг лезвие с серейторной заточкой вошло ему в правый бок и закрипело, вспарывая плоть. Спустя мгновение я выхватил нож и отпустил покойника.

Тот попытался зажать рану ладонью. Бесполезно: с разваленной печенью не выживают. Лезвие мультитула длиной всего с палец, но для человека этого достаточно. Насильник качнулся и рухнул на колени. Я вытер лезвие о его мундир и спрятал мультитул. Подобрал шпагу и осмотрелся. «Клиент» Мирки доходил. Лежа на спине, он сучил ногами, вырывая каблуками вереск. Из раны на шее струей била кровь. Мирку учили перекусывать артерии, и она знает, где они находятся у человека. Распаленная боем, горностайка теперь плясала на теле врага, шипя и выгибая спину.

– Брось его! Ко мне!

Мирка нехотя перепрыгнула на затихшую женщину, затем – на землю и взобралась мне на плечо. Следя за ней взглядом, я увидел ножки в красных чулках, подвязанные выше колена белыми ленточками, треугольник рыжих волос на лобке и белый, нежный живот. Ножки были худенькими, бедра – неширокими. Это не женщина, а девочка. Вовремя мы... Я повернулся и побежал к карете.

Там разыгрывался последний акт. Мужик в парике более не сражался. Его шпага валялась на земле, а сам он стоял, безжизненно опустив руки. «Синие», выставив перед собой клинки, что-то говорили. По их виду было понятно: насмеваются. «Тибя зарэжэм, бабу твою оприходуем, а патом и ее зарэжэм...»

Я перехватил шпагу за граненый клинок и метнул ее, как дротик. Прошелестев в воздухе, она с хрустом вошла в спину ближнего «синего». Разбойник покачнулся и рухнул навзничь. Рукоять шпаги уперлась в землю, и клинок, пробив тело, выскочил наружу, грозя небу окровавленным кончиком.

Второй разбойник отпрянул в сторону и обернулся, выставив перед

собой шпагу. Он не слышал, как я сказал: «Враг!» – и не видел моего жеста. На белый комок, стелившийся по земле, он и вовсе не обратил внимания.

Это стоило ему жизни. Мирка прыгнула на бедро «синего» и, как могло показаться, на короткий миг приникла к нему. Этого, однако, хватило. У горностая 34 зуба, и они острые, словно бритвы. Вгрызаясь в плоть, разваливают ее, как мясницкий нож. Разбойник вскрикнул и перевел взгляд на ногу. Из бедра бил кровавый фонтан. «Синий» выронил шпагу и попытался зажать рану ладонями. Кровь пробилась сквозь пальцы и оросила землю. Раненого можно было спасти, наложив жгут, но я не собирался этим заниматься. Ему же лучше. Сдохнет от потери крови, а не на виселице.

Я двинулся к карете. Человек в парике уже не стоял, а сидел на ступеньке, привалившись спиной к дверце.левой рукой он зажимал рану на груди. На голубой ткани камзола расплывалось темное пятно. Серое лицо, частое дыхание... Минута-другая, и «уплывет».

Дальнейшее произошло автоматически. Я выхватил из кармана шприц-тюбик, сорвал с иголки колпачок и воткнул ее раненому в шею. Пальцы выдавили лекарство, и только затем до меня дошло: шприцов у меня всего пять! Вернее, уже четыре...

Менять что-либо было поздно. Я сунул использованный тюбик в карман и бесцеремонно стащил с несчастного тяжелый, расшитый золотыми позументами камзол. Он не возражал, вяло подчиняясь моим рукам. Отбросив камзол, я пригляделся. Багровое пятно на белой, украшенной кружевами рубахе ползло к животу. Из отверстия повыше соска толчками выбивалась кровь. Поврежден крупный сосуд. Хорошо, если не задето легкое.

Я вытащил из сумки кусок полотна, оставшегося после выкройки, свернул его и приложил к ране.

– Прижмите!

Он повиновался.

– Отец!..

Из-за кареты выскочила недавняя жертва насильников, понеслась к нам.

– Стоять! – рявкнул я.

Этой только не хватало! Начнет причитать и дергать раненого, а тут каждый миг дорог.

«Жертва» притормозила и гневно глянула на меня. Я разглядел юное личико, густо усеянное конопушками, курносый носик и серого цвета глаза под огненно-рыжими бровями. Такого же цвета были косы, уложенные на

голове. Да уж, «Огонек»! Прикурить можно...

Не обращая внимания на ее злобный взгляд, я вытащил из сумки вторую рубашу, резким движением оборвал и бросил на землю кружева. В глазах «Огонька» гнев сменился изумлением.

– Держи!

Она поколебалась, но послушно ухватила ворот. Я натянул рубашку за подол, и острым лезвием мультитула стал пластать ее на полосы. Готовые сбрасывал себе на плечо. Девчонка, сообразив, ловко перехватывала пальчиками ткань. Спустя считанные секунды рубашка превратилась в бинт. Я связал концы полос и, подойдя к раненому, стал накладывать давящую повязку, не забывая забрасывать витки ему на плечо – иначе сползет. Длинные концы парика мешали мне бинтовать. Я стащил это воронье гнездо и сунул его девчонке. Та ахнула, но послушно взяла. Под париком обнаружилась потная лысина в обрамлении коротко остриженных седых волос.

Закончив перевязку, я отступил и критически оглядел свою работу. Коряво, конечно, но какое-то время продержится.

– Ты кто? – внезапно спросил старик.

Выглядел он довольно бодро: лекарство подействовало.

– Чужеземец, – выдал легенду я.

– Как ты здесь оказался?

– Шел.

Старик глянул пристально, всем своим видом показывая, что ответ его не удовлетворил. Блин! Он еще допрашивать будет!

– Никому не мешал! – с раздражением добавил я. – Но сначала меня огрели кнутом, а после пытались застрелить.

– Слуги приняли тебя за мятежника. Болваны! – скривился старик. – Окажись пистолеты заряженными, мы бы отбились.

Я хмыкнул. Судя по тому, как быстро «синие» расправились с кучером и охранниками, воевать они умели. Это были солдаты разгромленной армии, те, кого я видел в лесу. С путешественниками они в любом случае справились бы. Старик, видимо, догадался о моих мыслях и нахмурился.

– Почему ты помог нам? – спросил сердито. – Ведь мы тебя обидели?

Я пожал плечами: у меня не было ответа на этот вопрос.

– Ты странно выглядишь, – продолжил старик. – На тебе одежда, перешитая из женского платья. Мужчины Алитании не носят лилового. Да и по крою видно.

Соколиный глаз, мать его!

– Видите ли...

Я сделал паузу. Старик понял.

– В Алитании к благородным людям обращаются «черр». Ко всем – от простого сквайра до короля. Я – черр Оливер, съёрд этих земель. Она, – он кивнул на рыженькую, – черра Элизабет.

Вообще-то съёрд сказал: «Элтисисьютибет», но я мысленно переименовал имя в привычное. Я эти «сью» не выговариваю.

– Айвен, – представился я. – Меня ограбили разбойники, черр. Забрали лошадь, деньги и даже одежду. Я остался совсем голым. Пришлось использовать женское платье.

– Ты украл его?

Нет, мне это нравится! Сейчас свалится в обморок – СИД не действует долго, – а его интересует платье.

– Нет, черр. Его владелица была мертва.

– Ты снял платье с мертвого тела?

Он что, прокурор? С трудом сдерживая раздражение, я в двух словах рассказал о том, как мне достались эти сокровища.

– Похоже на правду, – заключил старик. – Мы с Бетти были на месте сражения. Собственно, за этим и ездили. Хотел посмотреть, как выполняется мой приказ о погребении тел. Мы не ожидали встретить солдат Морти – после битвы прошло три дня. Я совершил ошибку, которая едва не стоила нам жизни, – он помолчал. – Вот что, Айвен! Ты не из Глена – выговор у тебя другой, поэтому я склонен тебе верить. Что собираешься делать?

– Идти дальше.

– Через три мили Иорвик. В этой одежде стража примет тебя за мятежника и отправит в тюрьму. У меня другое предложение. Я лишился кучера и охраны. Бетти не справится с лошадьми: ее не учили править каретой. Я ранен. Отвези нас в город. Со мной тебя не посмеют тронуть. В Иорвике можешь идти, куда хочешь. Возьми одежду кого-нибудь из мертвых слуг, – он поморщился. – Стража все равно ее сдерет, свалив на разбойников. Согласен?

– Да, черр! – поклонился я.

Разговор вымотал старика. Он побледнел и закрыл глаза. Я подхватил его на руки и погрузил в карету. Подобрал и забросил туда же камзол. Рыженькая, скользнув следом, захолопотала над раненым. Я рассмотрел трупы, нашел подходящий, стащил с него куртку и штаны и переоделся. Рукава куртки оказались коротковатыми: народ здесь, как я заметил, живет мелкий. Карманов в куртке не имелось, и в штанах – тоже. Что в этом времени в них носить? Свои сокровища, извлеченные из карманов прежней

куртки, переложил в сумку. Сапоги позаимствовал у одного из «синих»: во-первых, они выглядели совсем новыми, во-вторых, были пошиты на манер ботфортов – можно подтянуть голенища до середины бедра. В определенных ситуациях пригодится. Одежда пованивала, но я не стал брезговать – стираем. Еще я обзавелся поясом и второй сумкой, куда сложил трофеи: пистолеты, кошельки, пороховницы и пули. Пару пистолетов сунул за пояс – лишними не будут. Заряжать не стал – следовало разобраться, как. Нашел и прицепил к поясу кинжал в кожаных ножнах. Выглядел он непритязательно: черное лезвие несло следы кузнечного молота. Зато имело подходящую длину и острую заточку. Шпаги я побросал на запятки. Фехтовать я не умею, зачем, спрашивается, нужны?

На все это ушли считанные минуты. Водрузив на голову шляпу – здесь, похоже, не ходили с непокрытыми головами, – я свистнул Мирку и взобрался на козлы. Перед этим стащил убитого кучера на землю. Можно было отвезти в город – места на козлах хватало, но я не стал: а вот нефиг мирных путников кнутом хлестать! Потянув за вожжу, я громко чмокнул. Лошадки развернули карету и побежали по дороге. Дорогой я думал над произошедшим. Разговор со съёрдом мне не понравился. Ему жизнь спасли – как жалко использованного шприца! – а он выкобенивается. Хоть бы спасибо сказал! Рыжая дочка туда же – глазищами сверкает. Не случись нас с Миркой, пустили бы ее по кругу, а после зарезали. От таких «благородных» лучше держаться подальше...

Я привязал вожжи к козлам – лошади и без того знали дорогу – и полез в сумку с трофеями. Первым делом вытряхнул кошельки. Три серебряные монеты и два десятка медяков. Не густо. Я разглядел монеты. Они были разными. На всех имелся профиль властителя и легенда^[1]. Властителей оказалось три. Одутловатый мужик с увесистым шнобелем, еще один помоложе, с приятным обликом, и третий – совсем мальчик. Чеканка чистая, однородная, буквы и цифры читаются легко. Вручную так не сделать, значит, прессы и штампы здесь качественные. И пистолеты, как я заметил, не выглядели кустарными: явно серийный выпуск. Замки кремневые. Следующий этап – пистоны, а затем – унитарный патрон. Конец восемнадцатого, начало девятнадцатого века, по земным меркам.

Вчитавшись в легенды, я понял, что одутловатый мужик и мальчик – местные, из Алитании, и, скорее всего, отец и сын. Старый властитель умер – об этом говорила потертость монет с его профилем, молодой взошел на трон. А вот приятный на фейс мужик наверняка из Глена, куда собирались убитые мной солдаты, и откуда, понимай так, они и прибыли. Я разделил

монеты по принадлежности и ссыпал их в два разных кошелька, выбросив пустые. Теперь, главное, не перепутать, где какие. Может статься, что за монету Глена окажешься в тюрьме. Здесь отгремело сражение, к солдатам страны-агрессора, как я понял, присоединились местные мятежники, так что общество в Алитании переживает раздраз. Идет охота на ведьм, и человек с монетой враждебной страны, как никто другой, годится в шпионы.

Лошади вынесли карету на холм, и я увидел стены и башни. Иорвик, как следовало понимать. Привстав, я всмотрелся. Не Средневековье, конечно, но не так уж далеко от него. Стены и башни сложены из камня, потемнели от времени, но выглядят грозно. Над зубцами торчал шпиль храма, и я с изумлением увидел венчающее его колесо. Не тележное, конечно, об этом говорили его размеры, а вытесанное из камня. Обод, спицы... Это что за хрень? Я снял Мирку с плеча и сунул ее в сумку.

Карета приблизилась к воротам, и навстречу нам вышла стража. Полдесятка человек, одеты в зеленые мундиры и шляпы. У четверых за плечами висели кремневые ружья, на поясах – большие тесаки, и лишь у одного имелась шпага. Офицер, тут и гадать не нужно. Разглядев герб на дверцах, стражники отступили на обочину и вытянулись. Съёрд Оливер здесь явно в авторитете. Я остановил лошадей.

– Черр!

Офицер подошел ближе.

– В трех милях отсюда на съёрда Оливера напали солдаты Морти. Убиты кучер и слуги. Съёрд ранен.

– А ты кто? – насторожился офицер.

– Прохожий. Помог съёрду отбиться. Солдат мы убили. Съёрд велел отвезти его домой, но я не знаю, где это. Я в первый раз в Иорвике. Следует спешить: черру Оливеру худо.

– Клер! – офицер повернулся к стражникам: – Покажи дорогу.

Один из стражников взобрался на козлы, и я хлестнул лошадей. Скорей отсюда! Не то станут расспрашивать...

Колеса простучали по мосту, мы въехали в ворота и покатали по улице. Ее обступали невысокие, в два-три этажа, дома, сложенные из темного камня. Собственно, каменными были только первые этажи, остальные – фахверковыми, из дерева или глины, выкрашенные в белый цвет. Черепичные крыши, узкие окошки с частыми переплетами, но застекленные. Окна отсвечивали зеленью – делать прозрачное стекло здесь пока не умеют. А вот улица вымощена бульжником – прогресс.

Мы прогремели пару кварталов. Стражник указал рукой, и я увидел

кирпичную ограду. Дом возвышался над ней, сверкая медной крышей. Никакого фахверка, каменные стены с резьбой у окон, да и сами окна большие и частые. Небедный у нас съёрд!

Я остановил карету перед коваными воротами. Стражник спрыгнул и требовательно застучал медным кольцом. В створке открылось окошко, там показалось лицо, затем за воротами ахнули, и створки стали открываться. Стражник кивнул мне и отправился восвояси. Я шлепнул лошадей вожжами и подогнал карету к каменному крыльцу. Навстречу высыпала толпа слуг. На меня уставились десятки изумленных глаз.

– Съёрд ранен! – крикнул я, соскакивая с козел. – Ему нужна помощь!

Обо мне мигом забыли. Слуги захлопотали у кареты. Из нее вытащили раненого и на руках понесли в дом. Следом выпорхнула рыженькая. Я колебался мгновение.

– Черра!

Она остановилась и окинула меня сердитым взглядом. Плевать!

– Ваш отец тяжело ранен. Возможно, задето легкое. Не позволяйте пускать ему кровь – он и без того потерял ее много. Обтирайте раненого уксусом, меняйте повязки. Они должны быть чистыми, бинты лучше предварительно кипятить. Давайте ему вино, но не много. Оно облегчит боль и будет способствовать заживлению.

Брови ее поползли вверх.

– Вы доктор?

– Приходилось иметь дело с подобными случаями, – ушел я от вопроса.

Она внезапно помялась.

– Там, на дороге... Я... Меня...

– Не беспокойтесь, черра! – сказал я, догадавшись. – Я не видел ничего такого, о чем стоило бы рассказать.

Она вспыхнула, обдала меня сердитым взглядом и побежала в дом. Чего разозлилась, спрашивается? Я пожал плечами и, повернувшись, увидел перед собой здорового мужика с тесаком на поясе. За его спиной маячили еще двое. Откуда взялись? Лицо мужика, коричневое, с белыми полосами шрамов, не сулило хорошего.

– Ты кто? – спросил он, ткнув в меня пальцем.

– Прохожий. Помог съёрду отбиться от разбойников, а затем привез его сюда.

– А где Айк, Тэд и Блэр?

– Погибли.

– На тебе куртка Тэда.

– Съёрд разрешил ее взять, – я опустил подробности. – Сказал, что стража все равно сдерет.

Тяжелая рука легла мне на плечо.

– Идем! Расскажешь!

– Съёрд сказал, что в Иорвике я пойду, куда захочу.

Мужик крепко сжал мне плечо.

– Идем!

– Убери руку! – потребовал я.

– А то что?

– Будет больно.

Он ухмыльнулся, но в следующий миг охнул и отпустил мое плечо. Пинок в голень – это, знаете ли, не конфетку съесть. Я без замаха добавил ему под ложечку. Мужик согнулся пополам. А вот нечего хамить, рожа драная! Двое других дернулись ко мне, но я выхватил пистолеты и взвел курки.

– С дороги!

Они попятились на газоны. Держа слуг на прицеле, я прошел мимо и выбежал в открытые ворота – к счастью, их не успели закрыть. Привратник проводил меня испуганным взглядом. Оказавшись на улице, я оглянулся. Меня не преследовали. Придерживая спицы курков, я снял их с боевого взвода и сунул пистолеты за пояс. В сумке завозилась Мирка – почуяла всплеск адреналина. Я сунул руку под клапан и погладил горностайку. Выпускать не стал – лишнее внимание ни к чему.

– Тихо, девочка! Нас неласково приняли, но мы выбрались.

Мирка успокоилась. Я осмотрелся и направился нужным путем. Дорогой я кое-что приметил...

Глава 3

По краям вывески красовались две перекрещенные шпаги и пара пистолетов в таком же отображении. Надпись между рисунками имплант перевести не смог. Судя по буквам, здесь использовали классическую латиницу (интересно, откуда она взялась?), но сам текст... Сплошные дифтонги и шипящие – язык сломаешь. Я толкнул дверь. Задавленно брякнул колокольчик, и я оказался внутри небольшой комнаты, перегороденной высоким прилавком из потемневшего дерева. Им же были отделаны стены, которые сплошь покрывали развешенные на крюках шпаги, палаши, тесаки, пистолеты и прочий металл, предназначенный резать, колоть, рубить, а также убивать людей на расстоянии. В лавке пахло пылью, старым железом и ружейным маслом.

– Черр?

Над прилавком возникла седенькая голова. Морщинистое лицо обрамляла борода, такая же седая, как волосы на голове.

– Чем могу?

Я открыл клапан сумки. Мирка воспользовалась моментом и выскользнула мне на плечо. Кустистые брови старика поползли вверх.

– Вот! – Я выложил на прилавок трофеи. – Хочу продать.

Старик взял пистолет, повертел в руках и бросил обратно.

– Не нужно.

Здрасьте! Это с чего? Оружие в этом времени, если верить импланту, должно цениться.

– Отдам дешево.

– Не возьму даже по пенни. Это пистолеты солдат Морти?

Я кивнул.

– Три дня назад купил сотню таких, – буркнул старик. – Все деньги потратил. Думал продать арсеналу. Не взяли даже по кроне. Дрянь! Арсенал требует: пистолет должен выстрелить шесть раз подряд без осечки. Отобрали десяток – ни один не выдержал. Более того. Смотрите! – Старичок нырнул за прилавок и появился обратно с пистолетом в руках. – Попробуйте взвести!

Я взял пистолет и потянул за спицу курка. Тот дошел до середины и уперся. Я нажал сильнее – бесполезно.

– Видите? – вздохнул старик. – Надо было сразу проверить. Но я даже подумать не мог. Оружие из Глена хорошее. Отдали пистолеты дешево – по

пять силли за штуку, вот я и обрадовался. Куда их теперь девать, ума не приложу.

Я достал мультитул, отщелкнул отвертку.

– Можно?

Старик уставился на мультитул, поколебался и кивнул. Я открутил винты и снял крышку замочной доски. Так... Суду все ясно. На пятке курка образовался заметный наплыв. Аналогичный виднелся и на шептале. Или делали из дрянного железа, или поленились закалить. Поначалу пистолет стрелял, но потом курок «закусил» шептало.

Вытолкнув шпильки, я вытащил бракованные детали и отщелкнул напильник. Металл курка поддался легко, насечки не забивал. Опилки с шорохом сыпались на прилавок. Все-таки сталь. Не бог весть какая, конечно, но закалке поддастся. Неизвестные мастера схалтурили, видимо, заказ спешным был...

Сточив наплывы, я вставил детали обратно и привинтил крышку. Потянул спицу курка. Тот, щелкнув, легко встал на боевой взвод. На полке пороха не было, но я не стал рисковать. Отвел ствол в сторону и нажал на спуск. Кремень высек сноп искр, запахло гарью.

– Исправен!

Я протянул пистолет старику.

– Он выдержит шесть зарядов? – сощурился тот.

– Возможно, да, но, скорее всего, нет. Детали нужно закалить. Тогда и сто раз выстрелит.

Старик взял пистолет и почесал стволом нос.

– Вы оружейный мастер?

Я кивнул. Можно считать так. По сравнению с механизмами, которые я ремонтировал в Руднике, местные пистолеты – вилы, к тому же двузубые. Старик положил пистолет и уставился на меня.

– Вот что, э-э...

– Айвен меня зовут, – подсказал я.

– Вы могли бы взяться за эту работу, мастер Айвен?

– Нужна мастерская, инструменты, горн, масло, – стал перечислять я, – много чего потребуется.

– Все есть, – успокоил старик. – Как скоро справитесь?

Я задумался. Если детали взаимозаменяемые, то за неделю. А если нет...

– Месяц.

– Идет! – согласился старик.

– Сколько заплатите? – поинтересовался я.

– Если арсенал купит, получите десятую долю выручки. Всего пистолетов сто три, следовательно, получите десять крон и шесть силли. Большие деньги!

Я глянул на лавочника. Рожа жуликоватая... Наверняка ладит кривую козу.

– Вот что...

– Зак! – представился старик. – Зовите меня «мастер Зак».

Я достал кошелек.

– Я чужеземец, мастер Зак, и не знаю ваших денег. Не просветите?

Я высыпал монеты на прилавок. Зак взял медную.

– Это пенни. Двенадцать пенни составляют один силли. – Он взял серебряную монету. – Двадцать силли составляют одну золотую крону.

– Что можно купить за пенни?

– Фунт хлеба, кувшин пива или десяток яиц.

– А за силли?

– Откормленного гуся или откормленного поросенка.

– Сапоги! – указал я пальцем.

– Десять силли, – погрустнел лавочник. – Если новые.

– Куртка?

– Такая, как на вас, не меньше пяти силли, поношенная – дешевле. Рубашка из домашнего полотна – один силли. Но если шить самому, обойдется в пять пенни.

– А кружева?

Зак глянул на меня с удивлением.

– Добрые кружева из Бранта стоят крону за пядь. Это при ширине в три пальца. Если в пять, то две кроны.

Блин! А я их оторвал и выбросил. Теперь понятно, почему рыженькая смотрела с изумлением. Маркитантка не зря прятала одежду. Самое ценное я оставил на месте схватки. Хотя бы сапоги с разбойников снял...

– Аванс дадите?

Лицо лавочника вытянулось.

– У меня плохо с деньгами – сильно потратился. Дать аванс не могу. Зато в мастерской вы будете жить бесплатно, пользоваться всем, что там есть, – тоже.

– Мне не хватит на еду. Ей, – я ткнул пальцем в Мирку, – нужно мясо. Каждый день.

– Как называется ваш зверек? – заинтересовался лавочник.

– Горноста́й.

– Я могу его купить. Дам хорошую цену. Крону, скажем...

Мирка возмущенно тьякнула.

– Я не торгую друзьями, мастер Зак!

Лавочник развел руками. Я сгреб монеты в кошель, завязал его и бросил в сумку. Повернулся к двери.

– Мастер Айвен!

Я нехотя обернулся.

– Давайте так. Вы исправите десяток пистолетов, покажете их мне и, если работа меня устроит, получите крону. Этого хватит на питание вам и ему, – старик показал на Мирку.

– Ей, – поправил я. – Миранда – девочка. Я принимаю ваше предложение, мастер Зак! Но у меня будут условия. Первое: мы закрепляем договор на бумаге. Второе: я присутствую при сдаче оружия в арсенал.

Лицо лавочника поскучнело.

– Зачем это вам?

– Думаю, исправный пистолет стоит больше кроны.

– Это если новый! – возразил старик. – К тому же у гленского оружия калибр на линию меньше, для них требуются свои пулелейки. Больше двух крон не дадут.

Я хмыкнул. Лавочник понял, что проговорился, и насупился.

– Не доверяете старому Заку, мастер?

– Ни капельки! – признался я.

– Потому что вы не местный. В Иорвике все меня знают. Говорите: вы чужестранец? Откуда приехали? Зачем?

«Ишь ты! – подумал я. – Допрос. Политическую статью шьет!»

– Спросите об этом съёрда Оливера. Сегодня я спас ему жизнь и его дочери – тоже. На пути в Иорвик на них напали разбойники. Я подоспел вовремя. Съёрд обещал мне покровительство.

Мне его не обещали, но Зак этого не знал. Спрашивать не побезит: побоится. Лавочник вздохнул и достал из-под прилавка чернильницу и лист рыхлой серой бумаги. Затем на свет явилось гусиное перо – самое настоящее, аккуратно подстриженное. Писал старик быстро. После того как я дважды поставил «Ivan», Зак оторвал по линейке мой экземпляр, затем – свой, остаток бумаги прибрал. Похоже, здесь она ценится.

– Тибби! – кликнул Зак, закончив.

В задней стене отворилась дверь. В проеме явилась вихрастая голова.

– Возьми тачку и помоги мастеру Айвену свезти пистолеты в мастерскую.

Голова кивнула и исчезла.

– Прошу вас, мастер!

Старик снял доску, преграждавшую вход за прилавок, и мы втроем – считая Мирку, конечно – прошли в заднюю комнату. Пистолеты обнаружили в больших корзинах у стены. Не обращая внимания на причитания Зака, я вывернул их на пол и стал складывать обратно, при этом пересчитывая. Тибби, мальчишка лет двенадцати, тот самый обладатель вихрастой головы, помогал. Поглядывая на Мирку, он протягивал мне пистолеты, а я, перед тем как бросить их в корзину, осматривал оружие. Трофеи, подобранные на поле боя, могли оказаться без курков, полок, с разбитыми рукоятями и ложами. Мне их потом самому делать? К моей радости, пистолетов оказалось ровно сто три, и выглядели они вполне сносно – не потертые, не ржавые и даже с целыми кремнями.

– Убедились, мастер Айвен? – съехидничал лавочник, когда я завершил пересчет. – Старый Зак не обманывает. Пистолеты почистили и смазали, Тибби занимался этим два дня.

Парнишка в подтверждение показал мне черные ладони. Ну да, пороховую гарь отскрести трудно...

– Проведи Айвена в мастерскую, Тибби, – сказал Зак, протягивая связку ключей. – Обратного не возвращайся. Покупателей уже не будет.

Мы с Тибби вытащили корзины во двор и погрузили их в здоровенную тачку. Катить пришлось вдвоем – груз тянул центнера на полтора. Хорошо, что пистолеты оказались пехотными, а не кавалерийскими. У последних длиннее ствол, да и калибр больше. Они тяжелые, их возят в седельных кобурах. Эти сведения выдал имплант. Похоже, мне вставили общую энциклопедию. В военных имплантах такой информации нет. Солдату с импульсной винтовкой, обвешенному приборами, как новогодняя елка шарами, кремневые пистолеты без нужды.

Тачка простучала по булыжникам и пошла тихо – город кончился. Мастерская располагалась на берегу реки за крепостной стеной. Тибби открыл замок на воротах, и мы въехали внутрь. Мастерская представляла собой одноэтажный дом под черепичной крышей со стенами, сложенными из кирпича. Просторный двор, окруженный забором из потемневших от времени деревянных плах, хозяйственные постройки. Тибби указал на невысокий сарай.

– Пистолеты лучше сложить там, в мастерской будут мешать.

Я кивнул, и мы толкнули тачку. В сарае оказался склад. На полках-стеллажах лежали заготовки рукоятей и лож, полосы железа, слитки свинца и меди, стояли оплетенные бутылки с растворами, в небольших коробочках обнаружили винты-шурупы и прочие детали оружия. Все рассортировано и аккуратно расставлено.

– Мастер Клаус любил порядок, – пояснил Тибби.

– А где он? – любопытно спросил я.

Парнишка замялся.

– Не стесняйся! – поощрил я.

– Не скажете хозяину?

– Чтоб мне сдохнуть! – пообещал я, стукнув кулаком себя в грудь.

Мирка в подтверждение чирикнула.

– Еще до высадки Морти мастер уехал. Обратного не вернулся. Хозяин говорит, что он отправился в Глен, но это не так. Я помогал Клаусу грузить повозку. Мастер забрал оружие – все, что было, порох, пули, и поехал на север. Если бы хотел в Глен, повернул бы направо – порт там.

– Битва с мятежниками была на север от города?

– Так, мастер!

«Вот оно что! – понял я. – Клаус поехал к Морти».

– Кому принадлежит мастерская?

– Клаусу.

Все ясно. Хитропопый дедушка, этот Зак! Узнают власти, что Клаус – мятежник, конфискуют мастерскую. Мастер наверняка погиб. Если бы попал в плен, об этом бы знали. Зак явно положил на мастерскую глаз. Поэтому селит другого человека, разрешает ему всем пользоваться. А там, глядишь, и приватизирует.

Сгрузив корзины, мы заперли сарай и пошли в дом. Он состоял из двух комнат: жилой и собственно мастерской. В жилой обнаружилась деревянная кровать с тюфяком и подушкой, на удивление чистыми, небольшой стол с табуреткой и – к моему великому удивлению – полки с книгами. Они были в кожаных переплетах, большие и тяжелые.

– Мастер Клаус любил читать, – заметил по этому поводу Тибби.

Еще более удивила мастерская. Токарный станок, кузнечный молот, круглый точильный камень на железной оси, горн с кожаными мехами – и все это на механической тяге! Об этом свидетельствовало гладкое бревно, закрепленное вдоль стены в кожаных гнездах с деревянными шкивами на нем – каждое напротив потребителя мощности. Ременные передачи со шкивов были сброшены, но натянуть их – минутное дело.

– Как это вращается? – спросил я, указав на бревно.

– За домом – водяное колесо, – ответил Тибби. – Плотины стоят на ручье, впадающем в реку. Открываете затвор – и колесо крутится. Не нужно – закрываете.

Парнишка сказал это важно, и я догадался, что он открывал затвор. Ладно, разберемся. Если Тибби смог... Я пошел к верстаку. К нему были

прикручены тиски с медными губками. Зажимались тиски винтом. На верстаке лежали молотки, напильники, зубила, сверла, резцы. На вбитых в стену крюках висели кронциркули и линейки. Я проникся уважением к покойному Клаусу. Единственное, что портило впечатление, был мусор на земляном полу: какие-то тряпки, обрывки бумаги, просыпанный порох.

– После отъезда мастера не убирали, – сказал Тибби, заметив мой взгляд. – Нужна служанка, мастер Айвен? Убирать, стирать, готовить? Могу посоветовать хорошую.

– Денег мало! – вздохнул я.

– Всего два силли в месяц! – возразил Тибби. – Я слышал ваш разговор с хозяином. Вы сделаете пистолеты и получите крону. Это двадцать силли. Платить нужно через месяц, и деньги у вас будут.

«В самом деле! – подумал я. – Два силли – это двадцать четыре пенни, меньше одного в день. Фактически рабский труд. Недорого здесь ценят слуг. А мне возиться со стиркой-готовкой?»

– Пусть приходит.

– Спасибо, мастер Айвен! – расцвел парнишка. – Вы не пожалеете. Салли очень старательная.

«Интересно, кто она тебе?» – подумал я, но уточнять не стал.

– Сколько тебе лет, Тибби?

– Пятнадцать, мастер! Я взрослый.

А выглядит на двенадцать... Я достал кошелек – не тот, что показывал лавочнику – и высыпал на ладонь медяшки.

– Что скажешь об этих деньгах, Тибби?

– Гленские гроу, новенькие, – определил Тибби, склонившись над ладонью. – Откуда они у вас?

– Трофей. Их примут в оплату?

– Конечно! Гроу берут даже лучше – они полновеснее.

«Плохи дела в этой стране, – подумал я. – На меди экономят».

– Держи! – я протянул Тибби гроу. – Это тебе за помощь. Вот еще два и добудь мне какой-нибудь еды. Хотя бы кусок хлеба. С утра не ел.

Я мог позволить себе щедрость: капитал возрос. Парнишка схватил монеты и убежал. Не успел я разложить имущество, как он вернулся. В руках Тибби держал миску и ломоть хлеба. Над миской курился парок.

– Еще горячая, – довольно заявил мальчик, протягивая миску. – Мать только что сварила. Мы рядом живем. Еду лучше покупать на рынке, мастер, – там свежее и недорого. Утром придет Салли, поручите это ей. Она хорошо торгуется. У мастера Клауса есть ледник, там можно хранить провизию. Если покупать много, выйдет дешевле. Ешьте, мастер! Завтра

Салли заберет миску.

Лицо Тибби выражало стремление убежать, но я остановил мальчика. Следовало получить ответ на вопрос.

– Почему на шпиле храма в Йорвике колесо?

– Потому что Спасителя колесовали! – ответил Тибби и умчался.

* * *

Разбудил меня визг.

Вечер прошел в хлопотах. После ужина, обследовав постройки, я нашел деревянную бочку и медное ведро. Вода имелась в реке. К ней вела калитка, запираемая на засов. На берегу обнаружили мостки. Я вымыл бочку, отнес ее в дом и натаскал воды. Затем разжег горн и поставил в него полное ведро. Древесного угля у Клауса имелось в избытке. Вскипевшую воду я вылил в бочку, размешал и залез внутрь. Предварительно скинув протезы, конечно. Мирка мероприятие не одобрила и на приглашение составить компанию презрительно фыркнула. В сарае нашелся щелок, и я с наслаждением – до скрипа кожи – отмылся. Затем постирал одежду, не тронув только рубаху. В последний миг обнаружилось, что простыней в доме нет и одеяла – тоже. Перспектива спать голым не вдохновляла: ночи в Алитании стоят прохладные. Развесив постиранное сушиться, я завалился на кровать, укрывшись кожаным фартуком – единственным, что сгодилось для этой цели. Без протезов его длины хватило. После ночи в лесу матрац и подушка показались мягкими. Я не заметил, как провалился в сон. Спал долго – пока не завизжали.

Вскочив с кровати, я сунул ноги в протезы, заправленные в сапоги, и побежал в мастерскую. Там оторопело уставился на девочку, стоящую у порога. Лицо ее выражало ужас. Увидев меня, она умолкла и шмыгнула носом.

– Ты кто? – озадаченно спросил я.

– Салли, – ответила девочка и вновь шмыгнула.

– Чего визжишь?

– Вот! – Она указала на пол.

Я присмотрелся. У порога рядом лежали дохлые мыши. Трупки выровняли по ранжиру – от самой крупной до мелкой, причем проделали это не без изящества. Миркина работа.

– Очень боюсь мышей, мастер! – промолвила девочка дрожащим голосом.

Я вздохнул, взял оставленную в углу метелку – вечером я не удержался и в мастерской прибрал – и смел трупики в деревянный совок. Выйдя во двор, швырнул их через забор. Найдется кому подобрать – зверья хватает. Вернувшись, я обнаружил Салли у стены. Она вжималась в нее спиной, а напротив, выгнув спину, шипела Мирка.

Я свистнул. Мирка подбежала ко мне. Я бросил метелку с совком и подхватил горностайку. Оказавшись на плече, она довольно стрекотнула: видел, как я? И мышей наловила, и человеческую самку приструнила.

– Не бойся! – сказал я Салли. – Мирка ручная. Она не ест маленьких.

– Я не маленькая! – обиделась гостья. – Мне двенадцать лет.

– Совсем большая... – согласился я. – Ты как вошла, Салли?

– Так не заперто.

Конечно! Сам вчера открыл дверь – чтоб Мирка могла гулять. И ворота не запер. Заходи, кто хочет, бери, что хочешь...

– Погуляй во дворе, Салли!

Косясь на Мирку, Салли выскочила во двор. Одежда за ночь высохла. Я натянул штаны, а с курткой случился облом – села. Я не учел, что она из сукна. Полотняные штаны стирку выдержали, а вот куртка – нет. Я выругался. На шум заглянула Салли. Я стащил куртку и швырнул ее на верстак.

– Выброси! Или пусти на тряпки.

Салли подошла, взяла куртку и внимательно рассмотрела.

– Она вам и вправду не нужна?

Я вздохнул.

– Тогда с вашего разрешения я ее заберу. Взамен принесу ветошь – она понадобится. Мастер Клаус ее использовал.

Хм!..

– Ты работала у него?

– Да! – кивнула девочка. – Мной были довольны.

– Ладно! – сказал я. – Пошли на рынок! Есть хочется...

Дорогой я слушал Салли. Она оказалась сестрой Тибби – кто б сомневался? Еще, сообщила Салли, у них есть младшая сестренка, ей всего шесть. Зовут ее Нэнси. Она очень забавная и любит играть. Живут они с матерью, отец умер зимой – простудился. Им стало тяжело: остались долги. Мать стирает и шьет, Тибби работает в лавке, а ее пристроили к Клаусу. Тот был строгим, но платил аккуратно. Она рада, что новый мастер согласился ее взять. Он не пожалеет...

В руках Салли тащила корзины. Я пытался их взять, но девочка не отдала.

– Это моя работа! – заявила она твердо.

...Рынок размещался за городскими воротами, но не теми, в которые я въезжал. На небольшой площади рядами стояли возы, тачки, между ними бродили люди и слышались голоса продавцов. Салли решительно направилась к возку, где, испуская призывный аромат, лежал на холсте хлеб.

– Свежий, с пылу, с жару! – возвещал мужчина в холщовом колпаке. – Таает во рту! Пенни за фунт! – добавил, заметив нас.

– Берем ковригу за три пенни! – сказала Салли, ткнув пальцем в один из хлебов.

– Побойся Спасителя, девочка! – воскликнул продавец. – В ней пять фунтов! Четыре пенни – последняя цена.

– Хлеб треснул, – заметила Салли. – Жар в печи был большим. Это значит, что корка толстая. Коврига зачерствеет, тогда и половины не выручите. Три полновесных гроу!

Продавец почесал колпак.

– Где вы взяли это чудище, мастер? – спросил меня. – С ней невозможно спорить! Ладно, бери за три, только никому не рассказывай! Будут смеяться, что уступил девочке.

Я заплатил. Салли ловко перебросила хлеб в корзинку.

– Он хороший! – сказала, когда мы отошли. – Это ковриги мастера Кейла, лучшего пекаря Иорвика. У возка его слуга. Он недавно в Иорвике и в хлебе не разбирается. Иначе б знал, что треснувшая корка – добрый знак. В муку ничего не подмешивали.

Я вытащил нож и отхватил горбушку. Откусил. М-м-м! Теплый ржаной хлеб из крупномолотой муки буквально таял во рту. Я не заметил, как сжевал все, и немедленно отрезал еще ломоть.

– Возьми! – протянул хлеб Салли.

– Я завтракала, мастер! – отказалась девочка. Она опустила взгляд и сглотнула.

– Хочу, чтоб ты попробовала. Кажется, хлеб кислит.

Салли схватила краюху и сжевала ее в миг.

– Хороший хлеб! – сказала, отряхнув со рта крошки. – Ничуть не кислый.

– Показалось! – сказал я. – Где тут молоко?

Искомое нашлось рядом. Я заплатил пенни, и мы выпили кувшин на двоих. В этот раз Салли не возражала. Я объяснил, что один не осилю, а кувшин требуется вернуть. Не пропадать же добру? Салли согласилась. Мы пожевали хлеба, запили его молоком, поочередно отхлебывая из кувшина, и

я решил, что жизнь хороша. Похоже, Салли не возражала. Мы двинулись вдоль рядов, разглядывая и прицениваясь. Цены не вдохновляли. За фунт мяса с костями просили три пенни, за мякоть – все пять. Какие-то сморщенные овощи прошлогоднего урожая стоили пенни за фунт, и торговки не уступали. Относительно дешево ценились мука и яйца. Как мне объяснила Салли, прошлый год выдался урожайным, поэтому муки много. Что до яиц, то летом куры сами находят корм и хорошо несутся. Подумав, я купил пшеничной муки и два десятка яиц, заплатив за все пять гроу.

– Будете печь булки? – удивилась Салли.

– Увидишь! – пообещал я.

Разговаривая, мы подошли к повозке, в которой, возясь в соломе, повизгивали молочные поросята.

– Шесть пенни за каждого! – сказал хозяин, заметив наш интерес. – Поросята здоровые, растут быстро.

– Я не собираюсь держать свиней! – хмыкнул я.

– Так вам чтобы есть? – догадался хозяин. – Есть один хроменький, отдам за три. Вот! – он вытащил из соломы небольшого, но упитанного поросенка. – Видите, ножка сухая? На выращивание не купят, а есть сгодится. Берете?

– Это очень дешево! – шепнула мне Салли. – Только пусть сам убьет.

Я передал пожелание. Мужик ухмыльнулся, взял поросенка за задние ноги и с размаху треснул головой о край повозки. Поросяенок взвизгнул и обмяк. Хозяин бросил убиенного нам в корзину и принял плату.

В следующей повозке лежала рыба. Я сделал стойку. Рыбу я обожаю. Но выпущенную слюну пришлось сглотнуть. Цену ломили невероятную. Целый силли за небольшого сома!

– Что так дорого? – возмутился я. – Он же в реке плавал, растить-кормить не надо!

– А королевский налог! – возразил продавец. – Шесть пенни за десять фунтов улова. Если ничего не поймал, то все равно плати. Стража следит.

– А если для себя?

– Без разницы! – вздохнул продавец. – Чем бы ни ловил: невод, бредень, паук, удочка или даже багор – все равно. Не заплатишь, присудят штраф. Два раза поймают – тюрьма.

Я только головой покачал. У местных правителей мозги есть? Ввести налог на рыбалку! Казне урон, и людям плохо. Внезапно меня осенило.

– Салли! – спросил я. – Где можно купить тонкий, но прочный шнур?

– Идем! – сказала она.

Мы направились в вещевой ряд, где я приобрел моток шнура. Как мне объяснили, его используют при шитье палаток. Пропитанный воском, шнур не боится воды – что и требуется.

– Зачем он вам? – заинтересовалась Салли.

– Мирку привязывать! – просветил я.

Салли насупилась: поняла, что шучу. Горностаюку, чтоб не привлекать к себе внимания, мы оставили дома. Ясень пень, что не привязывали. Мирке перекусить этот шнур, что мне сглотнуть.

В вещевом ряду торговали одеждой. Просили дорого. Мундиры гленских солдат, содранные с трупов, ценились в пять силли. Вороха их, даже не отстиранных от крови, высились на возах. Мародеры... Хоть бы тела закопали. Салли посоветовала купить полотна на рубашку. Та, что на мне, сказала она, сшита из дорогой ткани. В мастерской я ее мигом прожгу. При ковке металла летят искры, а фартук не спасет. Поэтому Клаус, работая, надевал простые рубашки. Ее мать их сошьет. В словах девочки был резон. Я подумал и достал из сумки чулки маркитантки.

– Возьмешь? – спросил продавца.

– Не новые! – скривился тот.

– Зато шелковые! Предлагаю обмен: чулки на полотно.

– Десять локтей за пару! – встряла Салли.

– Ты что, девочка! – возмутился продавец. – Какие десять? Пять за все. Как раз на рубашку.

– Мастер высокий! – возразила Салли. – Ему нужно много полотна. Чулки стоят не меньше силли. Не хотите, сама продам!

– Какой силли! – забормотал продавец и спрятал чулки. – Ладно, на две рубашки...

Полотно он отмерял с лицом сына, потерявшего мать, и я не стал предлагать ему ленты маркитантки. Лучше подарю Салли. Задумано – сделано.

– Что вы, мастер! – смутилась девочка. – Это дорого!

– Мне они ничего стоили – трофей. Носить их не могу – волосы короткие, – я снял шляпу и провел ладонью по стриженной голове. – К тому же могут неправильно понять.

Салли прыснула и забрала ленточки. Скатав их, засунула в рукав.

...Мирка встретила нас у ворот. Принюхавшись, прыгнула в корзину и затанцевала на тушке битого поросенка.

– Будет тебе печенка! – успокоил я.

Перед тем как разделать свинку, я осмолит ее и выскреб шкуру ножом. Мирка, получив печень, утащила ее, перед этим подозрительно глянув на

Салли: не вздумает ли отбирать? Поросячью голову и ножки я бросил в глиняный горшок (посуды в доме хватало), залил водой и, посолив, поставил томиться на угли. Оставшуюся тушку отнес в ледник. Он представлял собой погреб, где грудой лежал пересыпанный опилками лед. Он потихоньку таял, но хватит еще надолго. Затем я притащил доску, вымыл ее и запряг Салли мешать тесто. В сарае нашлось круглое полено. Закрепив его в токарном станке, я подогнал бабку с конусом и сходил к водяному колесу. Затвор представлял собой заслонку, укрепленную в пазах. Я потянул ее вверх, вода хлынула в желоб, и деревянное колесо высотой в полтора человеческого роста медленно завертелось. Ось с насаженными на нее деревянными «пальцами» привела в движение зубчатый барабан на конце бревна, торчавшего из стены. Я вернулся в мастерскую. Зажатое в шпинделе полено быстро вращалось. Взяв резец, я подогнал суппорт и в два счета выточил из полена скалку с ручками. Салли тем временем справилась с тестом. Я оторвал комок, шлепнул его на доску и раскатал до нужной толщины. После чего нарезал ножом на тонкие полоски.

– Делай так!

Я протянул девочке нож.

– Что это будет? – любопытствовала Салли.

– Лапша! – объяснил я.

Глава 4

Обедали мы втроем. К полудню проведать старшую сестру явилась Нэнси. Как не трудно догадаться, истинной причиной ее прихода стало любопытство. Нэнси оказалась плотно сбитой, круглощекой девочкой с большими синими глазами под пушистыми ресницами. Таких детей изображают на обертках конфет: их вид вызывает умиление и желание потискать. Я это желание сдержал и ограничился тем, что усадил Нэнси за стол. Разлив лапшу, я бросил в миски девочкам пороссячи ножки, себе на правах хозяина забрал голову. Каждому из обедающих вдобавок предложили по ломтю хлеба и деревянной ложке. Нэнси зажала ее в кулачке и погрузила в варево. Ела она сосредоточенно, не забывая дуть на горячее, и с хлюпаньем втягивала в ротик разваренную лапшу. После того, как варево кончилось, Нэнси отложила ложку и взяла пороссячью ножку. Обгладывала она ее деловито, выгрызая острыми зубками хрящики. В этот момент на стол вспрыгнула Мирка.

Салли испуганно замерла, но Мирка не обратила на нее внимания. Она с ходу направилась к Нэнси. Девочка подумала и протянула горностайке обглоданную ножку. Мирка фыркнула и, шагнув ближе, слизнула со щеки Нэнси потек жира. Салли испуганно открыла рот.

– Не бойся! – шепнул я. – Мирке нравится Нэнси. Она хочет подружиться.

В подтверждение моих слов Нэнси попыталась схватить Мирку. Та отпрянула и затанцевала, стрекоча и подпрыгивая. Затем спрыгнула на пол. Нэнси полезла следом.

– Доешь! – обеспокоилась Салли.

– Не хочу! – объявила Нэнси. Мирка поощрительно стрекотнула и устремила за дверь. Девочка побежала следом. Покончив с едой, мы вышли во двор и застали веселье. Нэнси гналась за Миркой, а та, делая вид, что испугана, убегала. Оказавшись у забора, горностайка оборачивалась, выгибала спину и начинала грозно шипеть. Нэнси вскрикивала и убегала. Мирка, тьявая, гнала ее в противоположный конец двора, где роли менялись. Все это сопровождалось визгом, криками, стрекотанием и чириканьем. Наконец, Нэнси запыхалась и присела на чурбачок. Мирка вскочила ей на колени, и девочка принялась ее гладить. Горностайка зажмурилась и вытянулась.

– Видишь! – сказал я Салли. – Совсем ручная.

– На меня шипела! – не согласилась служанка.

– Она не знала, что ты своя. Больше не будет.

Салли поколебалась и пошла к младшей сестре. Горностайка открыла глаза и вновь зажмурилась. Салли осторожно коснулась ее спинки. Мирка поощрительно стрекотнула. Оставив девочек, я сходил в сарай и принес три пистолета. В мастерской я разобрал оружие и измерил детали кронциркулем. Размеры совпали. Не до десятой доли миллиметра, конечно, но в шестую-восьмую часть линии вписывались. Какой линии? Десятой доли дюйма. Откуда здесь дюйм? Да оттуда, откуда и у нас – ширина большого пальца мужской руки. В дюймах и линиях были размечены линейки Клауса, я это вчера заметил. Что тут удивительного? Когда человеку понадобились единицы мер, он нашел их в себе любимом. Дюйм – ширина пальца, фут – длина стопы, локоть... Дальше объяснять?

В моем мире расхождения в размерах, выявленные мной, вызвали бы ужас. Это ведь оружие! Оно не будет стрелять! Будет. У кремневого пистолета допуски в размерах деталей – плюс-минус лапоть. Я взял напильник Клауса и сточил наплывы на курках и шепталах – там, где они успели образоваться. Заодно заровнял образовавшиеся впадинки. После чего перемешал детали и заново собрал пистолеты. У всех трех курки встали на боевой взвод и послушно высекли из огнива искры.

Оставалось определить причину осечек: не из-за курков же все? Имплант, помедлив, выдал мне список. Подмокший на полке порох – это раз. Его сдуло ветром – два. Из-за этого кремневое оружие нельзя использовать в дождь или в ветреную погоду. Подумав, эти причины я отверг. В непогоду пистолеты не стали бы испытывать. Здесь другое. Плохие кремни? Я осмотрел их. Слегка оббиты, но не настолько, чтоб подвести. Огнива в норме. Что остается? Запальное отверстие. На крючке рядом с кронциркулем увидел шило, видимо, специально сделанное для этой цели, и я проверил им запальные отверстия. Чистые.

Я сходил в сарай, где взял еще семь пистолетов. По пути заметил: Мирка гоняет Салли. Увидев меня, девочка замерла и попыталась изобразить озабоченный вид, но Мирка, подскочив, вцепилась зубами ей в подол. Салли прыснула и подхватила горностайку. Я оставил их и пошел в дом. Там проверил другие запальные отверстия. Чистые. Я вышел во двор.

– Салли?

Девочка подбежала с Миркой на руках.

– Вода в горне согрелась. Помоешь посуду и можешь идти домой.

– А ужин? – удивилась Салли. – Надо приготовить.

– Лапша осталась, – отмахнулся я. – И вот еще что. Когда придет

Тибби, скажи, чтобы забежал.

Девочки ушли. Я разобрал пистолеты, подправил детали и ссыпал их в металлическую корзинку – у мастера Клауса нашлась. После чего поставил ее в горн. Привод привел в действие меха. Угли запылали. Корзина с деталями вскоре стала малиновой. Я выхватил ее щипцами и погрузил в емкость с растительным маслом. Отсчитав шесть секунд, перебросил в воду. Выждав с минуту, извлек. Такой способ закалки порекомендовал имплант. Детали оказались теплыми, но пальцев не обжигали. Я обтер их ветошью – Салли, как пообещала, ее принесла – и собрал первый пистолет. Извлек из губок кремень – зачем попусту оббивать? – и десять раз взвел и спустил курок. Механизм работал без сбоев. Я разобрал пистолет. Напльвов не наблюдалось, лишь воронение в соприкасавшихся местах обтерлось. Что и требовалось доказать. Смазать механизм, и он сотню выстрелов выдержит. Больше не нужно. Здесь, чтобы выстрелить сто раз, две войны пройдешь. Можно, конечно, тренироваться, только кто это делает? Порох, он денежек стоит, да и свинец для пуль – тоже.

Это подтвердил заглянувший ко мне Тибби.

– Порох стоит пять силли за фунт. Это зерненный. Пылевой дешевле, но его плохо берут: нагара много. Чистить оружие после него трудно. К тому же пылевой тянет влагу, если зарядил, нужно сразу стрелять. Если помедлить, порох может не загореться.

Стоп!

– Каким порохом испытывали пистолеты?

– Пылевым. Мастер Зак сказал, что так дешевле. Арсенал не дает пороха для испытаний.

– Стреляли сразу, как заряжали?

– Да, мастер!

Значит, не во влаге дело.

– Когда происходили осечки?

– На четвертом-пятом выстреле.

– Когда чистил пистолеты, запальные отверстия были забиты?

– Да, мастер, – прямо пробки. Ковырял чисткой. Но это было потом.

Во время испытаний чистить пистолеты нельзя.

Вот и ответ! Что мы имеем с гуся? Жадного лавочника, который сэкономил на порохе и сорвал сделку. Таких людей нужно лечить. Хотя... В его возрасте бесполезно.

В глазах Тибби мелькнула догадка.

– Вы думаете, мастер?..

– Именно! – подтвердил я. – Плохой порох и незакаленные детали. В

остальном пистолеты хорошие.

– Вы их исправите?

– Хоть завтра.

– Не спешите! – замотал головой Тибби. – Зак решит, что вы ничего не делали, просто отобрали десяток лучших, поэтому не заплатит.

Нет, все-таки гадский дедок!

– Отдайте через неделю, как договорились.

Я кивнул.

– И еще, – Тибби потупился. – Мама просит вас не кормить сестер.

– Почему?

– Мы не нищие.

Разумеется! Всего лишь бедные, и по этой причине очень гордые.

– Я не кормлю их, Тибби, а угощаю. Имею право?

– Да! – согласился мальчик.

– Так что не надо мне запрещать. Я мастер или где?

Тибби не понял вопроса, но на всякий случай закивал.

– Вот! – он протянул корзину. – Мать просила передать. Там одеяло – Салли сказала, что у вас его нет, и рубашка покойного отца. Она чистая, не беспокойтесь. Мать говорит, что куртка почти новая, из нее выйдет платье для Нэнси.

– Благодарю! – сказал я, беря корзинку.

Тибби убежал, и я рассмотрел подарки. Одеяло сшито из лоскутов – по летнему времени сойдет. Рубашка коротковата, но носить можно. Свою я постираю и оставлю на выход.

Я запер ворота и сходил в сарай. Днем я обнаружил там моток проволоки. Судя по диаметру, ее использовали на шпильки для крепления деталей. В мастерской я откусил щипцами три куска, разогрел их в горне и выковал рыболовные крючки. Навязав их на короткие поводки, прикрепил к купленному шнуру. К концу снасти прицепил свинцовое грузило. После чего сходил в погреб и принес сердце разделанного поросенка. Для наживки хватит.

Забросив донку, я прикрепил свободный конец шнура к водяному колесу. И в глаза не бросается, и рыба не утащит. Вернувшись, я умылся, постирал рубашку и завалился спать. Мирка последовала за мной.

– За мышами пойдешь? – спросил я.

Горностайка зевнула и устроилась на моей груди.

– Правильно, – одобрил я. – Нечего детей пугать. Продукты я спрятал – не доберутся. К тому же, думаю, ты их распугала.

Мирка подтверждаете стрекотнула, и мы уснули.

Встал я затемно. Быстро справив нужду, побежал к реке. В рассветной мгле было видно, что шнур вытянут в струну. Я встал на опору рядом с колесом и попытался снасть вытащить. Шнур не поддался – едва ладони не порезал. Это кто ж там у нас сидит? Подумав, я сбегал в дом и вернулся с кочергой – заменит багор, если нужно – и стал медленно вращать колесо. Оно скрипнуло и потащило шнур. Тот взрезал водную гладь и заметался из стороны в сторону. Я ослабил нажим, шнур успокоился. Я надавил на спицу – шнур заметался. Так повторялось несколько раз. Наконец над водой показалась широкая голова с выпученными глазами. Я подтащил ее поближе, подвел кочергу и подцепил рыбу крюком за жабры. Глотнув воздуха, она ослабила сопротивление. Склонившись с опоры, я вытащил из зубастой пасти крючок и рывком перебросил добычу на берег. Упав на траву, рыба запрыгала, но я, подскочив, успокоил ее ударом по голове. После чего рассмотрел.

Налим, как его определил имплант, оказался длиной около метра и примерно килограммов в пять весом. Темная, почти черная кожа с большими желтоватыми пятнами. Я бросил рыбу к забору и вернулся к колесу. К моему удивлению, снасть не пустовала. В этот раз тащить было легче. Я стал обладателем еще одного налима поменьше и окуня. И как только шнур выдержал?! Рыбы в этой реке хоть веслом мешай. А чему удивляться? Запретительный налог в действии.

Я отвязал донку и спрятал ее в траве. Если найдут, отрещусь. Мое то, что внутри двора, снаружи – чужое. Окуня и одного налима я оттащил в ледник, после чего занялся оставшимся. Отрезал голову, выпотрошил и почистил. Привлеченная моим занятием, явилась Мирка. Я предложил ей налимяню печень, но Мирка презрительно фыркнула. Вот привереда! Это же деликатес! Не любит моя горностайка рыбу, а я так – наоборот.

К приходу Салли куски рыбы, обваленные в муке, шипели на сковороде. Растительное масло в доме было – осталось еще от Клауса, процесс шел. По мастерской плыл одуряющий запах. Салли, шагнув за порог, застыла.

– Проходи! – пригласил я. – Умеешь жарить?

– Где вы взяли рыбу, мастер?

– Купил.

– Ходили на рынок?

– Нет. Постучали в ворота, открыл – человек с мешком. Предложил

купить рыбку – по пенни за штуку. Как думаешь, не переплатил?

– Вы заплатили за это пенни? – изумилась Салли, глядя на сковороду.

– За остальные – тоже. Взял три рыбки. Они на леднике лежат, можешь посмотреть.

Салли убежала и вернулась задумчивой. Предложенный ей кусок жевала без аппетита. Зато я не стеснялся – вкуснота! Никакого сравнения с выращенным в садках лососем. Хрен знает, чем там рыбу кормят. Здесь все естественное и поэтому необыкновенно вкусное.

– Скажите, мастер, – спросила Салли после того, как мы позавтракали. – Этот человек... Он еще придет?

– Обещал. А что?

– Купите рыбы для нас. Мы заплатим.

– Ладно! – согласился я. – А пока возьми себе с ледника и отнеси домой. Мне много, пожадничал. Завтра куплю свежей.

– Сколько вам заплатить?

– Отдам в плату за шитье. Идет?

– Да, мастер! – радостно вскочила Салли.

– Только положи рыбу в мешок. Не нужно, чтоб видели. Думаю, тот человек – браконьер.

– Вы же ее купили, – возразила девочка, – так что вашей вины нет. Отвечает тот, кто ловил. Любой стражник подтвердит.

– И все же спрячь! – настоял я.

Салли подчинилась. Как мне показалось, из других соображений. Зачем сдавать рыбные места? Услышат, что здесь такие налимы, толпой набегут. Пока Салли бегала, я накормил Мирку. Получив кус поросятины, она недовольно глянула на меня.

– Печенка кончилась! – просветил я. – Надо было есть налимью. Она, между прочим, полезная.

Мирка фыркнула и утащила мясо. Вернулась Салли.

– Мать передала вам бобов! – объявила, показав тощий мешочек. – Сварю похлебку. Добавлю мяса – у вас оно есть, будет вкусно.

Я кивнул и отвернулся. Не нужно, чтоб видели мое лицо. Я улыбался. Гордая мать Салли не примет дар, а вот плату... На рынке налим с окунем потянули бы два силли. Вдова заплатит шитьем. Ей это ничего не стоит. А горстка бобов – знак. Дескать, мы не нищие.

Знакомый священник говорил: «Врать грешно! Но если во благо, то можно...»

В ворота стукнули после обеда. Сначала раздался топот, затем створки затряслись под ударами. Стража? Кто-то видел, как таскал рыбу? Плохо... С другой стороны, улики нет. Налима мы доели, остальное унесла Салли.

Напустив на себя гордый вид, я открыл ворота. Это была не стража. Передо мной стоял слуга, с которым я подрался у съёрда. Коричневая рожа, меченная шрамами, выглядела хмурой. На поводу слуга держал оседланных лошадей. Это зачем? Свести счеты и увезти готовенького? Я напрягся.

– Меня послала черра Элтисисьютибет, – поспешил сказать меченый. – Едем со мной, мастер!

– Зачем?

– Съёрду плохо. Второй день, как не приходит в себя. Черра сказала: вы доктор.

Мгновение я колебался. Спасать феодала? Извините, не подряжался! С другой стороны, пока съёрд жив, можно сослаться на его покровительство. Не станет Оливера, стража заинтересуется чужаком. Что тогда? Бежать? Без денег и приличной одежды? К тому же не факт, что в других городах лучше. Здесь вроде бы освоился...

– Подожди меня здесь! – велел я слуге.

В мастерской я торопливо умылся и сменил рубаху. Бросил в сумку мультитул, пистолетный шомпол и шприц-тюбик.

– Закрой ворота и присмотри за Миркой! – велел Салли.

Она закивала. Мы взгромоздились в седла и поскакали в город. Верхом я не ездил давно, но тело вспомнило. Даже протезы не помешали. «Пожалуй, следует купить лошадку, – подумал я. – Путешествовать на ней – в самый раз. Если с пистолетами выгорит, денег хватит. Рысак не нужен, сойдет и кляча...»

Нас встретили у ворот. По лицам слуг читалось: заждались. Коней забрали, и меченый шрамами слуга повел меня вверх по лестнице. На втором этаже он постучал в высокую украшенную позолоченной резьбой дверь, толкнул ее и крикнул в приоткрытую створку: «Привел, черра!» После чего уступил мне дорогу. Мне ничего не осталось, как войти.

Встав у порога, я осмотрелся. Большая комната с огромной кроватью посреди. Кровать завешена балдахином, края которого собраны у витых стоек.

– Проходите, мастер! – раздался женский голос.

У кровати стояли двое. Рыжая дочка съёрда и неизвестный мне грузный мужчина в камзоле и парике. Я подошел ближе. В комнате было сумрачно, но я разглядел: лицо у рыжей измученное. Тип в парике смотрел на меня неприязненно.

– Это доктор Боу, – представила Элизабет.

– Айвен! – кивнул я.

– Вы где учились? – внезапно набросился на меня Боу. – Съёрра утверждает, что вы врач, но я слышал, что оружейный мастер.

– Врач тоже, – сказал я. – Меня учили лечить. В Москве.

– Не знаю такую! – буркнул Боу.

– Зря! – заметил я. – Много потеряли. В сравнении с Москвой Йорвик – деревня. Даже сарай.

Боу вспыхнул, а я ухмыльнулся. А ну, скажи что-нибудь еще! Рыженькая нахмурилась.

– Моему отцу плохо, мастер!

Я пристыженно опустил глаза. Нашел время задирать хвост! Откуда им знать про Москву? Хотя меня там действительно учили. Правда, больше убивать, чем лечить...

– Отдерните шторы! – велел я. – И принесите свечи. Здесь темно.

Свечи явились скоро. По моей команде со съёрда сняли рубашку, повязку я размотал сам. Оливер на это никак не отреагировал. Он лежал без сознания и хрипло дышал. Так... Края раны синюшно-багровые, на бинте – следы гноя. Я потрогал лоб старика. Сухой и горячий – температура под сорок. Что имеем? Внутренний абсцесс – воспаление, проще говоря. Клинки у шпаг разбойников были гранеными. Нанесенные ими раны заживают плохо. В моем мире из-за этого запретили игольчатые штыки. Клинок вдобавок занес внутрь грязь, возможно, что и клочок ткани. Рану следовало почистить, а этого не сделали. Этот Боу... Бычков ему холостить, а не людей оперировать!

– Что скажете? – поторопила рыженькая.

– Рану следует вскрыть и почистить.

– Внутрь попадет воздух, и съёрд умрет! – возмутился Боу. – Больному следует пустить кровь. Дурные соки выйдут, и съёрд поправится.

– Почему думаете, что выйдут? – спросил я.

– Это все знают! – отмахнулся толстяк. – Для того и отворяют кровь.

– Это лучший способ лишить съёрда жизни.

– Я настаиваю!

– Черра! – повернулся я к рыженькой. – Зачем меня звали? Смотреть, как убивают вашего отца? Доктор Боу справится сам.

Толстяк возмущенно засопел. Лицо рыженькой выглядело растерянным. Не хотел бы я сейчас оказаться на ее месте. С одной стороны, всеми уважаемый местный эскулап. В том, что уважаемый, можно не сомневаться. Другого бы не позвали. И сала сколько за счет пациентов нагулял! С другой стороны, я – бродяга, от которого неизвестно, чего ждать. Решай, девочка! Откажешься – СИД сэкономлю...

– Ваше лечение поможет отцу, мастер?

Не глупа...

– Обещаю. Более того, съёрд придет в себя, и вы сможете с ним поговорить.

– Делайте! – трянула она головой.

Ага! Толстяк, как видно, гарантий не давал.

– Мне понадобятся чистые бинты, иголка с ниткой, желательно шелковой (шелк в этом мире есть, чулки из него были), таз с водой, чтобы помыть руки, мыло или щелок... – Я задумался. От раненого пахло уксусом. Тот, конечно, дезинфицирует, но все же не спирт. – Есть у вас напитки крепче пива и вина?

– Торч! – хмыкнул Боу. – Гонят из ячменя. Та еще дрянь!

– Значит, бутылку торча.

– Лэнс! – крикнула рыженькая.

В дверь заглянул меченый – дежурил в коридоре. Вполне возможно, чтоб разобраться с чужаком, если дела пойдут не так.

– Принеси торч! Немедленно!

Лэнса как ветром сдуло. Пока он и служанки бегали, я отошел к окну, отщелкнул ножнички мультитула и как можно короче остриг ногти. Они отросли и обзавелись траурной каемкой. Нам же операцию делать...

Лэнс явился с бутылью в руках. Та была заботливо оплетена. Гадость не гадость, но в доме держат. Значит, употребляют. По знаку рыжей Лэнс протянул мне бутыль. Я вытащил пробку и понюхал. М-да... «Сивуха мерзостная», вот как это называется. Выдохнув, я взял бутыль и отхлебнул. Бр-р-р! Однако язык щиплет, процентов двадцать спирта в этом самогоне есть.

– Сгодится!

– Можешь идти, Лэнс! – сказала рыженькая.

– Пусть останется! – возразил я. – Понадобится, чтобы держать съёрда. Черр Оливер может метаться.

Рыженькая кивнула. Пока кипятили инструменты, мы с Лэнсом вымыли руки, закатав предварительно рукава по локоть. Было видно, что Лэнсу это в диковинку. Однако он не роптал и послушно повторял мои

движения. Боу глядел с изумлением. Ну да, его этому не учили. Пусть перенимает, кабан, может, хоть кого-то спасет.

После мытья мы протерли руки торчем. Лицо Лэнса выражало изумление. Ну да, торч предназначен для другого применения... Смочив салфетку, я обработал сивухой операционное поле. Запахло так, что захотелось чихнуть. Тем временем принесли инструменты – в кипятке, как я и просил. Слив воду из кастрюли в таз, я взял мультитул. Тот был горячим. Дав указания Лэнсу, я отщелкнул лезвие и сделал глубокий разрез. Из раны вытекла перемешанная с гноем кровь. Я промокнул ее салфеткой, отложил мультитул и взял шомпол. Тот вошел в рану, и старик замычал и задергался. Лэнс держал его крепко. Из раны хлынула кровь, выплеснув наружу темный сгусток. Вот он, источник воспаления! Я убрал его салфеткой и вновь поработал шомполом. Сгустков более не оказалось, гноя – тоже. Вытекающая из раны кровь выглядела здоровой. Я бросил шомпол в кастрюльку. Теперь – иголка. Полностью зашивать рану не нужно, оставим сток. Забинтовать...

Закончив перевязку, я наклонился над раненым и потихоньку вколол ему СИД. Никто этого не заметил. Лэнс отошел, а рыженькая с доктором стояли за моей спиной. Лекарство подействовало мгновенно. Щеки Оливера порозовели, и он открыл глаза.

– Айвен?

– К вашим услугам, черр!

– Папа!

Рыженькая метнулась к раненому, едва не сбив меня с ног.

– Бетти... – Съёрд поднял руку и погладил дочь по щеке.

– Я пригласила мастера Айвена лечить тебя! – стала объяснять рыженькая. – Он помог.

– Умница! – одобрил старик. – Хорошо, что не обратилась к Боу.

Толстяк за моей спиной засопел. Я усмехнулся и отошел в сторону. Пусть съёрд полюбуется! Ополоснув руки в тазу, я вымыл окровавленный инструмент и сложил его в сумку. Все. Более не нужен.

...Рыженькая догнала меня внизу.

– Мастер!

Я обернулся.

– Вот! – она протягивала мне тяжелый кошелек.

– Сколько здесь? – поинтересовался я.

– Пятьдесят силли.

– Это очень много, черра!

– Боу требовал сто. Папа сказал: ему и пяти много. Решили заплатить

поровну.

И, главное, по справедливости! Один лечил, второй смотрел, а перед этим пытался больного убить. Ладно, мы не гордые. К тому же деньги не мешают.

– Благодарю, черра!

Я взял кошелек.

– Храни вас Спаситель, мастер! Я не забуду, что вы сделали!

Она всхлипнула и убежала. Хм! А девчонка-то не конченная. Наверняка сидела ночами у постели отца. Хоть какие-то чувства у них есть.

Я повернулся и вышел во двор. Там никого не было. А где Лэнс с лошадьми? Мне топать пешком? Ладно, дойду. Мавр сделал свое дело – пусть катится. Нечего привередничать. Тем более что я теперь богатый.

Глава 5

Лэнс навестил меня спустя несколько дней. Вошел в распахнутые ворота и застыл, наблюдая, как Мирка с девочками носится по двору. В руках гость держал мешок.

При виде меченого, я насторожился. Чего им еще? Увидев меня, Лэнс подошел ближе.

– Мое почтение, мастер Айвен!

– И вам того же! – отозвался я. – Чем могу служить?

– Я... Это... – заговорил Лэнс, и я с удивлением заметил, что он смущается. – Вот!

Он полез в мешок и вытащил уже знакомую мне бутыль.

– Тогда у съёрда я заметил, что вам понравился торч.

Я закусил губу, чтоб не рассмеяться.

– Салли!

Девочка остановилась и повернулась к нам.

– Принеси поросятины и яиц.

Она убежала, а я жестом пригласил Лэнса в дом. Там усадил за стол и снял с крюка медную сковороду. Я закалял детали и вышел во двор подышать, так что горящие угли в горне остались. Сунув в них сковородку, я бросил в нее куски мяса. Поросятину зашипела. Дав ей подрумяниться, я перевернул куски ножом и стал бить яйца.

Миллионы людей умеют готовить яичницу, но мало кто знает, как делать это правильно. Рецепт прост: не жалейте заварки для чая! Правильная яичница должна жариться на свежине и толщиной быть в два пальца. Под самогон такое блюдо – самое то. Салли тем временем нарезала хлеба, подала ложки и расставила кружки. Умная девочка, дважды объяснять не нужно. Я бросил на стол обрезок доски и шлепнул на него сковороду со скворчащей яичницей. Лэнс водрузил на стол бутыль и потянулся к пробке.

– Погоди!

Он удивленно замер. Я принес из комнаты такую же бутыль, достал пробку и плеснул в кружки.

– Попробуем сначала моего!

Лэнс насупился, но кружку взял.

– Будем здоровы!

Лэнс сморщился, прикрыл глаза и потянул напиток из кружки. Я

следил с улыбкой. Где-то на середине процесса Лэнс открыл глаза, затем оторвал от губ кружку и с удивлением в нее заглянул.

– Это что, мастер Айвен?

– Нравится?

Вместо ответа он торопливо допил и поставил кружку на стол.

– «Слеза Спасителя», вот как это я назову! – воскликнул Лэнс. – Можно пить, словно воду, но я чувствую, как щиплет язык, а по жилам бежит кровь. Словно заново родился! Что это за напиток, мастер?

– Я зову его «виски», хотя «Слеза Спасителя» звучит лучше.

– За такое название вас заточат в обитель, – вздохнул он. – Где вы купили это, мастер?

– Сделал сам.

Он недоверчиво посмотрел на меня. Я усмехнулся.

– Все просто, мастер Лэнс. Я беру ваш торч и очищаю его древесным углем. Получается виски.

– Покажете? – взмолился он.

– Обязательно. Но сначала поедим.

Лэнс нахмурился, но подчинился. Яичницу брал неохотно, при этом нетерпеливо посматривал на меня. Я делал вид, что не замечаю. От следующей порции виски Лэнс, однако, не отказался и в этот раз цедил ее, смакуя. По лицу было видно: выпивка доставляет ему неизгладимое удовольствие. Поставив кружку, Лэнс вновь уставился на меня. Я понял, что он не отвяжется, и встал. Принес из спальни тряпицу, набросал в нее из мешка древесных углей, сложил и легонько постучал молотком сверху, чтобы уголь измельчился. Получившийся фильтр сложил в медную лейку. Я уже говорил, что у покойного Клауса, кажется, было все? Лейку сунул в кувшин и поставил его на полу. Затем заменил пробку в бутылки Лэнса. Моя была выточена из дерева, по центру высверлено отверстие, куда вставлен полый стержень от гусяного пера. Бутыль заняла место на специально сделанных для этого салазках. Тонкая струйка жидкости протекла сквозь перо и устремилась прямо в лейку. В мастерской запахло сивухой.

– Вот и все, – сказал я Лэнсу, маячившему за моим плечом. – Остается подождать.

Мы вернулись к столу, где доели яичницу. Все это время Лэнс не сводил взгляд с фильтрационной установки. Вздохнув, я встал и прервал процесс.

– Вот!

Я протянул кувшин собутельнику. Внутри болталось чуть жидкости.

Лэнс схватил кувшин.

– Виски еще с углем! – остановил я. – Ему бы отстояться.

Не слушая меня, Лэнс вылил жидкость в рот. Замер, прислушиваясь к ощущениям.

– Хорош! – заключил, выдохнув. – Хотя ваш торч лучше.

– Я фильтровал его дважды и дал отстояться.

– Но даже такой можно продавать по пенни за кружку, – как будто не слыша меня, продолжил Лэнс. – Пойдет нарасхват. Мастер Айвен! На этом можно озолотиться!

– Не получится! – возразил я. – Через месяц-другой секрет узнают.

– Смотря как хранить! – не согласился он. – Мастер, я предлагаю вам сделку. Мы откроем лавку и станем продавать ваш торч. Доходы – пополам! Или вы хотите больше?

– Нет! – покачал головой я. – У меня нет времени и желания этим заниматься. Подсказать, проконсультировать – пожалуйста, но не больше. Все остальное – ты сам. Идет?

Я протянул руку, и он ее с чувством пожал. Бутыль заняла прежнее положение, а мы вернулись к столу, чтобы обмыть сделку. В ходе процесса я узнал много интересного. Лэнс появился в мастерской не просто так – искал защиты от Бетти. Узнав, как Лэнс поступил со мной в первый день, она пообещала конюха выгнать. Он нарушил волю ее отца! Злючка рыжая! Лэнс обязан был разобраться, он ведь старший в дворне, к тому же бывший пикинер. Да, он был груб, но обстоятельства того требовали: погибли люди съёрда! В конце концов, мастер Айвен сам его наказал. Рыжая вообще много на себя берет: ругает своего верного слугу почему зря. Старому солдату, видишь ли, выпить нельзя! Он лил кровь за короля, весь изранен, и раны у него болят. Только выпивка и спасает. Черре этого не понять, она вообще жизни не видела. Лэнс не боится ее угроз. Как поступать со слугами, решает съёрд, а Лэнса он ценит. Столько раз расспрашивал его о битвах! Но съёрд, хоть и поправился, но пока слаб. Всем заправляет рыжая, а от нее можно всего ждать. Сегодня снова грозились выгнать. Узнала, что не подал мастеру лошадь для возвращения домой. Лэнс собирался ее подать, просто не успел. Он переживал за съёрда, поэтому забежал на кухню и хлебнул глоток торча. У него сердце болело: не каждый день видишь, как хозяина режут. Он хоть и солдат, но натура у него чувствительная. Рыжей этого не понять. Она кричала на него, даже ногами топала. Поэтому Лэнс просит заступиться. Пусть мастер скажет, что сам захотел пешком. Лэнс знает, что мастер добрый человек. Он угостил его замечательным напитком. Чистым, как слеза Спасителя, и мягким, как облака на небесах. На этом виски можно заработать горы силли. Теперь они

с Мэгги заживут! Кто такая Мэгги? Кухарка съёрда. Очень обстоятельная девица, и денежки у нее есть. Лэнс звал ее замуж, но Мэгги не соглашается. Говорит, ей нужен серьезный мужчина, а Лэнс – пьяница. Но разве это правда? Пусть мастер Айвен скажет! Старому солдату выпить чуток не грех. Ведь так?

– Вот что, партнер! – сказал я, когда Лэнс завершил монолог. – Пришли ко мне Мэгги.

– Зачем? – удивился слуга.

– Скажу, какой ты замечательный человек.

– Айвен! – Он стукнул себя в грудь. Та загнула. – Да я для тебя!..

– Думаю, стоит взять ее в дело, – продолжил я. – У нее есть деньги, и они понадобятся, чтобы открыть лавку. Будет ваше семейное предприятие. Я стану получать свою долю – только и всего.

Лэнс издал вопль и полез обниматься. Выпроводить его удалось нескоро, пришлось пожертвовать бутылью виски, я держал спиртное для медицинских целей, но решил, что нафильтрую еще. Лэнс нежно, как ребенка, прижал бутылку к груди и ушел, покачиваясь. Я подумал, что он забудет о разговоре, но ошибся. Мэгги пришла к вечеру. При виде ее я присвистнул. Девица гренадерских статей! Мэгги потребовала показать ей процесс, сняла пробу с нефильтрованного торча, а затем – с того, что из него вышло.

– Виски, который принес Лэнс, лучше! – заявила, подозрительно глянув на меня.

– Я фильтровал его дважды. Лэнс этого не сказал?

– Пусть так, – возразила Мэгги. – Но я считаю, что половина доходов за то, что вы показали, как чистить торч, слишком много. Мы с Лэнсом вкладываем денежки, ведем торговлю, а вы, ничего этого не делая, получаете половину. Хватит и десятой части!

Я мысленно усмехнулся. Лэнс не соврал: «обстоятельная» девица!

– Вы правы, уважаемая! Способ очистки – это мелочь. Покупать торч и очищать его глупо. К тому же секрет разнохают. Если братья за дело, то всерьез. Виски следует гнать самим. Ваш способ не годится, потребуется другой аппарат. Я знаю, как его сделать. Это раз. Второе. Мне известны десятки сортов виски. Среди них есть достойные благородных черров. А они – лучшие покупатели.

– Половина – много! – не соглашалась Мэгги.

– Пусть будет треть! – уступил я. – Нас трое, так что всем поровну. В противном случае найду других.

Мэгги поджала губы. Я сдержал улыбку. Плевать мне на размер доли.

Я не собираюсь открывать в Запасном мире бизнес. Меня или заберут обратно, или грохнут прямо тут. Гнать здесь самогон... Но уступать Мэгги было нельзя – перестанет уважать.

– Ладно! – вздохнула «обстоятельная». – Но мы закрепим наше соглашение на бумаге. Вы сделаете аппарат и напишете рецепты. К тому же не станете передавать секрет другим.

– Заметано! – согласился я.

– Тогда – до завтра. Сегодня не получится: Лэнс напился и спит. Хорошо, что он сразу пошел ко мне. Я отобрала и спрятала бутылку. С него стало бы всех угостить. Они бы распробовали и захотели узнать секрет. Вы не передумаете, мастер?

– Не сомневайтесь! – заверил я.

Мэгги заулыбалась.

– Только вот что, – добавил я. – Меня тревожит Лэнс. Боюсь, что он будет не столько продавать, сколько употреблять виски.

– Насчет этого не беспокойтесь, мастер! – усмехнулась Мэгги и продемонстрировала кулак величиною с голову младенца. – Пока он увивался за мной, я не могла его тронуть. В Иорвике с этим строго. Мигом потащат в суд и присудят штраф. А вот мужа бить можно – это семейное дело.

Я мысленно пожалел Лэнса. Сладкая жизнь для него кончилась. С другой стороны, сам выбирал...

– Вы замечательная девушка, Мэгги! – сказал я. – Завидую Лэнсу. Почему не встретил вас раньше?

Мэгги покраснела, погрозила мне пальцем, но к воротам шла, вихляя задом. Я улыбнулся и кликнул Салли. Та помыла посуду, после чего, забрав Нэнси, отправилась домой. А я, затеплив свечи, завалился читать. Библиотека Клауса оказалась находкой. Сборники указов королей, исторические легенды, геральдические справочники, сведения о родовых древах знатных людей... Идеальный подбор для разведчика, изучающего страну. В Алитанию мой предшественник прибыл не за куском хлеба. Оружейным мастерам в Глене и без того неплохо. Однако Клаус привез оборудование, построил мастерскую... Спрашивается, зачем? Иорвик небольшой город, здесь мало заказов. Зато неподалеку гавань, где удобно высадить десант. Так, к слову, и произошло. Планы мятежников сорвал случай. Столица направила в Иорвик полки. Официальный повод – маневры, на деле – подкормиться. В провинции много хлеба, и он дешев. В Алитании так поступают часто. Полки прибыли, узнали про десант и мгновенно выдвинулись. Мятежники не успели развернуть войско... Это

сообщил мне Тибби. Собрав богатые трофеи, полки ушли. Дело, за которое умер Клаус, провалилось.

Я читал допоздна. Отложил книгу, только почувствовав резь в глазах.

* * *

Разбудил меня свет. Открыв глаза, я недоуменно уставился на ярко-белый шар над кроватью. Так... Походная, воздушная лампа HS-10, в просторечии «светляк». Лучший друг путешественника и солдата. В неактивном состоянии представляет собой кружок пластика, который нужно подержать между ладоней, а затем подбросить вверх. HS-10 активируется и повиснет в воздухе, давая света на несколько часов. Чтобы его погасить, достаточно вновь подержать в ладонях. Я вижу сон?

Опустив взгляд, я различил у кровати молодую и очень красивую женщину. Миндалевидный разрез глаз, но сама радужка не темная, как это бывает у азиатов, а изумрудного цвета. Изящный носик, красиво очерченные, волевые губы, высокий лоб в обрамлении каштановых волос... Личико не фарфоровое, словно у восточных красавиц, но и не тяжелое, будто у европейек. Кровь двух рас, слившись в этом облике, образовала гармоничный сплав. Я сплю?

Первой опомнилась Мирка. Она рванулась к гостье и, прыгнув той на плечо, закружилась вокруг точеной шейки. При этом Мирка взвизгивала и восхищенно тьякала. Затем она растянулась на груди женщины, раскинув в стороны лапки, будто говоря: «Это мое! Никому не отдам!»

– Мирочка! – умиленно произнесла гостья. – Маленькая моя! Соскучилась?

Горностайка стрекотнула и томно прикрыла глазки.

– Катя!

Я сунул ноги в протезы и соскочил на пол. Подхватив гостью на руки, закружил по комнате. Мирка возмущенно чирикнула: дескать, оставь! и приподнялась на лапках.

– Пусти! – Катя уперлась руками мне в грудь. – Мирка ревнует!

– Собственница! – возмутился я. – А мы, значит, не люди?

– Она больше соскучилась. Не мешай! Никуда я не денусь.

Я усадил Катю на кровать и некоторое время смотрел, как девочки милуются. Наконец они натешились, и Мирка свернулась клубком на коленях гостьи.

– Как ты меня нашла? – спросил я.

– Ты поглупел! – хмыкнула Катя. – У тебя же маяк в сканере.

Я почесал в затылке – и вправду. Черт бы подрал этот Западной мир! Мигом отвыкаешь от цивилизации. Совсем забыл про порталы. Эффект Перехода на Земле открыли давно, и случилось это как нельзя вовремя. Космические программы уперлись в тупик. Как ты ни совершенствуй носители, но в результате получаешь ракету разового действия, цена которой выражается цифрой со многими нулями. Космические зонды, отправляемые в пределах Галактики, стоили, как ювелирные изделия, осыпанные бриллиантами. Некогда так было с поршневыми моторами для самолетов. Повышали их мощность, вылизывали фюзеляжи, но настоящий прорыв случился с появлением реактивной тяги. Нечто подобное произошло с порталами. Вначале их пытались использовать взамен пассажирских авиалиний. Не пошло. Порталы потребляли прорву энергии, и переброска людей не окупала затрат. Тогда порталы оставили руководителям государств: им надо перемещаться быстро, а расходы на это не так важны. Изобретатели занялись космосом, и здесь их ждал успех. Порталы оказались дешевле ракет, а в исследовании планет их эффективность и вовсе зашкаливала. Западные миры стали открывать один за другим. По этому поводу ООН приняла специальное постановление. Миры ставили на учет и запрещали их колонизировать. Их хранили в предвидении окончательного истощения ресурсов Земли или возможного переселения людей в случае гибели планеты. Миры разрешалось исследовать и использовать для ссылки преступников. Практика показала, что последнее безопасно и эффективно. Ссылные не выживают...

– Тебе не следовало приходить, – сказал я. – Проход отследят.

– Я из кабинета отца, – усмехнулась она.

А этот не отследят? Наивная! Все под контролем.

– Хоть бы поцеловал! – укорила Катя.

Я обнял ее за плечи и поочередно коснулся губами щек. Она в свою очередь смачно чмокнула меня в губы.

– Колешься! – пожаловалась недовольно.

– У меня нет бритвы. К тому же здесь носят бороды.

– И пил, – укорила она.

– Чуть-чуть! – сказал я. – Хороший человек в гости зашел. Посидели слегка.

– Ага! – не поверила она. – Знаю я вас! Чем ты занимаешься?

– Всем понемножку. Гоню самогон, браконьерничаю, дерусь с аборигенами и ухлестываю за девушками гренадерских статей. Им нравится.

Катя приснула.

– А если серьезно?

– Оружейный мастер. В настоящее время исполняю заказ: ремонтирую кремневые пистолеты.

– Железки ты любишь, – согласилась Катя. – С детства. Помню, как роботессу мою испортил.

– Я ее починил!

– Ну да! – возмутилась она. – Бедняжка всего лишь заикалась. После ремонта перестала, но вместо того, чтоб ласково будить меня по утрам, стала срывать одеяло и кричать: «Подъем!» После чего требовала, чтоб я делала зарядку. При этом гундела и гундела, не слушая моих возражений.

Я ухмыльнулся. А что? Здорово получилось.

– В результате ты выросла такой стройненькой! Глаз не отвести. Скажи после этого, что я тебя не люблю!

– Сейчас заработаешь! – замахнулась Катя. Я с деланным испугом прикрылся ладонью.

– Не притворяйся! – укорила она. – Знаешь ведь, что не ударю. Можно?

Она протянула руки. Я прикрыл глаза. Теплые подушечки пальцев коснулись моих висков. Я сосредоточился, подключая мнемозапись. Начнем с места, как я оказался в Запасном мире. От Кати скрывать нечего.

Подушечки стали горячими – скачивание пошло. Пара секунд – и виски отпустили – имплант у Кати стоял мощный. Я открыл глаза. Катя сидела, уткнувшись лицом в ладони – просматривала. Это она с детства так. Мирка на ее коленях шевельнулась и тоненько заскулила. Чувствует эмоции. С чего это? Ничего особенного не было. Это не Хайберда. Там даже я блевал.

Катя опустила ладони и покачала головой.

– И здесь повоевал!

– У меня не было выбора.

– Был! – покачала она головой. – Мог отойти в сторону и не лезть. Вдруг убили бы?

– Их было пятеро и с холодным оружием. Ерунда!

– А если б десять и с заряженными пистолетами? Ведь ты не знал, сколько их, когда бежал на холм?

Я потупился.

– Когда ты повзрослеешь?!

– Интересно слышать это от младшей сестры.

– Я совершеннолетняя!

– Но все еще лазишь через отцовский портал. Между прочим, запрещено.

– Нашел с чем сравнить! – замотала она головой. – Ладно! Кто эта девочка?

– Которая?

– Рыженькая!

– Дочь местного феодала. Прежний король подарил ему Йорвик. За что, неизвестно, но угадать можно – прогнулся. Бетти, так он ее зовет, единственная наследница.

– Ты ей нравишься.

Я хмыкнул.

– Ну да! – вздохнула Катя. – Кому я это говорю? Разве это меня встречали плакатами: «Женись на мне»?

– Я здесь никто.

– Не прикидывайся! Поставь себя на место девочки. Она живет в уютном мирке. Всех огорчений – пересоленная еда или неотглаженное платье. А тут нападение разбойников и угроза жизни. Ее могли изнасиловать, что, по местным представлениям, хуже смерти. И вдруг являешься ты, весь из себя прекрасный и загадочный. Убиваешь разбойников, спасаешь девочку. Неудивительно, что она запала. Будь осторожен. Эта рыженькая не проста. Запустит коготки, не вырвешься!

– Не беспокойся! – хмыкнул я. – Здесь сословное общество. Дочь феодала – не пара простому оружейнику.

Сестрица покрутила головой.

– К тому же, – добавил я, – единственная, кого я люблю, это ты...

– Жаль, что нам нельзя пожениться, потому что мы брат и сестра! – закончила она, и мы одновременно рассмеялись.

– Как родители? – спросил я, когда смех стих.

– Мама здорова, а вот отец...

Она погрустнела.

– Плох?

– Врачи говорят: от силы год.

– А пересадка?

– Не вынесет операции. Организм изношен. Стресс... Последние годы – сплошные огорчения. В том числе – ты.

– Я не его сын.

– Он любит тебя.

– Поэтому меня посадили? С парнями, чтоб не скучал?

– Вам предлагали помилование.

– Если признаем вину. Не притворяйся! Ты же видела мнемозапись. Резню в Хайберде устроили не мы. Но осудили за это нас – по сфабрикованному обвинению. Он не вмешался.

– Не мог. Сочли бы, что выгораживает пасынка. Это недостойно.

– Поправь меня, если ошибаюсь. Защитить невиновных – это недостойно. А вот посадить их в тюрьму – правильно и честно. Так принято в империи? Лицемеры!

Я встал и прошелся по комнате. За спиной всхлипнули. Я обернулся. По щекам Кати текли слезы. Я метнулся к ней и стал осторожно стирать их пальцами. Мирка, тревожно чирикавая, вскочила сестре на плечо и стала лизать ей щеку.

– Я тебя очень люблю! – сказала Катя, успокоившись. – Но и папу – тоже. Вы оба хорошие. Но я не знаю, как вас помирить. Сердце разрывается...

Я сел рядом и обнял ее. Она уткнулась мне лицом в грудь.

– Отец не знал, что вас мучили, – сказала она тихо. – Его обманывали. После захвата Рудника начали следствие, кто и почему вынес неправосудный приговор? Но тебя успели осудить и выпихнули сюда. Прокурор принес протест, сейчас с этим разбираются, но, сам понимаешь, пройдет время...

– Кто за этим стоит?

– Не знаю! – вздохнула она. – Отец – тоже. Однако думаю, догадывается. Он перестал принимать Пальмера.

– Значит, Тайный Совет...

– Может, да, а может, и нет, – в рифму возразила она.

– Ладно! – сказал я. – Подождем. Что с парнями?

– После твоего осуждения их отправили в Россию отбывать срок. У нас с ней есть договор о правовой помощи.

– И как? – заинтересовался я.

– Из России выслали самолет. К трапу парней привели в тюремных робах. Но в московском аэропорту они вышли в военной форме – ее привезли в самолете. От трапа расстелили дорожку, оркестр играл марш. Министр обороны лично обнял каждого. После чего их повезли в Кремль, где президент вручил им ордена.

– Как восприняли это в империи?

– Был дикий скандал. Премьер-министр обвинил Россию в неисполнении договора. Русский премьер в свою очередь заявил о начале расследования фальсификации доказательств, касающихся русских миротворцев, и вынесения в отношении их неправосудного приговора. Тех,

кто вел следствие, а также экспертов, прокуроров, судей, вынесших приговор, объявили в международный розыск. Их арестуют, если они покинут пределы империи.

– Поделом! – заметил я.

– Отец очень переживает! – вздохнула Катя. – Мать плачет. За что это нам?

Я знал ответ на этот вопрос, но промолчал.

– Как Эдди? – спросил, чтобы сменить тему. – Не женился?

– Нет.

– Пора бы! Сорок лет.

– Ему некогда: занят гонками, – Катя вздохнула. – Еще он воюет с парламентом. Обещает распустить.

– Не позволят. Это ему не гонки.

– Эдди думает иначе.

– Пусть бы и дальше гонял. Наследовать отцу следует тебе.

– Я третья в очереди.

– Вторая. Меня можно не считать.

– Это как решат.

– Приемный сын, к тому же русский. Осужденный за бойню... Смешно!

– Ты не прав! – возразила Катя. – Твои парни дают интервью, рассказывают, как было. Сеть кипит. Наши пытаются возражать, но выглядят жалко. Многие в империи на твоей стороне. Рано или поздно приговор отменят. Тебя ждет триумфальное возвращение.

– Что с того? – хмыкнул я. – Первый все равно Эдди. А вот я выбрал бы тебя. Из нас троих ты самая лучшая. Умная, красивая, талантливая. Золотая девочка империи.

– Не подлизывайся! – фыркнула Катя.

– Чистая правда! – возразил я.

– Все равно не выйдет! – вздохнула она. – Если ты второй, то я – третья... Лучше скажи, что нужно? Оружие, золото, охрана? Есть люди, готовые переправиться сюда, у всех отменная подготовка. Никого не уговаривала, сами вызвались.

– Не стоит, – сказал я. – Необычное оружие, плюс охрана... Нарвусь на конфликт. Я здесь освоился, живу тихо.

– Я знала, что не пропадешь! – согласилась Катя. – Имплант помог?

– Так это ты позаботилась? – удивился я.

– Кто ж еще! – усмехнулась она. – Военный чип достать не удалось. Для этого нужно было задействовать связи, а время поджимало: тебя вот-

вот должны были отправить. Поэтому взяла гражданский и усовершенствовала. Программы сама подбирала. Они хоть и школьные, зато подробные. Мультитул, лекарства... Я – не отец, поэтому могу себе позволить помочь осужденному. Нашлись люди, передали. Труднее было с местом ссылки. Но программисту заплатили, и он ввел код. Это лучший из Запасных миров. Мягкий климат, людская раса и хоть какая, но цивилизация. Не динозавры!

– Спасибо! – Я чмокнул ее в щеку. – Найдешь жениха, предупреди: пусть только попытается обидеть! Голову оторву!

– Ну, сказанул! – Катя засмеялась. – Сама справлюсь. Ладно! Что еще?

– Лекарства! – попросил я. – Побольше! Здешняя медицина – мрак! У меня остались всего три шприца.

– Больше пяти ты бы не пронес. Сочли, что хватит на первое время. Жди здесь!

Она повернула браслет. С тихим звоном открылся портал. Катя сунула мне Мирку и шагнула в сверкающие ворота. Портал мигнул и погас. Мирка горестно зачирикала.

– Она вернется! – погладил я горностайку. – Непременно!

Мирка вздохнула и лизнула мне руку. Я опустил ее на кровать и оделся. С сестрой можно и в рубашке, перед другими нельзя.

Катя вернулась скоро. Шедшие следом слуги внесли в комнату коробки и поклонились. Я пожал им руки. Они кивнули и ушли.

– Держи! – Катя протянула мне браслет. – Это запасной. На всякий случай.

– Нет! – сказал я. – У меня маяк. Если пройду в портал, немедленно отследят. Задержат и станут разбираться. Пока приговор в силе, я преступник, и мое возвращение – побег. Разразится грандиозный скандал. Твоя репутация пострадает.

– Пусть! – сказала она. – Зато тебя спасу.

– Мне ничто не угрожает.

– Ваня!..

Катя всхлипнула. Я обнял ее и стал утешать. Мирка присоединилась. Вдвоем мы успокоили сестру. Расцеловав нас на прощание, Катя ушла, оставив «светляк», а я стал сортировать содержимое коробок. Помимо лекарств там оказались хирургические инструменты, перевязочный материал, экспресс-анализатор биологических жидкостей – компактный и универсальный, «светляки»... Катя не забыла даже про носки для культей. Теперь заживем! Замечательная у меня сестренка!

Затем я долго лежал без сна. Мирка, свернувшись на моей груди, тоже

не спала. Время от времени она тихонько поскуливала. Наверное, тоже вспоминала...

В первой трети двадцать первого века на политической карте Земли появилось новое государственное образование – Соединенная империя государств Европы и Японии, сокращенно – СИГЕЯ. Оно возникло по инициативе правых партий Европейского союза, получивших большинство в объединенном парламенте. К удивлению «демократического» лагеря, народы Европы идею поддержали. Самый высокий уровень жизни в ЕС наблюдался в конституционных монархиях, так почему бы не попробовать? Внешне перемены не выглядели радикальными. Номинальной главой тогда еще ЕС становился монарх – только и всего. Первого короля объединенной Европы избрали самым что ни на есть демократическим способом – путем всеобщего и тайного голосования. На выборах с большим отрывом победил ставленник Правого альянса, молодой герцог Люксембургский, к тому времени даже неженатый. Вездесущие эксперты тут же разъяснили – компромиссная фигура. Ждать великих деяний от Жана I не стоит. Эксперты, как водится, ошиблись...

Через год после коронации Жан I посетил Японию. Ритуальный визит, как все посчитали, имел неожиданное завершение. В Брюссель император вернулся в сопровождении девушки с милым личиком. Ее звали Кико. Полностью: Ее Императорское Высочество принцесса Японии. Парламенту Жан представил Кико как будущую супругу.

Мир выпал в осадок. Никогда прежде короли Европы не брали в жены японских принцесс. Не потому, что не хотели – японцы не отдавали. Сеть накрыла волна слухов. Одни порталы толковали о любви, другие – о заговоре. Детали выяснились позднее. План династического союза разработал Правый альянс. Переговоры шли долго, но стороны договорились. Объединение стран давало многое. Япония получала обширный рынок, ЕС – доступ к передовым технологиям. Однако японцы выдвинули ряд условий. Объединенная страна трансформировалась в империю, император получал властные полномочия. Династии сливались в одну. Жан брал в жены японскую принцессу, его примеру должен был последовать и его сын. В случае если родится дочь, она выходила замуж за японского принца. При отсутствии наследников Соединенную империю возглавлял император Японии. Над последним пунктом долго спорили, но после дебатов утвердили. Цель оправдывала средства.

Европа стала отслеживать новости из дворца. Сообщение о беременности Кико вызвало ликование. Рождение принца – восторг. В Европе радовались: будущий император – свой. Японцы улыбались. Когда

сын Жана подрост, стало ясно почему. Лицом и фигурой Анри походил на деда по линии матери. Кико вдобавок обучила его манерам и языку своей родины. Европа погрузилась и смирилась. В конце концов на языках Европы Анри говорил не хуже.

Создание империи вывело Европу в мировые лидеры. На мировой сцене возникло образование, передовое по экономической мощи и политическому влиянию. Объединенная евройена стала мировой валютой. Одна за другой стали гаснуть войны. Империя желала торговать, а не разжигать конфликты. Воюющие страны – плохие покупатели. У них разваленная экономика и мало денег. США пробовали возражать, но на них цыкнули. Идея атлантизма в Европе приказала долго жить, былой гегемон на континенте не котировался. Евройена стала вытеснять доллар из мировой торговли. США рухнули в кризис.

Жан умер в пятьдесят лет от аневризмы аорты. На престол взошел Анри. Так же, как его отец, он женился на японке. Брак вышел неудачным. Родив наследника, супруги отдалились. Каждый жил сам по себе: император правил, Митико занималась благотворительностью. В одной из поездок ее вертолет попал в бурю. Его обломки и тела пассажиров спасательная экспедиция нашла через два дня. Но об этом вскоре забыли – война...

Недовольные потерей влияния США стали разжигать конфликты. Волей-неволей империи пришлось втягиваться. В этот период случилось маленькое, но трогательное событие. Император принимал во дворце семьи миротворцев. Этому предшествовала трагедия. Банда исламистов в Ираке напала на гарнизон империи. Осажденные запросили помощи. Неподалеку двигалась колонна русских. Повернув машины, она помчалась к городу. Успела вовремя: гарнизон держался из последних сил. Неожиданный удар в спину разметал фанатиков. Однако бились они насмерть. Погибло пятнадцать русских миротворцев. Империя наградила их орденами – посмертно. Родственников героев пригласили во дворец. Император подходил к ним, говорил положенные в таких случаях слова и вручал награды. Среди гостей выделялась одна пара. Красивая зеленоглазая женщина в черном платье и мальчик лет четырех в костюмчике. Он стоял строгий и серьезный. Когда император приблизился, мальчик поднес ладонь к виску. Анри козырнул в ответ, наклонился и прикрепил орден к пиджачку мальчика. Большой и тяжелый, тот оттянул ткань. Мальчик приподнял орден и стал его разглядывать. Награда поблескивала эмалью и колола пальцы. Я хорошо запомнил эти ощущения. Этим мальчиком был я.

Эти кадры обошли мир. Скоро о них вспомнили – по другому поводу.

Мир облетела сенсация: Анри женится. С невестой познакомился на приеме. Она русская, вдова капитана Нагайкина... Вспыхнул скандал. Его замяли. Двор объявил, что договор с Японией не нарушен. Трон унаследует принц Эдуард – сын японки, остальное – дело частное.

В ту пору я был мал, чтобы понять происшедшее. Запомнился сердитый голос деда, который что-то выговаривал матери, ее слезы при нашем расставании. Мать уехала, а я остался. Позже я узнал, что дед меня не отдал. Он был суров, мой дед Иван, хотя я запомнил его другим. В его доме меня окружала любовь. В праздники дед выпивал чарку и доставал из потертого футляра древний баян. Других инструментов он не признавал. Растянув мехи, дед запевал:

Ты ждешь, Лизавета,
От друга привета,
Ты не спишь до рассвета,
Все грустишь обо мне.
Одержим победу,
К тебе я приеду
На горячем вороном коне...

Песня, такая же древняя, как баян, заполняла дом, и глаза бабушки влажнели. Много позже я узнал, что на Третьей Кавказской войне рота деда попала в засаду и сутки отбивалась от банд. Перед лейтенантом Нагайкиным взорвалась мина, осколки распахали ему лицо. Один выбил ему глаз. Подоспевшая наконец помощь помножила банду на ноль, деда увезли в госпиталь. Придя в себя, он разглядел в зеркале свое лицо и попросил друга сообщить невесте, что погиб.

Со студенткой Лизой Иван Нагайкин познакомился в социальных сетях. Съездил к ней на родину – в маленький белорусский городок на реке Проня, где симпатичная студентка проживала с родителями. Им лейтенант дочку глянул, и они ему – тоже. Сговорились о свадьбе. Планировали ее на осень, но тут война...

Друг не послушал Ивана и написал Лизе правду. Невеста примчалась в госпиталь и первым делом назвала жениха «козлом». Потом они помирились, и бабушка увезла деда к себе. Через год у них родился сын Петр – мой отец.

Подростком я как-то спросил деда: откуда у него, уроженца средней полосы России, казачья фамилия?

– Она не казачья! – сказал дед. – Хотя наши предки служили атаману Платову. Ходили с ним на Париж. Мы из ногаев – тех, что приняли подданство Российской империи. Когда предки крестились, им дали фамилию по роду. С тех пор и пошло.

У деда и вправду были высокие скулы и раскосые глаза. А вот отец их не унаследовал. Лицом он пошел в мать, как я впоследствии.

Мы стали жить втроем: дед, я и бабушка. Нам было хорошо. С мамой мы говорили по видеофону, и я не грустил. Спустя год мы сели в самолет и полетели в Брюссель. Там нас привезли во дворец, где встретили незнакомые люди. Они улыбались и что-то говорили, но я не слушал. Вместо этого разглядывал лепнину на потолках и резную мебель. Потом к нам вышла мама с большим свертком в руках. Мне дали его подержать. Сверток был теплым и тяжелым. Из кружевных пеленок выглядывало красное, насупленное личико.

– Это твоя сестричка! – сказала мать. – Ее зовут Катя.

Сестричка открыла глазки и улыбнулась. Я обрадовался, но тут сестричка заревела, и ее у меня забрали. Мы погостили в Брюсселе и вернулись домой. Вскоре я пошел в школу, а затем умерла бабушка. Смерть сына и замужество невестки подкосили ее. После похорон в доме появились люди. Они говорили с дедом в другой комнате, но я слышал, как там ругаются. Затем дед с гостями зашел ко мне в комнату.

– Твоя мама хочет, чтоб ты жил с ней, – произнес он грустно.

– А ты? – спросил я.

– Останусь здесь.

– Не хочу! – сказал я.

– Я – тоже, – вздохнул дед, – но у меня нет на тебя прав. Муж твоей матери усыновил тебя.

– Без тебя не поеду! – сказал я. – А если увезут – убегу!

– Слышали? – спросил дед гостей.

Те о чем-то переговорили, и один из них кивнул. Мы собрали вещи и полетели в Брюссель. Там меня поселили в большой комнате, деда – в соседней. Я пошел в школу. Там были другие учителя и дети, и они говорили на другом языке. Его следовало выучить. Дед помог мне. Вскоре мы стали понимать окружающих, и жизнь наладилась.

На каникулах мы с дедом улетали в Белоруссию. Наш старый и маленький дом нравился мне больше, чем дворец отчима. Здесь было уютно и тепло. Неподалеку протекала река. Мы ловили в ней окуньков, и дед учил меня варить уху. Он меня многому научил. Благодаря ему, я не забыл, кто я. В шестнадцать дед отвел меня в посольство, где мне вручили

паспорт гражданина России.

– Империя не убежит! – сказал дед по этому поводу. – А случись что, у тебя будет Родина.

Окончив школу, я поступил в Московскую военную академию. Дед отсоветовал мне идти в имперскую.

– Чему эти могут научить? – проронил дед презрительно. – Они сто лет не воевали!

В академии если и удивились моему заявлению, то не показали виду. Как гражданин России и сын погибшего российского офицера я имел право учиться в Москве. Единственное, что мне посоветовали, так это не говорить о родственниках в Брюсселе. Я и сам этого не хотел. Для однокурсников я был сиротой, которого воспитал дед.

...Я учился на пятом курсе, когда дед умер. По его завещанию, гроб с телом отвезли в Россию, где похоронили рядом с женой. В тот день из моей жизни ушло что-то очень важное. Счастье, наверное...

Глава 6

Тибби прибежал, когда я умывался.

– Мастер Айвен! – закричал с порога. – Наш дом забирают! Скорей! Пожалуйста!

– Спокойно! – сказал я, бросая полотенце на стол. – Не надо кричать. Говори по существу. Кто забирает?

– Тросканцы!

– Это кто?

– Они деньги занимают.

«Ростовщики!» – понял я.

– Сколько вы задолжали?

– Двадцать силли. Когда отец заболел, понадобились деньги. Доктор Боу брал пять силли за визит.

«Гнида жирная!» – подумал я.

– Мы обязались вернуть долг через полгода, добавив к нему пятую часть. Всего двадцать четыре силли.

«Сорок процентов в пересчете на год. Ничего себе у них ставки!»

– После смерти отца мы продали все что могли. Копили каждый пенни. Собрали деньги. Но они говорят, что мы должны сорок четыре силли! Мол, пятая часть считалась ежемесячно. Это ложь! Когда мать подписывала заемное письмо, такого не было. Мать отказалась платить. В ответ они пригрозили, что заберут дом.

– Они сейчас у вас?

– Тросканец ушел за приставом. Но у дома остался его слуга.

– Значит, есть время, – заключил я. – Заряди пару пистолетов!

Тибби занялся делом, а я пошел к себе и надел куртку. Ее, максимально учтя пожелания заказчика, сшила мне Иллинн – мать Тибби. В куртке имелись карманы, на плечах – кожаные вставки (это чтоб Мирка ткань не рвала), на локтях – такие же заплатки. Иллинн очень удивилась, но сделала. Мне обновка понравилась, Мирке – тоже. Летом в куртке жарко, но без нее не к лицу. Я же – почтенный человек, а не босяк какой-то. Перепоясавшись, я подцепил к ремню кинжал и кликнул горностаюку. Она устроилась на плече, возбужденно чирикавая. Чувствует адреналин... Подойдя к полке, я взял сборник королевских указов. Что-то о ростовщиках в нем встречалось. Я полистал толстые страницы. Вот...

– Готово, мастер!

Тибби протянул мне пистолеты. Я сунул их за пояс, взял книгу под мышку, и мы отправились. Идти было недалеко: дом вдовы располагался почти рядом. У его ворот болтался незнакомый мужчина: невысокий, худощавый и неприметно одетый. При виде нас он подобрался, и я понял, что это не простой слуга. Плавные, заученные движения, делано расслабленная поза, холодный, оценивающий взгляд. Видели мы таких...

«Слуга» скользнул взглядом по рукояткам моих пистолетов и уставился на Мирку. Присутствие горностайки явно поставило его в тупик. Он не знал, как расценить животное – угроза или блажь? Мирка почувствовала исходящую от «слуги» опасность и зашипела. Я погладил ее, успокаивая, и шагнул в открытую Тибби калитку.

Иллинн мы застали плачущей. Она сидела на лавке, обнимая дочерей. Салли и Нэнси тоже всхлипывали.

– Мастер Айвен! – вскочила Иллинн, увидев нас. – Это обман! Не было такого в заемном письме, я хорошо помню. Они говорят, что заберут дом. Куда ж нам идти? Милостыню просить?

На рано постаревшем, усталом лице Иллинн озерами плескались синие глаза. Некогда вдова сапожника была очень красивой женщиной. Эти глаза унаследовала Нэнси...

– Успокойтесь, почтенная! – сказал я. – Ничего у вас не заберут.

– Мастер! – Иллинн сложила руки на груди. – Если вы поможете... Я для вас...

– Где деньги? – перебил я.

Вдова протянула мешочек. Я высыпал его содержимое на стол и отсчитал двадцать два силли, которые ссыпал обратно. Оставшиеся монеты придвинул Иллинн.

– Заберите!

– Мастер?..

– Давайте условимся, Иллинн! Я ваш поверенный в делах и буду вести переговоры. Вы молчите. Отвечаете только на мои вопросы, причем кратко. Договорились?

Она закивала и прибрала монеты. За дверью раздались шаги. Я повернулся и заложил большие пальцы за пояс. В комнату скользнул уже знакомый «слуга». Окинув нас взглядом, он отступил в сторону. Вторым вошел плечистый мужчина в зеленом мундире, и лишь затем протиснулся толстяк. На нем был черный, шелковый камзол с золотыми позументами. Роба толстяка напоминала кусок мяса. Красное лицо с двойным подбородком, выпученные глаза и брезгливо отвисшая нижняя губа.

– Это кто? – возмущенно спросил он, ткнув в меня пухлым пальцем. –

Я требую, чтобы посторонние покинули дом!

Возмущение было наигранным. Не приходилось сомневаться: слуга посвятил хозяина в изменившийся расклад, и тот ринулся в атаку. Обломаешься...

– Господин пристав! – поклонился я.

– Не имею чести...

– Айвен. Оружейный мастер и поверенный в делах семьи Пинкер. Объясните гостю, что я имею право здесь находиться.

– Я не знаю ни о каком поверенном! – взвизгнул толстяк. – У вдовы его не было.

– Теперь появился. Может, перейдем к делу?

– Госпожа Пинкер! – обратился к вдове пристав. – Вы подтверждаете слова мастера Айвена?

– Да! – сказала Иллиин, поймав мой кивок.

– Тогда его присутствие законно, – объявил пристав.

Толстяк метнул в него негодующий взгляд. Ага, приставу отстегнули. Только тот не дурак. Весь Иорвик знает, кому мастер Айвен спас жизнь.

– К делу так к делу! – продолжил пристав. – Вдова Пинкер заняла у представителя дома Троскана мастера Иззи двадцать силли с обязательством вернуть их через полгода, добавив к сумме долга пятую его часть, исчисляемую ежемесячно.

Иллиин дернулась, но я положил руку ей на плечо. Толстяк увидел это и ухмыльнулся.

– Заем сделан под залог дома и прочего недвижимого имущества. Вдове надлежит выплатить мастеру Иззи причитающиеся ему сорок четыре силли. Если она не сможет или не захочет это сделать, дом перейдет в собственность дома Троскана. Я верно изложил?

Пристав глянул на толстяка. Тот одобрительно кивнул.

– Заемное письмо!

Я протянул руку. Пристав поколебался и вложил в мою ладонь бумагу. Я пробежал глазами текст. Иллиин не соврала. Слова «исчисляемую ежемесячно» вписали позднее. Почерк другой, чернила темнее, да и строчка кривая. Грубо работают, нагло. Однако оспаривать бесполезно.

– Здесь ваша подпись, Иллиин?

Я показал письмо вдове.

– Да! – кивнула она. – Но...

Уловив мой жест, она смолкла.

– Все правильно! – сказал я. – Долг подлежит возврату. Вот! – я протянул кожаный мешочек.

Толстяк, подскочив, схватил его и, распутив тесемки, высыпал монеты на ладонь. Пересчитал он их мгновенно – чувствовалась практика.

– Здесь двадцать два силли! – возмутился он.

– Именно столько и надлежит вернуть.

– Положено сорок четыре!

– Это с чего?

– Лихва ежемесячная. Вы умеете считать?

– Читать тоже. Пристав! – повернулся я к человеку в мундире. – Вам знаком указ Его Величества короля Харольда Третьего от месяца цветения пятого числа тысяча триста третьего года от пришествия Спасителя?

– Э-э-э... – протянул пристав.

– Читайте!

Я взял со стола раскрытую книгу и протянул ему. Пристав схватил и впился глазами в текст. Когда он поднял взгляд, лицо его выглядело растерянным.

– Король Харольд, да будет благословенна его память, – торжественно произнес я, – запретил в Алитании взимать лихву в размере более чем пятая часть долга, исчисляемая за год. Я не слышал, чтоб этот указ отменили. Может быть, мастер Иззи знает?

Сказав это, я замер. На указе короля строилась моя защита. Косвенные признаки показывали, что он действует: в заемном письме была указана именно пятая часть долга, а не треть или половина. Но вдруг норму отменили? Тогда все насмарку. Я даже ссудить денег Иллинн не смогу – потратился. Можно попросить в долг у Мэгги – в счет будущих доходов, но вряд ли дадут.

Лицо толстяка стало похожим на бифштекс.

– Это не имеет значения! Вдова подписала письмо, поэтому должна платить!

– Выходит, вы утверждаете, – сказал я, радуясь, что угадал, и от этого придавая голосу нужный оттенок, – что подпись вдовы Пинкер значит больше, чем подпись Его Величества короля? Я вас правильно понял? – Я перевел взгляд на пристава. Тот выглядел, как на похоронах. – Интересные дела творятся у вас в Иорвике. Судебный пристав, обязанный служить закону, помогает тем, кто его нарушает. Любопытно, правда? Я попрошу съерда Оливера с этим разобраться.

Лицо пристава побелело.

– Мастер! – выдохнул пристав. – Пожалуйста!.. Не надо съерда! Вы правы. Вдова Пинкер должна дому Троскана двадцать два силли и ни пенни больше!

– Подтверждаете, что долг возвращен в вашем присутствии?

– Да, мастер!

– Значит, дело закончено. Стороны претензий не имеют.

Я разорвал письмо пополам. Толстяк дернулся и замер, остановленный моим взглядом. Я сложил половинки, разорвал их еще раз и бросил клочки на пол.

– Ты!.. – выдохнул толстяк.

Я заложил пальцы за пояс (совершенно случайно мои ладони оказались рядом с рукоятками пистолетов) и улыбнулся.

– Я вас более не задерживаю, почтенные!

Пристав вернул мне книгу и пошел к двери. Следом устремился толстяк. Перед тем как скрыться за дверью, он обменялся взглядами со «службой», и я заметил, как тот едва заметно кивнул. Мирка на моем плече напряглась. Та-ак...

Дверь за нежеланными гостями закрылась.

– Дети! – возгласила вдова. – Все на колени! Целуйте руки нашему спасителю!

В подтверждение своих слов она бухнулась на пол. Следом повалились девочки. Последним опустился на колени Тибби.

– А ну встать! – рявкнул я. – Не то обижусь. Очень-очень.

Мирка в подтверждение стрекотнула. Иллиин с детьми торопливо встали.

– Простите, мастер! – сказала вдова. – Просто не знаю, как вас благодарить, – она всхлипнула.

– Вам ничто не грозило. В Алитании отнять дом можно только по суду. Там бы выяснилось.

– Вы не знаете тросканцев, мастер! – покачала головой Иллиин. – Они страшные люди. Медник Пепин прошлым летом подал на них в суд. Жаловался, что его обманули. Еще до суда он исчез, и более никто его не видел. Тросканцы забрали его дом с кузницей, выгнав семью на улицу. Его дети просили милостыню, пока съёрд Оливер не пристроил их в обители. После Пепина пропал горшечник Андин – не хотел возвращать долг.

«Однако!» – подумал я.

– Я боюсь за детей. Тросканцы отомстят.

– Не посмеют! – заверил я. – Не беспокойтесь, Иллиин! Тибби, проводи меня!

На прощание меня облили слезами. К Иллиин присоединились дети. Мирке прощание понравилось: она прыгала с головы на голову, радостно при этом стрекоча.

– Расскажи мне о тросканцах! – попросил я Тибби, когда мы вышли.

– Они появились в Йорвике при новом короле, – вздохнул мальчик. – Купили дом на берегу реки, стали давать деньги в рост. Многие обрадовались: пятая часть в год – это не слишком много, а деньги ссужали сразу и без поручителей. Потом пошел слух, что тросканцы жульничают. Переправляют цифры в письмах или вписывают другие условия, как нам. Но к ним все равно шли: когда случится беда, деньги найти трудно... – Тибби помолчал. – Мастер Айвен, вы в самом деле думаете, что нас не тронут?

– Побоятся, – ответил я. – Жирный тросканец – трус. Мигом сдулся. А вот слуга у него странный.

– Он немой, – сказал Тибби. – Язык отрезан. Когда на рынке торгуется, мычит и показывает пальцем.

«Идеальный охранник и убийца, – сообразил я. – Дело сделает и не проболтается. Интересно, как он объяснил толстяку, что я в доме? Жестами?»

– Вот что, Тибби! Береженого бог бережет. Держи! – я протянул мальчику пистолеты. – Умеешь стрелять?

– Конечно! – сказал Тибби, хватая оружие.

– Закройтесь на ночь и не открывайте. Днем не отходите далеко. Ночью кто-то один пусть не спит.

– Сделаем! – кивнул Тибби. – А вы, мастер?

– У меня сотня пистолетов, а еще она, – я указал на Мирку. Горностайка довольно тявкнула. – Отобьемся.

– Хорошо! – кивнул мальчик. – Но если не получится, бегите к нам. Мы их вместе!.. – Он шмыгнул носом.

Я засмеялся и потрепал его по вихрастой голове.

* * *

День я провел в хлопотах. Салли не было: я сказал Тибби, чтоб не приходила. Не нужно ей знать, к чему я готовлюсь. В том, что по мою душу придут, сомнений не было. Случай с Иллином ломал тросканцам бизнес. Узнают о нем люди, и жульничеству конец. Возмутителя спокойствия следовало убрать. Тогда все испугаются, в том числе Иллину. Дом у нее отождут, вдову с детьми выбросят на улицу...

Днем я нападения не ждал, поэтому вел себя внешне беспечно. Ходил, посвистывая, по двору, играл с Миркой и вообще, с точки зрения

стороннего наблюдателя, валял дурака. А наблюдатель был. Время от времени я чувствовал затылком чужой взгляд. За мной следили, и я даже знал откуда. Забор не позволял заглянуть во двор с улицы, но неподалеку на берегу росли деревья.

Пули я не боялся. Из гладкоствольного ружья попасть в цель на таком расстоянии трудно, к тому же выстрел привлечет внимание. Тросканцы не любят шум: их предыдущие жертвы исчезли бесследно. Однако чувствовал я себя тревожно. Это не открытый бой, где расклад ясен. Меня придут убивать ночью. Хорошо, если немой слуга – с ним я справлюсь. А если наймут убийц? Придется стрелять. А это шум, следствие, которое обрушится на чужака. Неизвестно, чем все завершится.

Однако не заступиться за Иллинн я не мог. Мы сдружились. Девочки проводили в мастерской дни напролет, вечером подтягивался Тибби, заглядывала и Иллинн. Вместе нам было весело и интересно. Мы жарили рыбу или мясо, варили уху, ужинали и беседовали. Из этих разговоров я узнал о Запасном мире гораздо больше, чем из книг...

К вечеру небо затянуло. Ночь спустилась на Иорвик темная и непроглядная. «Злодейская», как писали некогда. Скользнув в дом, я надел заранее извалянную в углях рубаху, после чего вымазал сажей лицо и сапоги. Мирке велел остаться. Она обиженно твякнула и надулась. А что делать? Ее шкурка – как светлячок в темноте, сразу выдаст. Сажей мазать нельзя. Мирка станет ее вылизывать и отравится. Сам справлюсь...

Тупичок между ледником и сараем я выбрал заранее. Самое подходящее место. За спиной – забор, справа и слева – строения. Напасть можно спереди, а в этом случае козыри в моих руках. Присев на чурбачок, я обратился в слух. Время текло медленно, и я погрузился в воспоминания.

...Эту девочку так и не нашли, хотя искали долго. Адвокаты не обнаружили ее следов. Она прибежала к посту к полудню – полностью голая и вся в крови.

– Хаарам! – залепетала, указывая за спину рукой. – Хайберда!

Она говорила на хауса, а приданные нам полицейские хауса не знали: в Нигерии свыше пятисот языков. Однако без того было понятно. Значение слова «Хаарам» знали далеко за пределами Африки. Поручив девочку полицейским, я скомандовал: «В ружье!» Парни стали запрыгивать в бронемшины. Спустя пять минут мы пылили по проселку по направлению к Хайберде. По пути я вызвал спутник, и тот сбросил на ком картинку. Вооруженных людей и техники в деревне не наблюдалось. Поначалу я предположил, что сигнал – ложный, затем – что бандиты испугались нас и ушли. Хайберда лежит на дне долины, дорога сюда переваливает через

гребень склона, колонну можно видеть издалека. Но оказалось, что мы опоздали...

Машины, влетев в Хайберду, встали у крайних хижин. Парни, спрыгнув с брони, стали забегать в двери. С соблюдением правил предосторожности, естественно. Не раз бывало, что бандиты ждали миротворцев внутри. Однако их не было, и жителей – тоже. Парни прочесывали дом за домом, следом катили бронемшины. Наводчики настороженно водили по сторонам стволами пушек. Стрелять было не в кого. Мы выехали на площадь и встали у школы – об этом свидетельствовала вывеска на английском. Виктор с Пашей забежали внутрь...

Когда они вышли, лица парней были белыми. Оба согнулись и стали блевать. Я соскочил с брони и побежал в школу...

Племенная рознь в Африке существует испокон веков. Причем выражается она в зверских формах. В свое время в США снимали фильмы о страдании чернокожих рабов. Отчасти правдивые: плантаторы – сволочь еще та. Но в сравнении с неграми, вырезавшими соплеменников в самой Африке, плантаторов можно считать святыми. Цивилизованному человеку невозможно постигнуть смысл зверства в Африке. Зачем резать людей, сжигать их дома, если не собираешься захватывать землю? Зачем оставлять после себя выжженную пустыню? У плантаторов и колонизаторов хотя бы имелась цель, пусть даже поганая – прибыль. Ради нее они защищали и кормили своих рабов. Негры просто убивали, причем с садистской жестокостью. После ухода колонизаторов племена в Африке стали уничтожать друг друга эффективно и страстно, чему способствовало современное оружие. К племенной розни добавилась религиозная. Государства, погрязшие в коррупции, справиться с этим не могли. Тогда ООН направила в Африку войска. Империи и демократии, поделив континент, перебросили миротворцев. Из-за соперничества стран зоны влияния перемешались. Нередко они представляли собой слоеный пирог: блокпост имперский, блокпост российский, блокпост американский. Девочка выбежала на российский...

То, что я увидел внутри школы, впоследствии назвали «бойней». Но это было не так. В сравнении с тем, что устроили хаарамовцы, бойня – образец гуманизма. Там животное глушат, а уж потом режут. Хаарамовцы выкалывали живым людям глаза, отрубали руки и ноги, резали уши и вспарывали животы. Классы были завалены обрубками и частями тел, кровь окрашивала стены на высоту человеческого роста, внизу в красной жиже плавали кишки. Тошнотворно пахло внутренностями и дерьмом. Над

всем этим омерзительно гудели сине-зеленые, жирные мухи Африки.

Проблевавшись, я приказал осмотреть классы. Кто-нибудь мог уцелеть, забившись под трупы. Но мы только перепачкались в крови. Бандиты убили всех. Получив доклад, я приказал группе умыться и сесть в бронемашину. По моему запросу спутник нашел банду. Прячась от беспилотников, она забила в лес и теперь медленно двигалась на северо-запад. Спутнику лес не мешал. Я разглядел внедорожник и два грузовика. Для наших бронемашин – один укус.

Дроны вызывать я не стал. Они базировались далеко, и в подлетное время банда могла уйти. Так я объяснял потом. На самом деле причина была в другом.

Мы успели. Банда выскочила на дорогу и увидела бронемашину с повернутыми в ее сторону стволами. Внедорожник и грузовики разом встали. Бежать было бессмысленно: от пуль? Они это поняли. Из внедорожника выскочил негр и, помахивая белой тряпкой, пошел к нам. Подумав, я выбрался из машины и двинулся навстречу.

Негр приблизился, и я узнал его. Эта рожа была кошмаром правительства Нигерии. Восемь лет Муса держал в ужасе север страны. Его банды нападали на миссии и полицейские участки, убивали священников и учителей, тысячами резали «неверных». Говорили, что Муса окончил университет в Лондоне, и там его запомнили милым и добродушным парнем. Почему он превратился в зверя, в Европе не понимали. В Африке знали. Образование и внешняя цивилизованность – оболочка, которая слетает, стоит включить инстинкты. Муса любил убивать. В Африке для этого был простор, чем он и пользовался...

За поимку Мусы сулили награду, ее даже выплатили. В первый раз – французским наемникам, во второй – имперским парашютистам. Но Муса сбегал из тюрьмы – кто-то ему здорово помогал. Из-за безнаказанности бандит наглел и не слишком прятался. Он даже выезжал на расправы сам, как сегодня в Хайберду. Любил потрошить...

– Я сдаюсь, офицер! – сказал Муса, подойдя. – Мои люди – тоже. Рассчитываем на гуманное отношение и справедливый суд.

– А как же Хайберда? – спросил я.

– Это надо доказать! – ухмыльнулся он. – Вы остановили нас далеко от деревни. Мы не оказали сопротивления и сложили оружие. В чем дело, офицер? За мою поимку тебя наградят. Повысят в звании и дадут орден.

Он ослабился. Блеснули здоровые, белые зубы. Он откровенно потешался – молодой и здоровый убийца, привыкший к безнаказанности. Он нас презирал. Белые люди блюдут законы, и в этом их слабость. Для

него самого законов не существовало. Я опустил взгляд. Камуфляж Мусы был в бурых пятнах: не успел сменить.

– Ты прав! – сказал я. – Меня наградят. Но я этого не хочу.

Его лицо выразило удивление. Прежде, чем он опомнился, я пнул его в пах. Муса охнул и скрючился. Я выхватил нож и одним движением отрезал ему ухо. Затем шагнул вбок и смахнул второе. Кровь хлынула на его камуфляж, добавив к расцветке красного. Застонав, Муса выпрямился и глянул на меня белыми от ужаса глазами.

– Больно? – ласково спросил я. – В Хайберде люди тоже мучились. Они кричали и молили о пощаде. Но ты не внял. Там были дети, много детей. Они плакали, а ты их резал. И смеялся при этом, ведь так?

Он дернулся, но я подставил ногу. Он рухнул лицом в красную пыль. Я пинком перевернул его на спину, нагнулся и всадил ему в живот нож. Муса завопил. Не обращая внимания, я давил на рукоять. Брюшина у человека – очень болезненное место. Потому харакири у японцев – образец мужества. Но редкий самурай убивал себя сам – слишком больно. Помощник сносил ему голову катаной. Я не проявил милосердия. Клинок развалил Мусу от бока до бока – вместе с внутренностями. Противно завоняло дерьмом. Муса зажал руками рану и завыл, суча ногами.

Я вытер лезвие о его камуфляж и выпрямился. Все произошло так неожиданно, что никто не отреагировал: ни миротворцы, ни бандиты. Все изумленно смотрели на меня.

– Ну! – сказал я своим. – Что смотрим? Работать будем или как?

Парни исчезли в люках. Завыли импульсные пушки. Не оборачиваясь, я подошел к машине и взобрался на броню. Когда глянул назад, там пылало. Почти невидимые в жарком воздухе языки пламени тянулись от машин к небу, в них что-то мелькало и потрескивало. Пушки смолкли. Десант спрыгнул на землю и побежал к кострам. Несколько раз треснули выстрелы. Парни вернулись и запрыгнули на броню. Машины сдали назад, развернулись и покатали обратно.

По пути мы свернули к озеру, где умылись и постирали одежду. Привлеченные запахом крови, подплыли рыбы. Кто-то бросил гранату. Она бухнула, и на поверхность вверх брюшками всплыли озерные обитатели. Поглядывая на них, мы натянули мокрое обмундирование. Я указал на камень у воды.

– Все накопители – сюда!

Приказ выполнили мигом. Лица парней выглядели хмурыми, на меня косились. Я сам не понимал, что на меня нашло. Если б негр не скалился... Пятнадцать кристаллов легли на камень. Двенадцать – со шлемов, три – с

машин. Я снял винтовку и размолотил накопители прикладом. Меня трясло, поэтому соображал я плохо. Накопители уничтожать было нельзя. На суде их отсутствие стало уликой – косвенной, но убедительной. Так же, как застиранная кровь на форме. Экспертиза показала, что она соответствует крови жертв. Наши объяснения, что мы искали живых и потому испачкались, не приняли.

Нас взяли на базе империи, куда выманили для отчета. Поначалу мы сочли это ошибкой. Предположить, что миротворцы убивали детей, мог только больной человек. Но больными они не были. Империя бодалась с Россией, мы подвернулись под руку. Объявить русских садистами – что может быть лучше? Я предложил снять запись с мнемосканера. Пусть судят за расстрел банды – и только меня. Парни не виноваты: они выполняли приказ. Мне ответили, что мнемозапись не доказательство. Сканеры появились не так давно, вживлены немногим. Адвокаты нашли экспертов. Те подтвердили: мнемозапись подделке не поддается. Их мнение проигнорировали. Россию следовало наказать, империя не хотела упускать случая.

Муса в деле не фигурировал. Объявили, что террористов расстрелял имперский дрон. В сеть выложили фотографии: горелые остовы машин, разбросанные вокруг них тела. Даже на этом империя зарабатывала очки.

За процессом стоял режиссер. Россия пыталась протестовать, слала дипломатические ноты, но напрасно. Меня приговорили к пожизненному заключению, парней – к двадцати годам каждого. На суде мы отрицали вину, обвиняли следствие в фальсификации дела. После приговора Россия пообещала пересмотреть ряд соглашений. В Брюсселе поняли, что перегнули палку. Нам предложили помилование – если признаем вину. В конце концов дело сделано: Россия скомпрометирована, общественное мнение создано, мавр может уходить. Держать его в тюрьме нет смысла.

Мы отказались. Это сломало сценарий. Помилование он предусматривал, а вот отказ от него – нет. Такое не предполагалось в принципе: как это, предпочесть свободе тюрьму? Растерялись и придворные журналисты. Некоторые пытались вякнуть: русские по натуре – рабы, поэтому выбирают неволю. Не прокатило. В Сети есть идиоты, но их не так уж много.

В тюрьме меня посетила Катя. Она принесла мне Мирку – чтобы не скучал. Ей это разрешили, так же, как свидание. Видимо, рассчитывали, что Катя уговорит меня. Они не знали о ее даре. Для снятия мнемозаписи нужен прибор, сестре он не требовался. Катя ушла в слезах. Я надеялся, что она расскажет отцу и тот вмешается. Не получилось.

Нас отправили в Рудник. Эта шахта-тюрьма пользовалась дурной славой. Сюда отправляли серийных убийц, маньяков и прочих отморожков. В Руднике добывали радиоактивные металлы. Фоново там так, что ломалась даже защищенная электроника. Я знал это как никто другой, поскольку ее ремонтировал – образование и квалификация позволяли. Парни вкалывали в штреках. Кормили в Руднике скудно, а высокая радиация гарантировала лучевую болезнь. В империи рассчитывали, что мы сломаемся. Не вышло. Тогда нас начали бить. Строили в бараке, выводили одного и месили его дубинками на глазах у остальных. Другие охранники в это время держали нас на прицеле. После нескольких экзекуций я понял: будет взрыв. Парни бросятся на охрану, и их перестреляют. Возможно, этого и добивались. Империя загнала себя в угол и теперь не знала, как из него выбраться. Гибель русских во время бунта могла стать подходящим выходом.

Как ремонтник я имел доступ к Сети Рудника. Под контролем, конечно. Но контролер должен знать дело не хуже ремонтника. С кадрами в Руднике было плохо. Радиоактивный фон и невысокая зарплата – плохие стимулы для хороших специалистов. Системного администратора в Руднике не было. Поэтому когда однажды Сеть Рудника грохнулась – совершенно случайно, как понимаете, вызвали меня. В пультовой я пробежался по клавиатуре и заявил, что нужно посмотреть сервер. Меня отвели к шкафу. Двое тюремщиков наблюдали, как я копаюсь. Скоро им надоело. Они отвернулись и стали болтать. Инвалида на протезах они не опасались. Что он может против двух здоровяков с пистолетами и дубинками на поясах? Они не служили в Африке...

Вырубив и сковав наручниками тюремщиков, я заглянул в пультовую и проделал то же со скучавшим оператором. Затем подключился к Сети и заблокировал отсеки с охраной и руководством тюрьмы. Их отделяли от остальных помещений стальные перегородки – мера против бунта. Еще в Руднике имелась защита от внешнего нападения: бронированные рольшторы на окнах, блокировка дверей и ворот. Все управлялось с компа и, естественно, было задействовано. В Руднике существовала защита от несанкционированного проникновения в Сеть: всякие там сканеры и распознаватели. Но такие системы делают интеллигентные люди в расчете на интеллигентных преступников. То, что можно войти в систему, просто захватив пультовую, им в голову не пришло. Кто же впустит туда хакера?

Заблокировав тюремщиков, я включил громкую связь и сообщил им о захвате. Предупредил: или они сидят тихо, или я пускаю газ из противопожарной системы. Тот вытесняет из воздуха кислород,

дальнейшее – понятно. Подтверждая свои слова, я это продемонстрировал. Хлынувшая в комнаты углекислота вызвала у тюремщиков панику. Героев не нашлось.

Пока тюремщики калякали о делах скорбных, я вышел в Сеть и сообщил миру о захвате. Объяснил причину. В подтверждение выложил ролики, на которых охранники избивали моих парней. Найти записи труда не составило – видеокамеры в Руднике были натканы повсеместно.

Я ждал, что штурмовая группа прибудет через час или два. Однако они медлили – видимо, не могли поверить. Один человек захватил хорошо охраняемую тюрьму? Быть такого не может! Они пытались связаться с руководством Рудника, но безуспешно. Все виды связи с тюремщиками я отрубил первым делом. Так что я любовался скандалом в Сети и даже дал онлайн-конференцию. В ходе ее сказал все, что думал о нашем приговоре и о тех, кто его организовал. В выражениях не стеснялся. Ругался по-русски, но доброхоты переводили. Каждое мое высказывание получало море комментариев. В основном меня поддерживали. В разгар этого праздника позвонили из посольства России. Спросили, есть ли жертвы? Я заверил, что нет. Меня попросили избегать их и в будущем, я пообещал. Меня уведомили, что защитят от расправы. Этому я не поверил, но, видимо, кто-то кому-то все же позвонил.

Когда прибыла кавалерия, я подключил наружные камеры напрямую к Сети. Объявил, что сейчас будет прямой репортаж о расстреле узника. Затем покинул пультовую и вышел за ворота. Увидев направленные на меня стволы, поднял руки. Стрелять они, однако, не стали. Даже не били...

Следствие не затянулось. Обвиняемый был один, показания давал без принуждения. К тому же они спешили. Империя влезла в дерьмо и пыталась очиститься. Издевательства над заключенными вызвали международный скандал. Россия отозвала из империи своего посла и выслала из страны имперского. Объявила о заморозке ряда направлений сотрудничества. Это рассказал мне адвокат. Судили меня на месте преступления – в Руднике. Здесь же привели в исполнение приговор. В империи смертную казнь заменяет высылка в Запасной мир...

Глава 7

...Шлепки по воде вырвали меня из прошлого. Я прислушался. Ко мне кто-то плыл – звук явно приближался. Вскочив, я подбежал к калитке и приоткрыл ее. Засов и петли не скрипнули: днем я их хорошо смазал. Ночное зрение высветило на речной глади продолговатый предмет. Лодка, в ней два человека, правят к мосткам. Оба в плащах. Один на веслах, второй за рулем. Вот, значит, как...

Я подождал, пока они причалят. Видеть меня они не могли. Темно, а имплантов с ночным зрением у них нет. В последний миг гребец убрал весла, и лодка громко стукнулась скулой в доски мостков.

– Тише! – прошипел голос, и я узнал его. Сам мастер Иззи! Надо же! Такая честь!

Гребец выбрался на мостки. На нем был плащ с капюшоном, не позволявший разглядеть лицо, но по движениям я догадался: немой. Значит, работают вдвоем. Ожидалось. Чем меньше посвященных, тем легче сохранить тайну.

– Как сделаешь, неси его сюда! – прошипел толстяк. – Зверька не трогай: его трудно поймать. Он не расскажет.

Толстяк задавленно хохотнул. Немой что-то промышчал и направился к калитке. Я прикрыл ее и, скользнув в сторону, прижался к забору. Попробовал, легко ли выходит из ножен кинжал. Нервы, блин...

Немой не стал ломиться в калитку, а перемахнул через забор. Мягко спрыгнув во двор, он сбросил капюшон с головы и огляделся. Я вжался спиной в плахи. Видеть меня он не мог – слишком темно. Но мне показалось, что взгляд его, скользя по забору, на мгновение замер на мне. Заметил или нет? В следующий миг я едва не выругался: лицо немого было зачернено. Да что ж это? Откуда в Средневековье эти ухватки?

Немой плавно, но быстро потек к мастерской. Черт, как двигается! Где его учили? Подойдя к двери дома, он приник к ней ухом, затем вытащил нож и стал ковырять им засов. Пора!

Стараясь не шуметь, я перетек к дому и встал за спиной немого. Тот копался в засове и, кажется, ничего не видел и не слышал. Я сжал в руке рукоять кинжала. В этот миг он стремительно развернулся.

Он разглядел меня, этот странный слуга. Непонятно, как, однако, сумел. Но если вначале его недооценил я, то теперь точно такую же ошибку совершил он. В его представлении я был оружейником, пусть даже хитрым,

но не бойцом. О том, что у оружейника есть ночное зрение и он обучен ножевому бою, немой не знал. Демонстративно копаясь у двери, он ждал, пока жертва приблизится, чтобы покончить с ней одним ударом. Счас! Я не медник Пепин.

Удар был направлен мне в грудь. Но я ждал этого и отшатнулся. Клинок рассек воздух в ладони от тела. Удар провалился в пустоту. Немой покачнулся, теряя равновесие. На то, чтобы вернуть его, понадобилось мгновение. Вполне достаточно, чтоб я шагнул и всадил ему в подмышку клинок. Тяжелое кованое лезвие разрезало ребро и прошло дальше, разваливая легкое. Рукоять уперлась, и я ощутил, как дрогнула она, когда клинок попал в сердце. Вот и все. Он завалился на меня, я подхватил уже мертвое тело, после чего сбросил на землю. Выдохнув, сел рядом. Ножевой бой короток, но сил забирает вагон...

Отдышавшись, я вытащил из тела кинжал, обтер клинок о куртку немого и сунул в ножны. Затем быстро обыскал покойника. Кроме ножа, у него оказался пистолет. Я, не разглядывая, сунул его за пояс. Нож заинтересовал меня больше. Тяжелое лезвие с полуторной заточкой, отменный баланс и удобная рукоять из кости. Очень приметная, к слову... Подумав, я снял с немого ножны и прикрепил трофей на поясе. Затем вытряхнул покойника из плаща и надел его сам, вздернув на голову капюшон. Затем взвалил труп на плечо и направился к калитке.

– Готов? – спросил толстяк, когда я выбрался на мостки.

Я нечленораздельно промычал.

– Что-то у тебя с голосом! – хмыкнул Иззи. – В первый раз, что ли? Ладно, вали его в лодку и берись за весла.

Я так и поступил. Притворяясь немым, я рассчитывал всего лишь подобраться к толстяку: у того мог оказаться пистолет. И он таки у него был: разглядел, когда подошел ближе. Но Иззи принял меня за слугу: ночь темна, а капюшон скрывает мое лицо. Что ж, так даже интереснее...

Я энергично греб, толстяк правил, скоро мы оказались на середине реки.

– Здесь! – скомандовал Иззи. – Давай его в реку.

Я бросил весла и стал переваливать тело за борт.

– Стой! – возмутился толстяк. – А живот? Забыл? Он же всплывет! Что с тобой, Ши?

Я покаянно мыкнул, выхватил нож и распорол покойному живот. К запаху речной сырости примешался дух нечистот.

– Мог сделать это над водой! – поморщился Иззи. – Теперь придется лодку мыть. Вот и займешься! К утру чтоб сияла!

Я гмыкнул и перекинул покойника в реку. Труп с тихим плеском ушел под воду.

– Пусть кормит рыб! – хмыкнул толстяк. – А то нашелся умник... Гребни!

Я ополоснул клинок в воде, сунул его в ножны и взялся за весла. Куда плыть, я не знал, но за рулем сидел Иззи. Мы спускались вниз по течению, река несла лодку, и скоро она причалила к мосткам. В последний миг я разглядел их и убрал весла.

– Привяжи! – скомандовал толстяк и полез на мостки.

Я нашел в лодке веревку и закрепил ее на ближайшей свае. Тем временем Иззи шагал прочь. Выскочив на мостки, я догнал его и пристроился за спиной. Он не отреагировал, из чего я сделал вывод, что такой способ передвижения у толстяка и его слуги был обычным. По тропинке мы поднялись на берег (толстяк запыхался) и подошли к воротам. Они оказались высокими и глухими. Железные полосы скрепляли толстые доски. Иззи снял с пояса связку ключей и загремел ими.

– Поглоти меня преисподняя! – выругался он. – Надо было взять фонарь. Теперь попробуй, найди ключ!

Побурчав немного, он все же справился, и замок мягко щелкнул. Створка поползла в сторону. Толстяк протиснулся внутрь, я – следом, после чего прикрыл ворота на засов. Иззи одобрительно кивнул и зашагал к дому. Под подошвами наших сапог скрипел песок. Пока мы шли, я осмотрелся. Довольно просторный и ухоженный двор. Перед домом разбиты клумбы. Значит, есть тот, кто за ними ухаживает. Вряд ли этим занимается толстяк или его немой слуга. В смысле – занимался. В отдалении виднелись конюшня и сарай. Значит, есть конюх, наверняка – горничная и кухарка. Где они сейчас? В доме? Вряд ли. Непохоже, чтоб толстяк не подумал о свидетелях. Наверняка отпустил слуг. Зачем им знать лишнее?

Тем временем мы подошли к дому, и Иззи завозился с ключами. Я оказался прав. Будь в доме люди, он постучал бы, как, впрочем, и в ворота.

Толстяк отпер дверь и шагнул внутрь. Я последовал за ним. Иззи встал и закрутил головой.

– Принеси свечи! – бросил через плечо. – Ничего не вижу. Заодно зайди на кухню и собери поесть. У меня после таких поездок зверский аппетит.

Он хохотнул. Я понял: пора. Где взять фонарь, я не знаю, расположение комнат – тоже. Спалюсь мигом. Пора открывать карты. Я сунул руку в карман куртки, достал «светляк» и сжал его между ладонями.

– Что стоишь! – возмутился Иззи.

– Сию минуту, мастер!

Я подбросил «светляк» и стащил с головы капюшон. Яркий свет залил прихожую. Толстяк заморгал глазами. Воспользовавшись этим замешательством, я шагнул ближе и вытащил из-за его пояса пистолет. Оружие выглядело непривычно, но я не стал его рассматривать – потом. Сунув пистолет за пояс, я отступил и скрестил руки на груди. Получилось театрально, но сейчас это было к месту. Иззи тем временем проморгался.

– Мастер Айвен?!

Несмотря на зачерненное лицо, он узнал меня. В глазах толстяка плескался ужас.

– К вашим услугам! – поклонился я. Играть так играть.

– Где Ши? – нервно спросил он.

– Кормит рыб. Сами приказали.

Я состроил рожу. Иззи побледнел. Он боялся меня, этот жирный боров, но все-таки держал себя в руках.

– Чего вы хотите? Денег?

– Бумаги! Все, что у вас есть. Заемные письма, закладные, векселя, учетные книги...

План я разработал, махая веслами. Убивать Иззи мне не хотелось. Он падаль, конечно, но резать его... Свяжу, заберу документы и отнесу их Оливеру. Думаю, там много интересного. Съёрд в Иорвике – верховный судья, вот пусть и разбирается.

– Идемте! – неожиданно легко согласился толстяк.

Я насторожился. С чего он такой покладистый? За двадцать силли глотку рвал, человека приказал убить, а тут как школьник перед учителем. Ладно, разберемся... Я кивнул, подхватил «светляк» и двинулся за толстяком. Мы вошли в комнату – то ли гостиную, то ли кабинет. Стол с четырьмя стульями посреди, на полу – ковер, у окна – бюро, в углу – сундук. Последний окован стальными полосами. Тяжелый. Знаю, у самого такой, купил после визита сестры. В картонных коробках хранить подарки было нельзя. Салли непременно залезет – она же девочка. Да и Нэнси страсть как любопытна...

Толстяк прошел к бюро и загремел ключами. Я подбросил «светляк» и встал за его спиной. Он покосился, но промолчал. Открыл ящик и вытянул его. Сунул руку...

Блин! Характерный щелчок привел в действие рефлекс. Рукоять ножа сама прыгнула в руку. Клинок сверкнул и ударил Иззи под лопатку, войдя в тело по рукоять. Толстяк захрипел и сполз на ковер, завалившись на спину. Поросячьи глаза застыли, челюсть медленно двинулась вниз. Готов.

Некоторое время я ошеломленно смотрел на труп. Я идиот! Мог бы догадаться, что у него там пистолет. Следовало забрать ключи и открывать самому. Что теперь?

Пистолет валялся рядом с покойником. Я склонился и подобрал его. Святые угодники! «Дерринджер», казнозарядный! Откуда он здесь? Придерживая спицу курка, я снял пистолет с боевого взвода, повернул запирающий рычаг и откинул ствол вверх. Экстрактор послушно подал патрон из ствола. Я вытащил его и разглядел. Медная цилиндрическая гильза, штампованная, но явно местной работы. Лака нет, на боках – задиры, заглаженные напильником. Металл толстый, доньшко массивное, с закраиной. Заряд, как в охотничьем патроне, прикрыт пыжом. Я вытащил нож и подковырнул его. Показалась пуля – тупоконечная, но явно цилиндрическая. Я вернул пыж на место и спрятал нож. Заглянул в ствол. Нарезы! Грубые, но пулю раскрутить хватит.

Я положил «Дерринджер» на стол и достал пистолет толстяка. Опять «Дерринджер», только больше по размеру, двухзарядный и с вертикальным расположением стволов. То-то он показался мне странным. Откинув стволы, я извлек патроны. Те же яйца и даже вид спереди. Калибр совпадает – где-то четыре линии^[2]. Присоединив второй трофей к первому, я вытащил из-за спины пистолет немного. Аналогично. Единственное отличие: у этого стволы подлиннее, а деревянные щечки на рукояти грубые. Оружие солдата. Но те же нарезы, патрон и капсюль, впрессованный в доньшко.

В Запасном мире что-то было не так. Общество здесь глубоко средневековое, а вот оружие из последующих эпох. В земной истории кремневые замки вошли в обиход позже, а патрон с капсюлем – вообще в девятнадцатом столетии. Кто здесь и зачем подталкивает прогресс? Или у меня паранойя?

Я не стал думать над этим – некогда. Обстановка не располагала. Рассовав пистолеты, какой куда, я принялся потрошить бюро. Бумаг в нем не оказалось, если не считать стопки чистых листов. Ее я вытащил и положил на стол – пригодятся. Зато в ящиках обнаружили порох, пули, мешочки с гильзами и капсюлями, а также снаряженные патроны. Все это я выгреб и свалил на стол.

Бумаги нашлись в сундуке. Их было много, разных. Аккуратно сложенные стопкой и свернутые в трубочки. Была и книга – толстая, в кожаном переплете. Я полистал страницы: бухгалтерский учет. Кому заняли, сколько, размер возвращенного долга, доход... Позже разберемся. Я выложил бумаги на ковер и занялся кожаными мешочками. Их в сундуке

нашлось много: больших и маленьких, рассортированных по размеру и весу. Я заглянул в некоторые. Золото, серебро, медь. Касса...

Стащив со стола скатерть, я побросал в нее мешочки и связал узел. Кошелек с пояса толстяка сунул в карман. Перед этим в него заглянул: на первое время хватит. Боеприпасы и бумаги я увязал в кусок ткани, выкроенный из плаща толстяка. Вскинул узлы на плечи. Тяжело, однако! Ладно, своя ноша не тянет, а мне пора. Сбросив узлы на стол, я поймал «светляк» и загасил его. Постоял, пока глаза не свыклись с темнотой. После чего, подобрав ношу, двинулся к выходу.

Двери закрывать я не стал – незачем. Утром прислуга найдет труп и позовет стражу. Какой будет версия? Толстяк убит ножом слуги. Вскрыт сундук, пропали деньги и документы. Что подумают? Правильно! Мастера Иззи зарезал немой, после чего, забрав ценности, сбежал. Логичный и всем понятный мотив. В Запасном мире следствием не заморачиваются. Немого станут искать, но не найдут. Река тайн не выдает.

Плыть домой пришлось против течения. Но руки у меня сильные, выгреб. Причалив к мосткам, я отнес в дом узел с бумагами. Мирка встретила меня стрекотом. Взлетев на плечо, попыталась лизнуть, но, ощутив вкус сажи, чихнула и заругалась. Я погладил ее, снял с плеча и пустил гулять. После чего, скинув узел на лавку, прихватил топор и вернулся к реке. Отогнав лодку к недалекой заводи, промерил глубину веслом и опустил в воду узел с монетами. Он ухнул на дно, всколыхнув водоросли. Те поколебались и снова вытянулись на поверхности. Теперь, чтобы найти клад, надо очень постараться. Я вернулся к мосткам, достал весла из уключин и одно за другим зашвырнул к середине реки. Затем топором проломил днище лодки. Снизу забил ключ. Бросив топор на мостки, я подвел лодку к их краю, выбрался, и уперся в корму ногами. От толчка лодка пролетела с пяток метров, затем замедлилась, но все же выбралась на стрежень. Течение подхватило ее и унесло. Вот и ладно. Теперь, если и найдут, то ничего не докажут.

Подобрав топор, я вернулся в дом, где, заперев дверь, подвесил «светляк». Боеприпасы с «Дерринджерами» я сгрузил в сундук, запер его и занялся бумагами. Просмотр не затянулся: ничего интересного. Расписки, заемные письма, купчие... Я свалил их в горн и поджег. Затем взял книгу, присел рядом и, выдирая листы, стал бросать в огонь, предварительно их просматривая. Тросканцы учитывали каждый пенни. Если верить записям, они вытянули из провинции за пять лет почти десять тысяч крон. Огромные деньги! Чернорабочий здесь получает пять силли в месяц, ремесленник – до десяти, столько же отпускают солдату. Сюда входит

питание, обмундирование и жалование. За тысячу крон можно купить поместье, причем приличное, дающее право на титул. Вот ведь пиявки! Правильно сделал, что убил.

Как явствовало из бумаг, выручку отделение в Иорвике отправляло в столицу. Я успел до инкассации. Согласно книге на дне сейчас лежали свыше тысячи крон в золоте, серебре и меди. Плюс оборотный капитал. Блин! Когда утихнет шум, присмотрю себе поместье. Заживем! Балы, красавицы, лакеи, юнкера, и вальсы Шуберта, и хруст французской булки... Я хмыкнул. Шуберта здесь нет, и французских булок – тоже, но это пустяк. Заберу Иллин с детьми, сделаю ее домоправительницей, детям подберем учителей. Да я сам их буду учить, чтобы не скучать. Железяки пусть идут в пень! Они мне в Руднике надоели, и вообще я ленивый. Буду сидеть в кресле и глядеть, как пейзажи жнут ниву. Или ниву пахнут? Без разницы. Смотреть, как другие работают, – удовольствие. Тем временем пересмотрят приговор, и я вернусь в Россию. На прощание подарю поместье Иллин. Сделаю Тибби черром...

Я зевнул и бросил обложку в огонь. Она задымила, запахло горелой кожей. Я добавил углей, достал кошелек Иззи и высыпал из него монеты. Пустой кошелек отправился в огонь. Пока все догорало, я стащил рубаху и умылся в бочке. Рубаху швырнул в угол – Салли постирает. Размешав в горне пепел, загасил «светляк». Спать хочется.

* * *

Разбудил меня Тибби. Он молотил в дверь так, что я чуть не спрыгнул культиями прямо на пол. В последний миг спохватился, натянул штаны и прикрепил протезы с сапогами. Рубашку надевать не стал – жарко.

– Мастер Айвен! – зачастил мальчик, едва я открыл дверь. – Скоро полдень, а вы не открываете. Салли приходила и ушла. Мы тревожились.

– С чего? – зевнул я. – Дверь закрыта, значит, я в доме. Ночью дежурил, поэтому днем сплю. Зачем будить?

– Простите, мастер! – смутился мальчик. – Я подумал... Вы же ничего не знаете! Убили главного тросканца!

– Да ну? – изобразил я удивление. – Кто?

– Немой слуга. Забрал деньги, бумаги и уплыл. Лодку нашли в миле от Иорвика. Он проломил ей дно, но лодку, полузатопленную, прибило к берегу.

«Быстро они!» – подумал я.

– За немым выслали погоню. Но многие сомневаются, что поймают. Почему он так сделал, мастер?

– Наверное, из-за денег.

– А бумаги зачем?

– Из-за гадючества – хотел отомстить. Наверное, его обидели. Думаю, бумаг уже нет. Он их или сжег, или в реку выбросил.

– В городе тоже так говорят. Грех, конечно, но люди радуются: тросканцам многие задолжали. Мастер Зак закрыл лавку и отпустил меня домой – покупателей нет. Все празднуют.

– Это правильно! – согласился я.

Тибби внезапно умолк и уставился на мою грудь.

– Мастер...

– Пулевые раны, – сказал я с досадой. – Давно зажили. Ничего страшного.

– Я не знал, что вы воевали.

– Пришлось. Вот что, – я полез в карман и достал кошелек, – если у всех праздник, то и нам не грех. Купи продуктов и приходи с мамой и девочками. Не забудь про сладости. Будем веселиться.

Тибби зажал монеты в кулак и убежал. Я вернулся в дом, где умылся и оделся. После чего выгреб из горна золу и выбросил в реку. Девочки у Иллинн глазастые, заметят, что жег бумаги.

Праздник кипел, когда в ворота заколотили. Тибби вскочил, но я знаком велел ему сидеть. Если это стража, лучше самому. Не стоит пугать детей. Но это был Лэнс. Он держал на поводу оседланных коней.

– Опять съёрд? – вздохнул я.

– Нет, мастер! – покрутил он головой. – Черра...

– Что с ней?

– Жар, лихорадка. Не встает.

«Что ж вы такие квелые? – огорчился я. – Испортили праздник!»

– Мэгги просит поторопиться, – добавил Лэнс, заметив выражение моего лица. – Черре худо.

«Сам за нее не просишь, – подумал я. – Ну да. Чего горевать о злючке?»

– Я скоро!

Сообщив гостям новость, я поручил им Мирку и забежал в дом, где захватил медицинскую сумку. Есть у меня такая: Тибби сшил. На клапане, как положено, красный крест. Аппликацию делала Салли, а после спрашивала, что она означает...

К дому Оливера мы доскакали вмиг. Лэнс увел коней, а выбежавшая

Мэгги повела меня в дом. Я удивился, что этим занимается кухарка, но забивать голову не стал. Не наше дело.

Покои Бетти размещались неподалеку от отцовских. Меня там ждали. На столике у кровати стоял тазик с водой, лежало полотенце и присутствовал подсвечник. Пока я мыл руки, Мэгги зажгла свечи. Как только я закончил, она взяла подсвечник и направилась к кровати. Толковая у Лэнса жена.

Бетти выглядела неважно. Красные пятна на щеках, мутный взгляд и обметанные губы. Я положил ей ладонь на лоб. Она вздрогнула. Когда у человека жар, прикосновение прохладной руки болезненно. Так... Температура под сорок. Точнее не определишь, градусника у меня нет. Имплант такой функцией не обладает. Я склонился над больной.

– Покажите язык!

Она высунула его на всю длину. Обложен. Я сделал знак Мэгги приблизиться.

– Теперь откройте рот и скажите «А-а!».

– А-а...

Горло красное, но налета нет. Ангина? Похоже, но лучше проверить.

– Снимите с нее рубашку!

Мэгги метнула в меня возмущенный взгляд.

– Делай! – приказала Элизабет.

Голос у нее был слабым, но твердым. Правильно. Не хватало, чтоб кухарки указывали доктору, епть!

Мэгги поставила подсвечник и оттерла меня в сторону. Рубашку она снимала, загородив хозяйку спиной. Я усмехнулся. Чего я там не видел? Мэгги закончила и отступила. Бетти сидела, опираясь на подушку, укрытая одеялом до пупка. Выглядела она смущенно. Ну да, здесь носят платье под горлышко и подолы до земли. Оголиться перед чужим мужчиной – срам. Но я врач. Типа... Я разглядел девичью грудь капельками и мелкие конопушки на плечах. Ребенок...

Шагнув ближе, я приложил ухо к груди девушки. Стетоскопа у меня нет – не оказалось в коробках. Да и зачем он? Самому себя слушать?

– Дышите, черра!

Она подчинилась. Так, хрипов нет.

– Повернитесь ко мне спиной!

И на спине у нее конопушки. Забавно.

– Дышите! Все. Можно одеваться.

Пока Мэгги хлопотала, я достал пузырек – специально пересыпал в него пилюли из блистеров – и вытряхнул на ладонь парочку.

– Держите!

Мэгги подставила руку.

– Одну принять сейчас, запив водой. Вторую – завтра утром. В остальном – обильное питье и покой. К вечеру больной станет лучше, но пусть лежит. Завтра можно вставать. Пилюли выпить обязательно. Все.

Я поклонился и, сунув пузырек в сумку, вышел. В коридоре меня перехватил Лэнс.

– Съёрд просил зайти.

Я вздохнул и отправился с ним. Оливер встретил меня в постели. Он лежал и, облокотившись на подушку, что-то черкал в толстой книге. Увидев нас, отложил ее в сторону.

– Как Бетти? – спросил с ходу.

– Поправится. Я дал ей лекарство. У нее простуда, вызванная воспалением горла. Даже странно: в жару...

– Выпила ледяной воды, – вздохнул съёрд. – Предупреждал я Мэгги. Не смогла отказать. Теперь пусть ухаживает!

«Вот оно что!» – подумал я.

– Поскольку я здесь, то следует осмотреть и вас, съёрд!

Оливер кивнул. Лэнс стащил с него рубашку. Я размотал повязку. Неплохо. Края раны срослись, сама она не воспалена. На повязке крохотное пятнышко сукровицы. Пожалуй, можно снимать швы. Когда я их накладывал? Неделя прошла. Быстро летит время.

Достав мультитул, я ножничками перерезал нитки. После чего выдернул их щипчиками. Съёрд даже не поморщился – умеет терпеть.

– Интересный у вас инструмент! – сказал он, глянув на мультитул.

Я невольно отметил это «вас». В языке Алитании разница в обращении есть. «Вы» говорят дворянам, а те обращаются к простолюдинам на «ты». Это что, меня заужали?

– В моей стране таких инструментов много.

Я сунул Оливеру мультитул и полез в сумку. Пока он разглядывал, достал пластырь и прилепил его подушечкой на рану.

– Повязка более не нужна. Пластырь можно снять через пару дней.

– Благодарю вас, мастер!

Он вернул мне мультитул и вытащил из-под подушки кошелек. Я заложил руки за спину.

– Не нужно!

– Почему? – удивился он.

– Не за что.

– В первый раз вижу доктора, который отказывается от платы! –

хмыкнул Оливер.

– Я не доктор. Так, немножко лечу.

– Вы странный человек, мастер, – сказал он, пряча кошелек. – Присядьте!

Повинуясь знаку съёрда, Лэнс подтащил стул, после чего вышел. Я опустил на сиденье.

– Вы дважды спасли мне жизнь, – продолжил Оливер. – В первый раз – на дороге, во второй – сделав операцию. То же и с Бетти. Почему вы не хотите взять деньги?

– Не нуждаюсь, черр!

Он поднял бровь. Я прикусил язык. Черт! Проговорился. Откуда у оружейника, который недавно в городе, много денег?

– Я исполнил большой заказ, черр. Мне причитается солидное вознаграждение. Но я буду благодарен вам, съёрд, если посодействуете в другом.

– В чем? – заинтересовался Оливер.

– Я живу в чужом доме. Меня поселил в нем мастер Зак. Дом принадлежит мастеру Клаусу, вернее, принадлежал. Говорят, что Клаус уехал в Глен, но я сомневаюсь, что это так. Есть основания полагать, что он погиб. В последний раз мастера видели на пути к месту высадки мятежников. Думаю, он попал им в руки и был убит. Если человек мертв, суд берет под опеку его имущество. До появления наследников судья вправе распорядиться наследством. Например, сдать в аренду, назначив соответствующую плату.

– Хм! – сказал Оливер. – Вы хорошо формулируете. Учились праву?

– Немного.

Он усмехнулся.

– Откуда знаете указ о наследстве?

– От мастера Клауса остались книги.

– И вы их прочли? Похвально. Мне доложили: у вас был спор с тросканцами. Расскажите!

Я подчинился.

– Блестяще! – заключил Оливер, когда я умолк. – Особенно фраза: «Вы утверждаете, что подпись вдовы значит больше, чем подпись короля?» После таких слов остается сдаться на милость победителя. Вы необычный человек, Айвен. С крошечным ножиком бросаетесь на четырех солдат и одерживаете верх. Делаете операции, каких не знают наши врачи. Боу говорил, что не видел подобных, и я ему верю. Наконец, вы побеждаете в споре прожженного ростовщика. Сколько вам лет, Айвен?

– Много, черр. В два раза больше, чем вашей дочери.
– Тридцать восемь?
– Черре – девятнадцать? – удивился я.
– Зимой исполнилось, – кивнул он. – Понимаю ваше удивление. Бетти маленькая и худенькая – вся в мать. – Взор его на миг затуманился. – Но она совершеннолетняя.

Никогда бы не подумал! Впрочем, они тут все мелкие. Взять Тибби...
– Думаю, вы лукавите, – сказал Оливер. – Вам нет и тридцати. Подведем итог. Умелый воин, оружейник, доктор, законник – и все это один человек. В вашей стране много таких людей, Айвен?

– Нет, черр!
– Слава Спасителю! – улыбнулся он. – Не то я бы испугался. Мне за пятьдесят, но я не знаю половины из того, что вы умеете. Я выполню вашу просьбу, Айвен. Сколько вы намерены жить в городе?

– Месяц-другой.
– А потом?
– Уеду.
– Почему?
– Здесь мало заказов.
– Там, где их много, хватает мастеров.
– Я делаю то, чего они не умеют.
– Возможно, – улыбнулся Оливер. – Но я хотел бы посмотреть. Покажете?

– Как пожелаете! – заверил я.
– После того как поправлюсь! – кивнул он. – А сейчас оставьте меня, мастер. Слабость...

Слабым съёрд, откровенно говоря, не выглядел, но я не стал спорить – поклонился и вышел. Лэнс встретил меня в коридоре. В этот раз лошади нас ждали. Дорогой я размышлял над словами Оливера. Чего ему нужно? Что-то подозревает? Пусть. Лишь бы с мастерской помог. Зак меня выкинет – можно не сомневаться. Отдельный дом в Йорвике снять трудно – я узнавал. Снимать комнату и жить в тесноте – засветить протезы. Они из углепластика. Такого материала здесь нет и появится не скоро. Протезы сочтут творением дьявола. На костер не пошлют – здесь это не принято, но засадить в подвал могут запросто. Нам это надо?

Глава 8

Через день после разговора с Оливером в мастерскую заглянул уже знакомый мне судебный пристав.

– Я насчет мастерской, – начал смущенно. – Съёрд распорядился...

– Имущество описать? – догадался я.

– С целью сохранения оногo и последующей передачи законным наследникам, – подтвердил пристав, подняв к небу палец.

– Дело ответственное! – согласился я. – Негоже приступать, не отобедав. Я как раз собрался. Не присоединитесь?

– С удовольствием! – оживился пристав.

Мы прошли в дом, где отдали должное стряпне Салли и некоему напитку, который Лэнс окрестил «Слезой Спасителя». «Слеза» привела пристава в такой восторг, что он перепоручил составление описи временному владельцу, то бишь мне. Сам пристав после застолья был в состоянии написать лишь одно слово, да и то – на заборе. Я честно внес в список здания и сооружения, станки, верстак, мебель и даже матрас с подушкой. О книгах, инструменте и материалах скромно умолчал. Угрызения совести меня не мучили. Не поговори я с Оливером, родственники Клауса, буде такие объявятся, не получили бы совсем ничего. Зак бы постарался.

– Завтра принесу договор об аренде, – заплетающимся языком сообщил пристав, забирая опись. – У вас найдется еще бутылочка этого замечательного напитка?

– Не сомневайтесь! – заверил я, и мы расстались, довольные друг другом.

Назавтра я подписал договор и с чистой совестью отвез Заку исправленные пистолеты – всю партию. Проверив парочку и выслушав ценный совет насчет пороха, он предложил мне выплатить мою долю сразу, исходя из цены в крону за штуку. Я согласился при условии, что он купит и пистолеты гленских солдат, которыми я обзавелся после схватки на дороге. Мы ударили по рукам. Свои кроны и силли я получил немедленно – деньги у старого скупердяя, как я и предполагал, водились. После чего Зак заикнулся об освобождении мастерской. В ответ я продемонстрировал ему арендный договор.

– Тибби! – заорал лавочник.

Мальчишка вбежал в лавку.

– Ты рассказал Айвену о Клаусе? Не вздумай врать: больше некому. Вон из лавки! Чтоб ноги твоей здесь больше не было!

Глаза Тибби налились влагой.

– Выгоняете? – спросил я, кладя мальчику руку на плечо.

– Именно! – подтвердил Зак. – И жалованье за последний месяц не заплачу. Мне не нужны болтуны.

– Сколько тебе причитается? – спросил я Тибби.

– Два силли, – полным слез голосом ответил мальчик.

– Держи! – я протянул ему монеты. – Пойдешь ко мне? Жалованье положу в два раза больше.

Тибби схватил деньги и закивал. Оставив пораженного Зака, мы вышли на улицу.

– Что я буду делать? – шмыгнул носом мальчик. – Пистолеты вы сдали, а более заказов нет.

– Ошибаешься! – хмыкнул я. – Работы невпроворот. Умеешь рисовать?

Тибби покраснел.

– Откуда вы знаете?

Оттуда. Как-то я увидел: Тибби угольком набрасывает на столешнице мордочку Мирки. Заметив мой взгляд, он смутился и мигом стер нарисованное рукавом. И тут же получил от Иллини подзатыльник – за испачканную рубаху.

– Нам нужны бумага, кисти, краски, – сказал я. – В Иорвике это есть?

– Я знаю, где! – загорелся мальчик.

Принадлежности для рисования нашлись в мелочной лавке. К моему удивлению, в Иорвике ими торговали. Видимо, не слишком успешно: узнав о цели нашего прихода, хозяин прямо расцвел. Мы накупили сотню листов бумаги, акварельных красок (других не было), кисточек и даже карандашей – свинцовых и графитовых. Последние представляли собой толстый стержень, обклеенный ленточкой, не позволявшей пачкать пальцы. Стоили карандаши недешево, но скупиться я не стал. Тибби сложил покупки в корзину и благоговейно прижал ее к груди.

В мастерской я велел мальчику для пробы нарисовать портрет Мирки. Горностайка, как всякая женщина, позировать согласилась. Пока Тибби корпел, она сидела на моем плече, с любопытством посматривая на художника. Наконец Тибби сказал: «Вот!» и повернул к нам лист. Я едва сдержал восклицание. С бумаги, как живая, смотрела Мирка. На мордочке читалось лукавство, горностайка скалилась и, казалось, готова была застрекотать. Рука Тибби точно схватила характер плутовки. У мальчика имелся несомненный талант.

Мирка, спрыгнув на стол, подошла к портрету и восторженно чирикнула. Тибби смутился.

– Ей нравится, – пояснил я. – Кто учил тебя рисовать?

– Отец. Он тачал сапоги, шил портупей, пояса и кожаные колеты. Бывало, заказчики не могли объяснить, какой им нужен узор, тогда отец рисовал. И меня этому учил. Говорил, помогает в ремесле.

– Тебе нужно писать портреты, Тибби!

В ответ он вздохнул. Кто станет учить живописи сына сапожника?

– Ладно, – сказал я. – Мы к этому еще вернемся. А сейчас – за дело!

В сарае моих компаньонов в больших бочках пыхтела брага, сварганенная по земным рецептам. Со дня на день она грозила поспеть, а аппарата у нас не было. Я обещал Мэгги, что сделаю его сам, но, поразмыслив, понял, что не потяну. Обратиться к медникам? Те обязательно спросят, для чего агрегат, и тогда прости-прощай секрет качественной перегонки. Следовало заказать детали разным кузнецам, но для этого требовались чертежи. Не на пальцах же объяснять? На Земле чертежи делали комы, но в Запасном мире их не было. Сам я рисовал, будто курица лапой.

Тибби справился к обеду, причем большая часть времени ушла на мои объяснения. Результат порадовал. Паровая кастрюля, емкость для браги, охладитель, изображенные в разных проекциях, выглядели понятными даже младенцу. Тибби еще и раскрасил детали, придав им нарядный вид. Осталось только проставить размеры.

– Для чего это, мастер? – спросил Тибби.

Я прижал палец к губам. Подумав, что я шучу, мальчик рассмеялся.

Взяв рисунки, мы отправились к медникам. Каждый из них, рассмотрев свой чертеж, заверял, что справится. Лишних вопросов не задавали. В Иорвике ценили заказчиков – особенно тех, кто не торгуется. По возвращении к себе я занялся трофеями. Достал «Дерринджеры», разобрал и внимательно рассмотрел пистолеты. Сама конструкция не отличалась от земной, но изготавливали пистолеты в Запасном мире: ряд деталей несли следы ручнойковки. Полировки в каналах ствола не было, зато имелись мушки и прицелы. Строго говоря, двуствольные «Дерринджеры» таковыми не являлись, поскольку не вписывались в параметры карманного оружия. Стволы длиной в четыре и шесть дюймов^[3], рукоять нормального размера, но конструкция замка у них шла один в один с маленьким. И стреляли пистолеты точно. Из больших я уложил все пули в лист лопуха на расстоянии двадцати шагов. Маленький подкачал: дернулся в руке. Рукоять была мала для моей лапы, да и оружие

предназначалось скорее для стрельбы в упор.

Я снял деревянные части, после чего разобрал и протравил детали оружия в кислоте. Кроме пружин, конечно. Пистолеты следовало сделать неузнаваемыми. В запасах Клауса нашлись соли серебра и винный камень, поваренная соль имелаась на кухне. Я приготовил раствор и погрузил в него детали большого пистолета, заткнув стволы пробками. Прокипятил их в медной кастрюле. Затем достал, промыл и протер детали ветошью. Замечательно! Серебряное покрытие получилось матовым, пистолет будто покрылся инеем. Этот я оставлю себе. Остальные должны блестеть. Я приготовил другой раствор и нагрел в нем детали. В этот раз слой серебра лег неоднородно. На сияющем поле остались матовые звездочки – как будто снежинки легли. Я почесал в затылке. Переделать или заполировать? Только зачем? Сочетание блестящего и матового придало оружию необычно нарядный вид. Пусть так и остается.

Назавтра я поручил Тибби изготовление деревянных накладок для рукоятей. Мальчик подошел к делу творчески. Вырезал детали из разных сортов дерева, отшлифовал и покрыл лаком – для каждого пистолета разным. В результате маленький «Дерринджер» обзавелся рубиновой рукоятью, средний – благородного коричневого цвета, для себя я выбрал черный. Теперь пистолеты не опознал бы даже покойный Иззи.

– Красиво! – заключил Тибби, когда мы закончили. – Не стыдно и съёрду владеть. Будете продавать их, мастер?

– Этот, – указал я на большой пистолет, – оставлю себе. Остальные подарю.

– Тогда нужен красивый футляр.

Я хлопнул себя ладонью по лбу: точно!

– Вот и займись!

Сам я занялся приспособлением для снаряжения патронов: среди трофеев его не оказалось. Можно, конечно, и обойтись, но заставлять съёрда орудовать ножом и шомполом не кошерно. Подарок как-никак. Сделаем агрегат, который из стреляной гильзы выдавит капсуль, запрессует новый, прижмет заряд пороха пыжом, а затем им же – и пулю. Конструкция не бог весть какая – не боевой дрон.

С работой мы справились за два дня. А дальше началось... Медники исполнили заказ. Я забрал чертежи и свез детали в сарай Мэгги, где собрал аппараты. Их было три; каждый со своей печкой. Аппараты, блестя медными боками, выглядели нарядно. На испытания я пригласил компаньонов. Печка загудела, из нижней кастрюли выбилась струйка пара, и вскоре из охладителя тонкой струйкой полилась жидкость. Запахло

хлебом и слегка сивухой. Я подставил под струйку бутылку.

– Смотрите! – сказал я партнерам по завершении процесса. – Это виски крепостью чуть больше торча. Назовем его «Слабым» или «Женским». Если перегнуть его еще раз, получим напиток вдвое крепче. Этот можно назвать «Мужским». Я предлагаю делать оба сорта и продавать под соответствующими названиями...

Для измерения крепости я изготовил спиртометры. Они представляли собой медные трубочки со свинцовой дробью, запаянные с обоих концов. На боковой поверхности насечена шкала – приблизительная, конечно. Имплант подсказал, что торч, исходя из местной технологии, содержит примерно 18–20 процентов спирта, по этому показателю я и подбирал вес дробинки.

Учить компаньонов пришлось всему. Организации технологического процесса, упаковке и укупорке продукта, способам продвижения его в массы и многому другому. С самого начала я положил, что емкость с виски должна иметь этикетку и сургучную печать на пробке. Почему? Да потому что у других этого нет! Наш товар сразу выделится. Это раз. После того как напиток станет популярным, его примутся подделывать – это к гадалке не ходи. И вот тогда этикетки и печати на пробках послужат защитой – воспроизвести их трудно. Образцы этикеток нарисовал Тибби, он же вырезал из досок формы для печати. Типографии в Иорвике не имелось, поэтому мы организовали свою. Тибби с сестренками накатывали на готовую форму краску, клали на нее лист бумаги, накрывали толстым войлоком и прокатывали валками, выточенными мной на токарном станке. Этикетки выходили черно-белыми, поскольку краску мы изготавливали из сажи. Но для Запасного мира и такие были открытием. На листе бумаги помещалась дюжина этикеток, а после того как краска высыхала, девочки разрезали их ножницами. Нередко им помогала Иллинн. За работу я, разумеется, платил.

Сургуч для пробок я сварил сам, смешав воск со смолой кедра и добавив киновари. Теперь подделать тем более не удастся. В Запасном мире сургуча не знали, а рецептом я делиться не собирался.

«Слезка Спасителя» под товарной маркой «виски» пошла в массы. В день первых продаж мы объявили о дегустации и бесплатно наливали желающим по полкружки. А вот за добавку уже требовали плату. Сбежалось полгорода, пришли даже женщины. Народ, распробовав, не скупился. Торч по сравнению с виски, пусть даже не выдержанным, был жуткой дрянью, а стоил почти столько же. Приготовленный запас раскупили в два дня. Посыпались заказы от владельцев харчевен. Они

предлагали поставлять виски бочками. Производство требовалось срочно расширять. Я заказал еще аппараты, Мэгги арендовала у города пустующую конюшню и занялась персоналом. Я посоветовал нанимать женщин. Во-первых, непьющие, следовательно, будут гнать продукт, а не дегустировать его. Во-вторых, женщины более аккуратные, что важно для технологического процесса. В-третьих, если не скупиться с жалованьем, то будут держаться за работу и не выболтают наши секреты.

Выручка текла рекой. Пинта слабого виски обходилась нам в пенни, включая королевский налог, а продавали ее за два. Лэнс с Мэгги ушли от съёрда и погрузились в бизнес. Я помогал, но все равно мы зашивались. Выручили, как ни странно, конкуренты. Виски стремительно вытеснял торч, винокурни Иорвика встали. Их владельцы пришли к нам и попросились в долю. Мэгги возмутилась, но я отвел ее в сторону.

– У них отлаженная сеть сбыта и опытные работники. Для того чтобы перехватить их рынок, понадобятся годы. Пусть делают брагу и сбывают готовый товар. Главный секрет виски в его перегонке и очистке. Это мы оставим за собой. Выручка вырастет в разы.

Мэгги подумала и кивнула. С винокурами мы ударили по рукам. Я снабдил их рецептами, и мы расстались довольными.

Я обзавелся транспортом. По моей просьбе Лэнс съездил к коннозаводчику и привел соловую кобылку. Ласка, как звали лошадь, понравилась всем: мне, Тибби, девочкам и даже Мирке. Теперь по утрам горностайка бежала в конюшню, где требовательно чирикала. Ласка опускала голову, Мирка прыгала ей на шею и взбиралась на спину. Там выгибала спину и, задрвав хвост, гордо стрекотала. Позже подходили девочки. Втроем они вели Ласку к реке поить. Нередко к ним присоединялся Тибби. Дети мыли кобылку и расчесывали ей гриву, Мирка, бегая по спине Ласки, внимательно контролировала процесс. Ко времени, когда я, позавтракав, выходил во двор, кобылка уже стояла под седлом: сытая, обихоженная и донельзя довольная жизнью.

За хлопотами я забыл о съёрде, и он напомнил о себе сам. В один из дней прибежала служанка и сообщила, что черр и черра ждут меня к обеду. Я попросил девушку подождать и зашел в дом. Как положено процветающему бизнесмену, я обзавелся подобающим гардеробом. Камзол из светло-серой тафты сшил лучший в Иорвике портной. Пожелания заказчика он учел. В камзоле имелись карманы, отсутствовали позументы, а длиною он был до середины бедра, а не до колен, как здесь принято. Единственным украшением одежды стали серебряные пуговицы. К камзолу прилагались такого же цвета бриджи и коричневые кавалерийские

сапоги. Последние стачали по снятой мной мерке – светить перед сапожником протезами я не стал. Довольно оглядев себя в зеркало (появилось у меня и оно), я нахлобучил шляпу и, захватив ореховый футляр с подарком, вышел во двор. К тому времени Тибби оседлал кобылку. Мирка ждала меня на крупе Ласки. Я взобрался в седло, и она перебралась ко мне на плечи. Склонившись, я подхватил с земли служанку (она тихо взвизгнула) и усадил перед собой. Так и отправились.

* * *

Оливер и Элизабет встретили нас на пороге дома. На съёрде красовался голубой камзол, а его дочь надела розовое платье. Прямо цветник! Я спрыгнул на песок дорожки и направился к ним. Не доходя пару шагов, сорвал с головы шляпу и поклонился, скопировав ритуал из исторических фильмов.

– Рад приветствовать вас, черр и черра!

Отец с дочерью переглянулись и торопливо кивнули.

– Позвольте поднести вам небольшой дар!

Я надел шляпу и протянул футляр. Оливер взял и, нажав рычаг, откинул крышку. Глаза у него блеснули. Еще бы! В специальных гнездах, обтянутых красным бархатом, лежали посеребренные пистолеты. А также – приспособление для снаряжения патронов, боеприпасы и прочие принадлежности.

– Выбирая, что подарить, я вспомнил нашу первую встречу, съёрд. Будь у вас такое оружие, вы бы справились с разбойниками.

– Какая-то незнакомая система, – сказал Оливер, доставая двуствольный пистолет. – Я хочу опробовать. Его нужно зарядить?

– Позвольте мне!

Я взял из его рук двуствольник и повернул рычаг. Стволы откинулись вверх.

– Он заряжается из казны? – изумился Оливер.

– Да, черр!

Я взял патроны и вставил их в стволы. Заряженный пистолет протянул съёрду.

– Как видите, на зарядку уходят считанные мгновения. Порох внутри патронов поджигает капсуль, который разбивает боек. Поэтому пистолету не страшны дождь и ветер, он выстрелит в любом случае.

Пока я говорил, слуги притащили из сарая деревянный щит и

поставили его в десяти шагах от нас. Судя по исклеванным пулями доскам, стрелять Оливер любил. Один из слуг прикрепил к щиту кружок из кожи и порскнул в сторону. Съёрд потянул за спицу курка и вскинул пистолет.

– Старайтесь, чтоб мушка была посреди рамки и вровень с ее краями, – посоветовал я.

Грохнул выстрел. Когда дым рассеялся, я увидел на краю кружка отметину – Оливер попал. Съёрд что-то пробурчал и вновь потянул за спицу. В этот раз пуля угодила в центр.

– Замечательное оружие, мастер! – восхитился съёрд. – Великолепно выглядит и точно бьет.

– Я тоже хочу! – загорелась Элизабет.

Я протянул ей «Дерринджер» с ярко-рубиновой рукоятью. Она схватила, взвела курок и прицелилась. Бах! Пуля легла далеко от центра, но в кружок попала. Надо же! Вот тебе и пигалица!

– Как снаряжать эти ваши патроны, мастер? – спросил Оливер.

– Очень просто, черр!

Я взял у него пистолет и вытащил из стволов гильзы.

– Теперь берем вот это приспособление, поднимаем рычаг и вставляем гильзу. Раз – и использованный капсюль выскочил. Вставляем в доньшко другой, переворачиваем оправку и впрессовываем его. Засыпаем порох меркой и прижимаем его пыжом...

Рассказывая, я демонстрировал процесс и в минуту снарядил три патрона.

– В комплект к каждому пистолету входит десять гильз. Есть пятьдесят капсюлей, пыжи и пули. Последние легко сделать самим, используя вот эти высечку и пулелейку. Если капсюли кончатся, я сделаю еще.

– Королевский подарок, Айвен! – покачал головой съёрд. – Руки чешутся пострелять. Но мы звали вас на обед, так что прошу.

Он взял меня под руку и повел в дом. Следом поспешала рыженькая. Вслед ей слуга нес футляр с подарком. Мы вошли в столовую. Почти всю комнату занимал большой стол. Вокруг примостились стулья с высокими резными спинками.

– Располагайтесь, мастер! – пригласил Оливер, отпуская мою руку. – Мест много.

Я осмотрел стол. Так... Блюда с жареными курами, хлеб, печеный поросенок, гусь, а вон там – жареная рыба. То, что нужно...

– Интересная у вас питомица!

Бетти, подойдя, разглядывала Мирку. Та чирикнула. Приняв это за поощрение, рыженькая потянулась к горностаю. Мирка выгнула спину и

зашипела. В следующий миг Бетти ловким движением схватила ее, сама зашипела горностаике в мордочку, после чего бросила ее обратно. Оказавшись на моем плече, Мирка обиженно твякнула и спряталась за головой.

– Бетти! – воскликнул Оливер.

– Почему она на меня шипит! – окрысилась рыжая. – Я благородная черра!

– Она тоже!

Отец с дочерью уставились на меня.

– Полное имя моей подруги – Миранда Флорес де Байе де Суньес. Двенадцатое колено королевских боевых горностаев. Они носят титул шевалье, что соответствует вашему сквайру.

Услыхав свое имя, Мирка выбралась мне на плечо и села столбиком. Разве что лапку к головке не приложила. Лицо рыженькой запунцовело.

– Ты обидела благородную даму, дочь! – сказал Оливер, и я заметил в его глазах искорки. – Немедленно извинись!

– Простите меня, черра Миранда! – присела Бетти.

Мирка презрительно чирикнула.

– Думаю, слов недостаточно! – сказал Оливер, пряча улыбку.

– А что еще? – растерялась рыженькая.

– Печенка! – сказал я. – Свежая, с кровью.

Оливер бросил взгляд на слугу, и тот умчался. Не знаю, кто погиб от его руки, но обратно слуга явился скоро. В руках он нес блюдо, где истекала кровью здоровенная печенка. Увидев ее, Мирка заволновалась.

– Что теперь? – спросила Бетти.

– Возьмите блюдо у слуги и поставьте его на стол. Миранда должна видеть, что угощение – от вас.

Рыженькая подчинилась. Я подошел ближе. Мирка спрыгнула на стол и подбежала к блюду. Понюхав, обвела нас подозрительным взглядом.

– Это все тебе! – успокоил я.

Мирка зарычала и впиалась в печень.

– Благородная черра подает нам пример! – объявил Оливер. – Прошу садиться.

Я последовал приглашению. На столе передо мной оказалось серебряное блюдо и целых три вилки. Столько же ножей лежало по правую сторону, и один из них – для рыбы. Надо же! За все время в Запасном мире я не видел столовых приборов. Здесь ели руками, в лучшем случае – ложками. Сервировку стола завершали хрустальные бокалы. Редкая вещь! Их возят из-за пролива, и стоят они безумно дорого.

Лакей за моей спиной наполнил бокал вином. Я пригубил. Неплохо, даже очень. Легкий оттенок фруктов, приятное послевкусие и тепло желтой звезды.

– Ваше здоровье, черр и черра!

Я поклонился и осушил бокал. Затем перетащил к себе в блюдо кусок жареной рыбы. Взял нож-лопаточку. Давно мы не держали такой в руках, но мастерство не пропьешь. Раз – и филе отделилось от хребта. Два – и отрезан кусочек. Три – и он оказался во рту. М-м-м! Вкусно!

Подняв взгляд, я увидел, что съёрд с дочкой смотрят на меня во все глаза. Я сделал что-то не так?

– Не обращайтесь внимания, мастер! – поспешил Оливер. – Приятно видеть такой аппетит.

Они уткнулись в тарелки, и я последовал их примеру. Некоторое время все сосредоточенно ели. Периодически я поглядывал на отца с дочерью и заметил, что приборами они владеют не совсем уверенно. Все ясно. Пользуются ими от случая к случаю, в обычное время едят проще. Как это бывает и у нас на Земле.

Ко времени, когда мы заморили червячка, Мирка расправилась с печенью. Вылизав блюдо, она обвела нас игривым взглядом и выгнула спину. После чего, зашипев, на прямых ногах заскакала к Бетти.

От неожиданности я едва не выронил вилку. Это она с чего? У девочки Дар? В Запасном мире? Не может быть!

Эскапада Мирки напугала Бетти. Она побледнела и попыталась отодвинуться.

– Не беспокойтесь, черра! – поспешил я. – Миранда не сделает вам зла. Хочет подружиться.

– Что я должна для этого сделать? – спросила рыженькая дрогнувшим голосом.

– Закройте лицо ладонями и скажите: «Боюсь! Боюсь!»

– Боюсь! Боюсь! – пролепетала Бетти.

Мирка радостно твякнула и прыгнула ей на плечо. Затем, вскочив на рыжую голову, задрала мордочку к потолку и победно застрекотала.

– Что это означает? – спросила Бетти, убирая руки.

– Думаю, она празднует победу! – засмеялся Оливер.

Бетти насупилась.

– Не совсем так! – поспешил я. – С этой минуты Миранда берет вас под свое покровительство, черра! Отныне ваши враги – ее враги. Это очень серьезно. Там, на дороге, она убила двоих разбойников из пяти.

– Разве? – удивился Оливер.

– Именно так, черр!

Мирка пустила торжествующую трель.

– Хватит! – сказал я. – Натешилась. Слезай!

Мирка недовольно чирикнула, но подчинилась, перебравшись девушке на колени.

– Ее можно гладить? – спросила Бетти.

– Нужно, черра! Миранда приняла вас в стаю и теперь ждет благодарности. Вы обязаны приласкать ее. Лучше всего облизать ей мордочку, но я не решаюсь вам это предложить.

Оливер захохотал. Он мотал головой и вытирал слезы салфеткой. Дочь, помедлив, присоединилась. Она смеялась, запрокинув голову назад, показывая ровные белые зубки. Мирка, заинтересовавшись шумом, показалась над столешницей, но, сочтя это не заслуживающим внимания, скользнула обратно.

– Скажите, мастер, – спросила Бетти, после того как все смолкли, – стая Миранды... Она большая?

– Всего три человека, черра!

– Один из них вы, вторая – я. А кто третий?

– Одна женщина.

– Красивая? – заинтересовалась Бетти.

– Не то слово, черра! Она само божество. У мужчин, когда они видят Кэтрин, останавливается сердце. Многие готовы умереть за ее улыбку.

Бетти насупилась.

– Вам она, конечно, улыбалась?

– Тысячи раз, черра! В первый раз она это сделала двадцать три года назад. В ту пору ей был всего месяц. У нее не было зубиков, а я держал ее на руках. Но даже тогда улыбка у нее была пленительной.

Лицо девушки вытянулось.

– Не понимаю...

– Спаситель с тобой, Бетти! – хмыкнул Оливер. – Что тут неясного? Айвен говорит о родственнице. Думаю, о сестре.

Я склонил голову, подтверждая его правоту.

– Хочу погулять! – сказала Бетти, вставая. – Можно с Мирандой?

Я кивнул. Не выпуская горностайку из рук, девушка вышла из столовой. Оливер сделал слуге знак, тот наполнил бокалы, а затем вышел. Понятно...

– Ваше здоровье, мастер!

Мы осушили бокалы и поставили их на стол.

– Миранда – забавное существо, – сказал съёрд. – Вы не шутили,

говоря, что она защитит Бетти?

– Нет, съёрд. Миранда не раз это доказала.

– Животное благородных кровей, – протянул он. – А вы, Айвен? Какой титул у вас?

От неожиданности я растерялся.

– Понимаю, – продолжил Оливер. – Есть обстоятельства, которые нежелательно оглашать. Думаю, вы покинули родину, скрываясь от могущественных врагов. Однако благородное происхождение трудно скрыть. Вы много знаете и умеете, значит, вас хорошо учили. Так принято в семьях, рожденных повелевать. Вы отказались от денег за лечение, чего не сделал бы простолюдин. Взамен попросили услугу, как принято у благородных. Вы подарили нам пистолеты, которые стоят не менее двадцати крон. Так сорят деньгами люди, выросшие в роскоши. А вспомните встречу на дороге! Почему вы бросились нам помогать? Людям, чьи слуги обидели вас? Тогда вы этого не сказали. Но я знаю ответ. Со мной была Бетти. Истинный черр не допустит насилия над благородной женщиной. Это противоречит его воспитанию и голосу крови. Я прав?

– Вы идеализируете меня, съёрд!

– Ответ, полный достоинства! – улыбнулся Оливер. – Ах, Айвен, вы не видели себя со стороны. Уверенная походка, прямая спина, горделивый взгляд человека, привыкшего повелевать... Бетти первой обратила на это внимание. Но я решил вас испытать. Велел слугам сервировать стол, как принято при королевском дворе. Эти приборы, – он указал на вилки с ножами, – приданое моей покойной жены. Мы достаем их редко – только для почетных гостей. Но и они путаются в ножах. Вы же управлялись рыбным, как будто держали его вчера.

«М-да, – подумал я. – Прокололся!»

– И последнее доказательство. Королевский боевой горностаи. В вашей стране их раздают всем?

– Сдаюсь, черр! – поднял я руки.

– То-то! – засмеялся он. – Теперь назовете себя?

– Меня действительно зовут Айвен. Есть родовое имя, но оно ничего вам не скажет, так же, как титул. Я офицер, служил в армии, командовал ротой.

– Всего лишь? Хотя... – он помедлил. – Гвардия?

Я кивнул. Раз дивизия гвардейская, то и рота – тоже.

– Капитан гвардии равен обычному полковнику, – заключил Оливер, – незнатному этот чин не светит. Что ж, Айвен! Я обязан вам и не хочу оставаться в долгу. Примите!

Он взял со стола свиток и протянул его мне. Я развернул. Черр Оливер съёрд Йорвика жаловал Айвену (следовало место для фамилии) лэнд Данли.

– Мы с Бетти гадали, как вас отблагодарить, – пояснил Оливер. – Денег вы не берете, тогда что? Бетти сказала: «Отец! Айвен в изгнании, поэтому скрывается в обличии оружейника. Такому человеку, как он, это не пристало. Мы должны ввести его в среду благородных!» – Оливер улыбнулся. – У меня очень умная дочь, черр! Данли – пустошь, там нет селений, но стоит полуразрушенный замок. Когда-то им владел лэнд, поэтому земли вписаны в Геральдическую книгу. Они дают право на титул. Он ниже, чем у съёрда, но выше, чем у сквайра. Отныне вы черр Айвен, лэнд Данли.

– Благодарю вас, черр! – поклонился я.

– Можете звать меня по имени, – сказал он. – Теперь мы равны.

– Как скажете, Оливер!

– Так и скажу! – засмеялся он. – Думаю, за это стоит выпить.

– Разрешите?

Я снял с пояса серебряную флягу и плеснул в бокал на два пальца. Придвинул его Оливеру. Затем налил себе.

– Это то, о чем я слышал? «Слеза Спасителя»?

Он взял бокал и поднес к носу. Хмыкнул и осторожно глотнул. Покатал жидкость во рту, проглотил и глотнул снова.

– Очень необычный вкус, Айвен! Аромат луга, хлеба и слегка меда. От напитка становится тепло во рту и желудке.

– В моей стране его называют «виски».

– Пожалуй, я куплю бочку.

– Я вам ее подарю.

– Нет, Айвен! – покрутил он головой. – Хватит пользоваться вашей щедростью. Понимаю, что вы хотите загладить вину. Увести двух моих слуг... Ладно Лэнса, но Мэгги чудно готовила, – он вздохнул. – Признаться, я удивился, узнав, что вы занялись торчем. Это мерзкое пойло убивает людей в считанные годы! Гнать его недостойно черра. К счастью, я оказался не прав. Виски – чудный напиток.

– И не убивает так быстро. При умеренном потреблении человек будет жить долго. «Все есть яд, и все – лекарство, то и другое определяет доза», – процитировал я высказывание известного врача. – Во все времена люди пили, и будут продолжать пить. Запрещать бесполезно. В моей стране это пробовали, причем не раз. Люди стали употреблять всякую гадость, в результате – тысячи и тысячи безвременных смертей. Если мы не в

состоянии победить зло, то следует хотя бы уменьшить его последствия.

– Да вы философ! – хмыкнул Оливер. – Знаете что? Я люблю на досуге поразмышлять с пером в руках. Не откажетесь взглянуть?

– Сочту за честь! – соврал я.

– Вот и договорились! – расцвел съёрд. – Постреляем?

Мы вышли во двор. Щит стоял на том же месте: слуги не стали его убирать. Принесли пистолеты. Оливер стал всаживать пули в кожаную мишень. Получалось хуже, чем в первый раз: сказывалось выпитое. Съёрд сердито шипел и ругался. Привлеченная выстрелами, явилась Бетти. Отдав Мирку мне, она забрала у отца двуствольник. Пистолет для нее оказался тяжел: первая пуля ушла в «молоко». Я подошел, взял ее ладошку в свою и показал, как подставить снизу ладонь левой. Бетти всадила пулю в мишень и заулыбалась.

– Приходите к нам чаще, Айвен! – предложила она любезно. – С черрой Мирандой, конечно. Она такая славная!

Сидевшая на моем плече Мирка довольно стрекотнула.

– Каждый раз она будет получать свежую печенку.

Мирка издала вопль, прыгнула Бетти на плечо и облизала ей нос. Рыженькая засмеялась и чмокнула горностайку в мордочку.

– Прошу за стол! – возгласил Оливер...

К себе я возвращался поздно. Ласка трусила легкой рысцой, сопела на моем плече Мирка, а я сжимал под мышкой книгу в кожаном переплете. Как заметил уже, рукописную. Это было единственным, что портило впечатление от визита. Теперь мне это читать... Бр-р-р!

Глава 9

В Оливере пропадали Монтень^[4]. Я понял это, едва вчитавшись в его записки. Правитель Йорвика и его верховный судья, он вспоминал дела, которые ему довелось разбирать, службу при дворе короля и, отталкиваясь от того, что видел и слышал, рассуждал о политике, нравственности и устройстве общества. Причем, в отличие от неизвестного ему французского предшественника, не меланхолично, а взволнованно и страстно. Оливер не тянул на реформатора, из числа тех, чьи идеи опережают общественное развитие, но он близко принимал к сердцу происходящее в королевстве и ратовал за укрепление нравственности как средства для исправления общественных язв.

В Алитании царила абсолютная монархия. Парламента не было, политику выработывал узкий круг приближенных короля, который комплектовался по принципу знатности и монарших симпатий, что, как водится, на пользу не шло. Еще недавно феодал в Алитании был полным властителем своих земель, где творил, что хотел. Грабеж подданных, насилие и расправы над простолюдинами приобрели такой размах, что тридцать лет назад крестьяне восстали. Это произошло в правление Харольда III, или «короля Харри», как его звали в народе. К крестьянам присоединилась городская беднота, затем солдаты, перешедшие на сторону восставших со стрелковым оружием и артиллерией. Бунт перерос в гражданскую войну. Повстанцы захватывали и жгли замки, вырезали феодалов, вешали сборщиков податей и топили в выгребных ямах королевских чиновников. В конце концов их войско осадило столицу королевства Ним. Королю Харри, в ту пору юноше, хватило ума понять, что династия на краю гибели. Просветлению мозгов во многом способствовал разгром дворянского ополчения. Конницу благородных повстанцы встретили картечью из пушек, после чего уцелевших окружили и вырезали. Защищать трон стало некому. Полки регулярной армии были ненадежны: набранные из рекрутов, они в любой момент могли перейти на сторону инсургентов. Спасая трон, король издал ряд указов. Простолюдины получили свободу, правда, без земли. Феодалы утратили право на их жизнь и имущество. За убийство крестьянина дворян ждал суд – так же, как за насилие над простолюдинкой. Благородных могли посадить в тюрьму или подвергнуть штрафу. Иными стали экономические отношения. Отдав треть урожая феодалу (больше – запрещалось), две трети селянин оставлял себе.

Этого хватало, чтобы не голодать. Простолюдин, если его не устраивал феодал, мог от него уйти.

Харри объявил амнистию и отменил рекрутские наборы. Полки стали комплектовать по найму. Отслужив пять лет, солдат мог уйти или остаться – по собственному выбору. Ему платили жалованье, сытно кормили и ежедневно давали торч. Желающие носить мундир нашлись. Лэнс как раз был из таких. Отслужив десять лет, он ушел к Оливеру, которому приглянулся бравый сержант.

Изданием указов король не ограничился. За преступления в отношении простолюдинов феодалов стали судить. Это привело к мятежам, но их давили. Солдаты делали это с большой охотой. Они помнили, кто издевался над ними, кто насиловал их жен и дочерей, поэтому мятежников не щадили. Дворянская вольница сошла на нет. Простолюдины обожали короля. Его славили промышленники: указы Харри обеспечили им свободу предпринимательства и рабочую силу. В городах исчезли цеха и гильдии: любой мог заниматься, чем хотел. Радовались купцы: поборы, взимаемые феодалами за проезд по их землям, запретили. Платить следовало только королю. Страна залечила раны и начала расцветать.

Преобразования, не доведенные до конца, хрупки. Со смертью Харольда они забуксовали. Он-то правил с умом, а вот наследники... Достойными Харри не обзавелся, хотя и старался. За тридцать лет он сменил пять жен, не считая пассий. Однако дети его умирали маленькими. Злопыхатели утверждали, что это божья кара. Мол, отлилась королю дворянская кровь. Как бы то ни было, но один из наследников выжил. Его звали Эван, и он взошел на трон в возрасте семи лет. Зимой ему исполнилось двенадцать. Это его профиль я видел отчеканенным на монете. По малолетству Эвана, за него правила мать с братьями. Она окружила себя фаворитами и пустилась во все тяжкие. Указы короля более не исполняли. Алитания покатила в прошлое. Мать Эвана и ее родственники расхищали казну, вводили дикие налоги, дарили земли друзьям и любовницам. Страна слабела. Из-за этого сосед Алитании, Глен, точивший на нее зубы, и решился напасть. Захватчики рассчитывали на победу: недовольных, готовых присоединиться к ним, в стране хватало. Но гленцы просчитались. Королевские полки помнили Харри и выступили в защиту его сына. Разгромив вражеский десант, они сорвали агрессию...

...Прочитав записки, я навестил съёрда и похвалил заметки.

– Вам вправду понравилось? – расцвел Оливер.

– Очень. Виден государственный ум. Вам нужно давать мудрые советы королям.

– Не станут слушать! – отмахнулся он. – Семейство Дигганов – волки, которым по случаю доверили стадо. Они не успокоятся, пока не вырежут последнюю овцу.

– Издайте книгу. Пусть с ней ознакомятся все.

– Меня запишут в мятежники, – горько усмехнулся он. – Стыдно признаться, Айвен, но я боюсь. Дигганы безжалостны. Вы вот помешали ростовщикам, а я, хоть и догадывался об их незаконных делах, молчал. Дому Троскана покровительствует королевская семья. Он откупил подать у государства на пять лет вперед. Заплатил Дигганам пять миллионов крон, хотя соберет за эти годы в разы больше. Но королевской семье на это плевать. Они тратят золото на роскошные наряды и пиры, в то время как солдаты не получают жалованья. Чиновники не видели его уже год. В Иорвике я плачу им сам, но это исключение. Тросканцы грабят поселян, но их нельзя трогать. Они под защитой короля, вернее, Дигганов. Боюсь, что смерть мастера Иззи не останется без последствий – сбежавшего слугу не нашли. Меня обвинят, что потакаю убийце. Ожидается приезд человека Дигганов, который учинит следствие. Чем оно кончится, неизвестно.

«Так! – огорчился я. – Рановато расслабился...»

– Почему Спаситель наказал Харри, не даровав ему достойных наследников? – вздохнул съёрд.

– Дело не в наследниках, – поспешил я. Оливера следовало переключить. – Королю Харри не следовало останавливаться на половине пути.

– А ну-ка, ну-ка! – заинтересовался съёрд.

Я рассказал ему о реформах Петра I и его знаменитой Табели о рангах. О том, как после смерти царя страной правили распутные бабы и слабые на голову наследники. Это не помешало России побеждать в войнах и расширять пределы империи. Дворяне служили, бюрократия работала, и созданная Петром система сохраняла страну. А вот в Польше такой не было. Там царили шляхетские вольности, которые и разрушили страну. Польша развалилась, и ее обломки подобрала соседи.

– Любопытные вещи вы рассказываете! – хмыкнул Оливер. – Но эта Табель... Престолюдин мог стать съёрдом. Это неправильно.

– Почему? – удивился я.

– Благородство вырабатывается поколениями! – пояснил Оливер. – Взять вас! Осанка, речь, манеры... Такому не научишь.

– Я родился простолюдином.

От удивления Оливер открыл рот.

– А как же титул? – пробормотал он изумленно.

– Меня усыновил съёрд, который и даровал мне титул.
– Не могу поверить! – воскликнул Оливер. – В чертах вашего лица – кровь поколений благородных предков. А ваша осанка, речь... Ведь так, Бетти?

Элизабет, слушавшая наш спор, пожала плечами:

– Думаю, не имеет значения, какого происхождения Айвен. Он благородный человек, и мы с тобой имели возможность в этом убедиться. Ведь так? – спросила она млевшую на ее коленях горностайку.

Мирка утвердительно стрекотнула.

– Она согласна! – засмеялась Бетти.

– Благодарю, черра! – поклонился я.

– Можете звать меня по имени, Айвен.

– Увы, черра! Я его не выговорю.

– Не только вы! – хмыкнул Оливер. – Моя супруга Айлин происходила из горцев. У них принято давать девочкам говорящие имена. Крохой Бетти часто плакала, не разбирая времени суток. Мать назвала ее «Горлинкой, поющей в ночи». На языке горцев: Элтисисьютибет.

– Красивое имя! – согласился я. – У нас есть похожее – Элизабет. Его носили королевы. Именем одной даже назвали эпоху.

– Расскажите о ней! – воскликнула Бетти.

Историю нам преподавали хорошо, к тому же я сам ею интересовался. Британцы, обожавшие своих королей, написали о них горы книг, сняли ряд фильмов, так что рассказать было что. Судьба девочки, чью мать казнил отец, растила тетя, а на престол возвела сводная сестра, сама по себе представляла увлекательный роман. Я поведал о Роберте Дадли, Уолтере Рэйли, юном Эссексе^[5], а также – о королях, которые домогались руки королевы-девственницы, но получили гордый отказ: «Мой супруг – Англия, дети – мои подданные». Словом, вешал лапшу, как это делают романисты и кинематографисты. Бетти слушала, подавшись вперед, а вот Оливер морщился. Я догадался, что это из-за моего титула, и укорил себя за болтливость. Вроде неглупый человек съёрд, но на происхождении помешан. Не стоило распускать язык!

Рассказ затянулся, и я опомнился, когда за окном сгустилась ночь.

– Оставайтесь у нас! – предложил Оливер, заметив мое смятение. – Свободная комната найдется.

– Я возьму к себе Миранду! – поспешила Бетти. – Ты согласна? – спросила она горностайку.

Та умильно чирикнула: о чем речь? Ты только о печенке с утра распорядись...

– Можете звать меня Элизабет, Айвен! – объявила рыженькая и удалилась с Миркой.

Меня отвели в спальню, где стояла огромная кровать. Я запер дверь, разделся и, отстегнув протезы, лег. Мягкая перина обволокла тело, и я не заметил, как провалился в сон. Встав с рассветом, я оделся и поймал в коридоре пробегавшую мимо служанку. Она принесла умыться и отвела меня в столовую. Видимо, распоряжения на мой счет были даны: стол накрыли мгновенно. В этот раз еда была простой: горячие пирожки и вино. От вина я отказался и попросил молока. Служанка удивилась, но принесла. Пирожки с мясом оказались необыкновенно вкусными. Я доедал шестой, когда в столовую заглянула Элизабет. Мирка сидела у нее на плече.

– Доброе утро, Айвен! – поприветствовала меня рыженькая. – Вы рано встаете.

– Привык! – пожал я плечами.

– Принесите Миранде печень! – велела Элизабет.

Мирка издала вопль, спрыгнула на стол и сплясала на нем джигу. Принесли печень. Пока Мирка ела, Бетти не сводила с нее глаз. Закончив, горностайка потребовала обычного «Боюсь! Боюсь!», после чего устроилась на плече благодетельницы. Бетти зевнула и смущенно прикрыла рот.

– Простите! Не выспалась.

– Это моя вина! – поспешил я. – Забыл предупредить. Миранда привыкла спать у меня на груди.

– Она тяжелая! – согласилась Бетти. – Но все равно очень милая.

Мирка стрекотнула.

– Удивительно, но она понимает нас! – продолжила Бетти.

– Она же благородная! – хмыкнул я. – Ей положено.

Элизабет насупилась.

– Не сердитесь на отца, Айвен! Попробуйте его понять. Он младший сын в семье съёрда. Титул и земли унаследовал старший брат, поэтому отцу пришлось служить. Он помогал королю составлять указы. Дело важное, но неприбыльное: земли и титулы жалуют военным или тем, кто ближе к трону. Сын съёрда оказался в роли писца. Если б не случай... Отец оказал важную услугу Его Величеству, и король пожаловал ему Йорвик. Это большая редкость среди младших сыновей съёрдов. И вдруг отец узнает: титулы дают простолюдинам! Не следовало этого говорить.

– Не знал, черра! – развел я руками.

– Элизабет, – поправила она. – Не переживайте, Айвен! Отец отходчив. Он только выглядит строгим. У него доброе сердце. Вы ему нравитесь. В

нашей глуши мало таких образованных людей. Думаю, что и в столице немного.

Горностайка стрекотнула.

– Она говорит: «Да!» – продолжила Бетти. – Я понимаю ее. Она издает звуки, но я слышу слова.

«Ни фиги себе! – удивился я. – Я улавливаю только их смысл, Катя – тоже. Это какой же у девочки Дар?»

– Как вы можете объяснить это, Айвен?

– Вас не удивляет, что Миранда приняла вас в стаю?

– Думала, это из-за печенки.

Мирка стрекотнула.

– Она говорит: «Печенка – это вкусно!» – улыбнулась Бетти.

– Еще бы! – согласился я. – Для нее она, как вино для пьяницы. Но дело не в еде. Вы не единственная, кто кормил Миранду, однако именно вас она взяла в стаю. Королевские горностаи распознают людей, способных их понимать, и предлагают им покровительство. Это их родовая черта.

– Расскажите! – заинтересовалась Бетти.

И я рассказал. О том, как несколько десятилетий назад на Земле возродили обычай иметь ручных горностаев. Всем хорош этот зверек. Умный, забавный и чрезвычайно отважный. Дом охраняет лучше пса. Чужого прогонит, кто бы это ни был: человек или собака, уничтожит в доме мышей и крыс, убьет заползшую змею. Своих защищает до последнего. Селекционеры (я сказал: «заводчики») вывели особую породу: сильную, быструю и смышленную. И тут выяснилось: отдельные горностаи сами выбирают хозяев. С избранныками они устанавливают ментальную связь, человек и зверь понимают друг друга. В этой паре горностаи чувствует себя главным, он опекает и защищает члена стаи. Последнее узнали не сразу. Однажды горностаи спас девушку от насильников. Одного из напавших он убил, остальных здорово искусал. Жертва не пострадала. По стечению обстоятельств она оказалась дочерью короля Испании. Принцесса неосторожно забрела не в то место и не в то время. Не случись с ней горностаи, быть бы беде. История получила огласку, народ потребовал наградить героя. Монарх даровал зверьку титул шевалье. Так появилась линия королевских горностаев. Их не продают, как прочих зверьков. Желающие обзавестись другом обращаются в королевский питомник. Предварительно их просят внести сумму в благотворительный фонд...

– Какой фонд? – удивилась Бетти.

– Помощи бедным. Король не торгует горностаями. Формально их раздают бесплатно.

– Как это происходит?

– У стола собираются те, кто заплатил. Приносят горностаев. Их кормят...

– Печенкой?

– Необязательно. У каждого зверька свой вкус. Многие любят молоко, некоторые – сырые яйца. Миранда предпочитает печенку.

«И только ее!» – чирикнула горностайка.

– Остальное вы видели. Зверек прыгает к избраннику и угрожающе шипит. Нужно показать, что ты его боишься. После этого горностай берет человека под опеку. Дар понимать горностаев редкий, из сотни желающих он выбирает одного – да и то в лучшем случае. Однако деньги, перечисленные в фонд, не возвращают. Что, как понимаете, хорошо для бедных.

Я усмехнулся.

– Миранда выбрала вас или сестру?

– Кэтрин. Мы познакомилась позже. Я гостил у Кэт, мы обедали, как вдруг Миранда прыгнула ко мне и зашипела.

– Вы обрадовались?

– Конечно! Миранда – чудная девочка и верный друг.

Горностайка пустила трель.

– Как любая женщина, она любит комплименты.

«Но печенку – больше!» – стрекотнула Мирка.

Бетти засмеялась.

– С вами так интересно, Айвен! Слушала бы и слушала. У вас большая семья?

– Мать и сестра. Отец погиб. Давно.

– На войне?

Я кивнул.

– Мать растила вас одна?

– Она вышла замуж повторно. У нас с Кэтрин разные отцы.

Бетти хотела что-то спросить, но натолкнулась на мой взгляд и умолкла. Вот и правильно! Не то начнется... Кто ваш отчим? Была ли у вас жена? Есть ли невеста? Шустрая девочка. Вроде бы невинный разговор, а уже столько вытянула!

– Приходите к нам еще! – сказала Бетти и, сняв с плеча Мирку, чмокнула ее в мордочку. Горностайка умильно свистнула и лизнула кормилицу в нос.

Следующий день я посвятил сборам. Из разговора с Оливером следовало, что мне пора уносить ноги. С ростовщиком у нас случился конфликт, об этом знают. Человек Дигганов захочет меня допросить – это к гадалке не ходи. Ничего путного я не скажу, это вызовет подозрение. Станут пытаться. Наладят «испанский» сапужок (есть здесь такой – узнавал), и тут выяснится, что у меня протез. После чего понеслась душа в рай...

Вытащив узел из реки, я рассортировал деньги. Тащить все с собой – безумие, потребовалась бы повозка. Я отобрал золото с серебром, а медь утопил. Но и без нее сумки вышли тяжеленными. Плюс лекарства, инструменты (вдруг понадобятся?), несколько книг (самых нужных!), одежда... После того как сборы закончились, на полу образовалась груда из узлов и сумок. Ёшкин кот! Двух месяцев не прожил, а барахлом оброс!

Я почесал в затылке и перебрал имущество. Деньги, смена одежды, белья, необходимый на первое время набор лекарств... Остальное сложу в сундук и отдам Иллину. Вдова сохранит. Она мне обязана. Из причитающихся мне доходов Мэгги будет выплачивать ей по двадцать силли в месяц. Большие деньги в Иорвике! Ремесленник-одиночка зарабатывает меньше.

Этой новостью я поспешил обрадовать семейство вдовы сапужника. Вышло наоборот. Услышав о моем отъезде, девочки заревели. Вдова всхлипнула, а Тибби, шмыгнув носом, отвернулся к стене.

– Это ненадолго! – соврал я. – Хочу съездить в столицу, посмотреть мир.

– Возьмите меня с собой! – загорелся Тибби. – Я пригожусь. Вам ведь нужен слуга?

Я почесал в затылке. Почему бы и нет? Пристрою мальчика в обучение, станет художником...

– Если мать отпустит.

– Пусть едет! – вздохнула Иллину. – Вы так много сделали для нас, Айвен, что я не знаю, как благодарить. Пусть Тибби заботится о вас.

– И я поеду! – вскричала Салли.

– Нет! – отрезала Иллину.

Девочка всхлипнула.

– Кто присмотрит за мамой, Салли? – вмешался я. – Тибби уезжает со мной, ты остаешься старшей.

Девочка подумала и кивнула.

– Полдня на сборы, – сказал я. – Я попрошу Лэнса подобрать Тибби лошадку, а вы пока складывайте сумки. После полудня приходите в мастерскую – отпразднуем отъезд.

Услыхав, что у него будет лошадь, Тибби от восхищения открыл рот. Девочки завизжали и запрыгали вокруг него, я улыбнулся и отправился к Лэнсу. Тот, выслушав просьбу, заворчал:

– Зачем отроку лошадь, к тому же – слуге? Мула за глаза хватит. Вдобавок мул низкий, легче влезать в седло. – Лэнс почесал в затылке. – Есть у меня на примете один. Молодой, сильный, и просят за него недорого.

– Пусть будет мул! – согласился я. – Купи вместе с седлом и сбруей. И приходите в гости после полудня. Будем праздновать!

– Виски нести? – сощурился Лэнс. – На пробу?

– Само собой! – кивнул я. – Как без него?

Лэнс довольно ухмыльнулся и убежал. Я отправился к мяснику, где купил парной свинины. Мясник выделил мальчика для доставки, и мы с ним отправились по лавкам и харчевням. В мастерскую я вернулся в сопровождении команды сорванцов, груженных корзинами и свертками. У ворот я отсчитал каждому по монетке и занялся обедом. Первым делом нарезал и замариновал мясо. Шампуры я выковал раньше, теперь их предстояло обновить. Мангал я соорудил из камней, а древесного угля в мастерской хватало. Покончив с шашлыком, я вытащил во двор стол и лавки, после чего занялся закусками. Провозился до полудня. Что-то предстояло порезать, что-то подогреть в печи, плюс сервировать стол. Я умаялся, но к моменту появления гостей успел.

Первой явилась Иллинн с детьми. Разглядев угощение на столе, девочки взвизгнули, а Нэнси, вскочив на скамью, полезла к тарелкам. Получив от матери по рукам, она надулась и стала хныкать. Ситуацию разрядило появление Лэнса с Мэгги. Бывший конюх вел на поводу невысокую гнедую лошадку с длинными ушами, и я догадался, что это и есть мул. На спине животного красовалось седло, и поперек хребта – сумы, из которых торчали горлышки бутылок.

– Вот! – сказал Лэнс, вручая мне повод. – Его зовут Бади. Любит морковку и яблоки. Хлеб – само собой. А так щиплет травку, ест сено, овес, может – и солому. Куда лучше лошади.

– Сколько? – спросил я, берясь за кошелек.

– Подарок! – покачал головой Лэнс. – Мы тебе стольким обязаны, Айвен!

Мэгги важно кивнула. Я догадался, что Лэнс не случайно предложил

мне мула. Видимо, супруги решили меня одарить, да только не знали, как. А тут – случай. И недорого...

– Спасибо! – сказал я и передал повод Тибби. – Владей!

Мальчик застыл, не зная, как расценить мула вместо обещанной лошади, но вмешались девочки. Они заскакали вокруг Бади, а Нэнси, все-таки стащившая со стола ломоть хлеба, принялась кормить мула. Спустя минуту все трое взгромоздились Бади на спину и принялись нарезать по двору круги. Девочки повизгивали, а Тибби улыбался – похоже, мул ему глянулся.

– Прошу к столу! – пригласил я взрослых.

После первой закуски, в ходе которой к нам присоединились дети, я принес из погреба уже нанизанные на шампуры шашлыки и укрепил их над мангалом. Скоро на углях зашипел жир, и по двору поплыл одуряющий запах. Девочки тут же окружили меня, следом подтянулись взрослые. Все с любопытством следили за процессом. Неудивительно: жареного и печеного мяса здесь хватает, но до шашлыков пока не додумались. Свинину пекут на вертелах большими кусками. Сверху пригорает, внутри – сырое...

Хорошо промаринованный шашлык поспел быстро, и я вручил каждому из зрителей по шампуру. Гости прямо на месте принялись стаскивать зубами куски. Обжигались, дули на мясо, но жевать не переставали.

– М-м-м! – заключил Лэнс, первым осиротивший шампур. – Замечательно, Айвен! Под виски лучше не придумать.

– Вы скажете нам рецепт? – поспешила Мэгги. – Мы с Лэнсом планируем открыть харчевню. Будем подавать там виски. Хорошо бы и это мясо...

– Нет вопросов! – заверил я и стал нанизывать на шампуры новую порцию.

Спустя час за столом царило приподнятое настроение. Дети, насытившись, забрали Мирку и повели Бади знакомиться с Лаской. Мы лениво беседовали, обсуждая предстоящую поездку, пути расширения водочного бизнеса и перспективы урожая ячменя. Я уверил Мэгги, что захвачу с собой образцы виски и постараюсь заинтересовать им столичных купцов. Супруги в свою очередь пообещали честно откладывать мою долю и не пускать деньги в ход без моего позволения. Тут же, за столом, акционеры назначили Иллинн главой перегонного цеха – вдова не захотела получать деньги просто так. Лэнс с Мэгги выглядели довольными: у Иллинн в Иорвике была отменная репутация. Не приходилось сомневаться, что за работницами она присмотрит. А то, как пожаловалась

Мэгги, некоторые повадились таскать виски. Пока для личного потребления, а там глядишь – и продавать начнут. Монополия на «Слезу» могла рухнуть. Мы выпили за начальника транспортного – пардон, перегонного – цеха и благодумствовали, когда за воротами раздался топот копыт и фыркание лошадей. Распахнулась створка ворот, и во двор шагнул солдат в оливково-горчичном мундире с коротким ружьем за спиной.

– Кто здесь черр Айвен? – спросил он, подходя к столу.

Я встал. Гости, расслышав титулование, с удивлением уставились на меня. О жалованной мне Оливером грамоте я им не рассказывал – ни к чему.

– Съёрд Иорвика просит вас пожаловать к нему, – сообщил солдат.

– Зачем?

– Мне не сказали. Капитан велел торопиться.

«Капитан! – мелькнула мысль. – В Иорвике нет военных с таким званием. Командир городской стражи именуется «тенет», что соответствует нашему лейтенанту. И форма у солдата незнакомая. Приехали из столицы. Надо было раньше смяться. Опоздал...»

– Прошу вас, черр! – солдат указал на ворота.

– Иллинн! – повернулся я к вдове. – Если задержусь, прибери здесь. А вы веселитесь! Ешьте, пейте! У нас с черром дела.

Сопровождаемый солдатом, я вышел за ворота и увидел перед ними карету. Герб на дверцах – рыба в когтях орла на голубом поле – принадлежал Оливеру. Надо же, какая честь! Кучер, соскочив с козел, распахнул дверцу. Я полез внутрь, солдат вскочил на запятки. Если вздумаю бежать, пристрелит враз. Ружье у него, насколько я заметил, с раструбом на конце ствола. Мушкетон. Используется кавалеристами, заряжается несколькими свинцовыми пулями или картечью. Беглецу не уцелеть. А мой пистолет остался в доме. С собой только нож. Только он против мушкетона – прах. А у солдата и сабля...

Кучер закрыл за мной дверцу и полез на козлы. Я сел на диван и вытянул ноги. Свистнул кнут, и карета тронулась. Вот, значит, какой ты – арест...

Глава 10

Двор съезда встретил меня суетой. По дорожкам, посыпанным песком, металась слуги. Они тащили на кухню загроможденно гогочущих гусей, какие-то корзины, тазы и кувшины. В дальнем конце двора виднелась карета – черная, лакированная, роскошная. Я различил на ее дверце золотую корону. Лошадей из кареты выпрягли и увели, но неподалеку солдаты в уже знакомых мне оливково-горчичных мундирах поили и обтирали пучками сена расседланных коней. За их работой наблюдал с крыльца пышноусый военный в шляпе-треуголке, обшитой по краям золотистым галуном. На его груди красовалась овальная серебряная бляха, а через плечо на широкой кожаной перевязи висел тяжелый палаш в простых ножнах. Все это я разглядел, выйдя из остановившейся рядом с крыльцом кареты. Военный в свою очередь обнаружил мое появление и двинулся навстречу.

– Черр Айвен?

Я подтвердил.

– Капитан королевских конных фузилеров черр Родж. Я провожу вас к съезду, – он окинул меня цепким взглядом. – Где ваша шпага?

– Не успел захватить, – соврал я. – Торопился. Меня вытащили прямо из-за стола.

Лицо Роджа выразило удивление, но любопытствовать он не стал.

– Прошу со мной!

Он зашагал к дому. Следуя за ним, я поднялся на крыльцо, вошел в дом и ступил на знакомую лестницу. Дорогой я украдкой разглядывал спутника. На вид Роджу было лет тридцать пять. Выдубленная солнцем и ветрами шкура на лице, черные волосы, тронутые сединой, коренастая фигура и кривые ноги всадника. Шагал он, как положено кавалеристу, вразвалку. Мундир Роджа был потерт, и его перевязь – тоже, а ножны палаша потемнели и залоснились. На королевского чиновника и даже командира стражи капитан явно не тянул. Вояка – из числа тех, кто чин и должность добывают потом и кровью, эдакий постаревший Д'Артаньян местного разлива. Зачем он в Иорвике? Конвоировать арестованного? Хватило бы стражи...

Родж довел меня до дверей кабинета Оливера и обернулся.

– Извините, черр! – Он коснулся ладонью шляпы, что, по-видимому, означало вежливость. – Но с этим я вас впустить не могу, – он указал на нож на моем поясе. – Будь у вас шпага... Благородному с ней можно. Я

головой отвечаю за жизнь Ее Величества, а съёрд может ее позвать.

«Какой, на хрен, Величества?» – удивился я, но виду не подал. Молча отстегнул от пояса нож и отдал его капитану. Тот, видимо, не ждал подобной покладистости, поэтому довольно осклабился. Наивный. В кожаных браслетах, скрытых рукавами моего камзола, спрятаны восемь метательных ножей – по четыре в каждом. После визита ростовщиков я их сковал и опробовал. На вид ножи черные и неказистые, с кольцом вместо рукояти, зато в цель летят точно. Проверено...

Родж открыл передо мной дверь, и я шагнул в комнату. Оливер сидел за столом, подперев щеку кулаком. Перед ним стояли кувшин и стеклянный бокал, а в стороне валялся какой-то свиток с массивной свинцовой печатью на шнурке. Съёрд был погружен в свои мысли и не заметил моего появления. Я кашлянул.

– Айвен?!

Оливер вскочил и засуетился.

– Проходите, присаживайтесь!

Я подчинился. Съёрд еще мгновение потоптался, затем опустился на стул.

– Я пригласил вас... – начал он и запнулся. – Лучше прочтите! – он придвинул мне свиток.

Я взял его и развернул. Что там? Приказ об аресте? От волнения буквы прыгали перед глазами. Но я заставил себя собраться.

«Регентский совет Алитании приглашает дочь Его Величества короля Харольда Третьего немедля прибыть в Ним, дабы занять подобающее ей место...»

Что за хрень? Какая дочь? Чего от меня хотят?

Я положил свиток на стол и требовательно посмотрел на Оливера. Он нервно облизал губы.

– Его Величество король Эван умер – неделю назад. Простудился на охоте...

– И что? – невежливо поинтересовался я.

– Бетти...

Оливер умолк.

– Что Бетти?

– Она дочь короля Харри. Единственная из оставшихся его детей.

Приплыли, что называется! То-то рыженькая казалась мне на кого-то похожей, причем не на Оливера. Теперь ясно. В книге о деяниях короля Харри мне попадалась гравюра с его портретом, но черно-белая, поэтому я и не уловил связь. По свидетельствам современников, Харольд III, пока не

поседел, был огненно-рыжим.

– Я думал, что ее отец – вы!

– Все так думали, – вздохнул Оливер. – Это долгая история, черр.

– А я не спешу.

Это прозвучало не слишком вежливо. Но меня зачем-то позвали, выдернув из-за стола с друзьями. Пусть объяснят.

Оливер подумал и позвонил в колокольчик.

– Еще вина и бокалы! – велел он заглянувшей служанке.

Когда то и другое принесли, он наполнил бокал и придвинул мне.

– Ваше здоровье, Айвен!

Я кивнул и пригубил. Вино было замечательным. Легкое, слегка терпкое, с ароматом летних цветов и фруктов.

– Как вы знаете, я служил при дворе Харри составителем королевских указов, – начал Оливер. – Это неприметная, но очень важная служба. Король говорит, что ему нужно, а ты облакаешь его слова в четкие формулировки. Его Величество ценил меня. Я младший сын съёрда, Айвен, поэтому не мог наследовать отцовские земли. Обычно в таких случаях идут в армию, но военная служба меня не привлекала. Я поступил в университет на факультет права. Это вызвало недовольство отца. В университете учатся дети простолюдинов и бедных шевалье, а тут сын съёрда! Отец счел, что я уронил честь рода. Меня лишили содержания, и я, чтобы заработать кусок хлеба, переписывал судебные документы. Спросите, зачем? У меня была цель. Мое происхождение давало возможность после завершения учебы претендовать на место судьи. Пусть где-нибудь в захолустье, но это почетная и хорошо оплачиваемая должность, спокойная, сытая жизнь. Я не герой, Айвен, сражения и интриги не моя стихия. Я заканчивал университет, когда королю понадобился знаток права, при этом благородного происхождения, с хорошим почерком и умеющий держать язык за зубами. Ректор рекомендовал меня. Так я попал ко двору.

Оливер помолчал.

– Для меня это был редкий шанс получить титул и богатство, и я им воспользовался. Король Харри ценил преданных и умных людей. В скором времени мне даровали титул лэнда, высокое жалованье. Но, главное, я стал вхож к суверену, а это при дворе ценится выше титулов. Знатные семьи стали искать родства со мной. Из множества предложений я выбрал дочь Мевилла. За ней давали богатое приданое, а Мевиллы вели родословную от слуг Спасителя. Готовилась свадьба, но все неожиданно изменилось...

Оливер плеснул себе в бокал и в два глотка осушил его.

– За год до этого король вел войну с горцами. Хотел присоединить их

земли к Алитании. Они отгораживают нас от Глена, и Харри не хотел, чтоб гленцы с горцами сговорились. Кампания затянулась. Горцы – сильные воины, но не умеют воевать строем. В долине армия разбила их. Но они ушли в горы, где чувствовали себя как дома. Устраивали засады, нападали по ночам... Армия несла потери. Харри это надоело, и он предложил вождю кланов объединить земли через династический брак – король перед этим как раз развелся. Горцы согласились. Они изнемогли в войне, а породниться с королем – честь. Так во дворце появилась Айлин: маленькая, худенькая и смуглая дочь вождя. Она выросла в горах, поэтому не знала придворных манер и держалась особняком. Проще говоря, дичилась. Двору это не понравилось. Айлин сочли гордячкой, к тому же некрасивой. Харри был такого же мнения: он любил женщин в теле. Вдобавок привык, что перед ним стелются. Айлин оказалась другой. Харри плюнул и стал искать утешения в объятиях придворных дам. Айлин это не понравилось. Она высказала королю все, что думает по этому поводу. Харри взъярился и выслал жену в загородный дворец. Там и родилась Бетти...

Съёрд пробарабанил пальцами по столу.

– Будь это мальчик, Харри вернул бы Айлин и терпел ее. Он очень хотел наследника. Однако рождение дочери разочаровало короля. И тут в ситуацию влезли Дигганы. Младшая из их дочерей – Карри отличалась редкой красотой. Поклонники вились вокруг нее, словно осы над спелой грушей. Карри представили королю, и она ему глянулась. Дальше просто. Карри прыгнула в королевскую постель, а после устроила Харри истерику: дескать, ее, потерявшую девичество, не возьмут замуж. Только с девичеством у нее... – Оливер хмыкнул. – Карри не отличалась добродетелью. Весь Ним судачил о ее любовниках. Как ей удалось обмануть короля, не знаю. Но Харри поверил распутнице и пообещал жениться. Браку мешала Айлин. Дигганы посоветовали королю развестись и немедленно выдать бывшую супругу замуж – они боялись, что Харри передумает. На роль мужа требовался человек, с одной стороны, близкий к королю, дабы брак не выглядел мезальянсом, с другой – не настолько честолюбивый, чтобы не оставить столицу и двор – Айлин требовалось убрать с глаз. Выбор пал на меня...

– Как вы это восприняли? – спросил я.

– Как честь! – сказал Оливер. – Стать мужем королевы, пусть даже бывшей... К тому же в приданое за Айлин давали Йорвик. Я в одночасье становился богатым и знатным съёрдом, не ниже, чем Мевиллы. Это была отличная партия! Однако Айлин с ее гордостью и характером могла упереться. Король поручил мне уладить дело.

– Получилось?

– Не забывайте, что я учился праву, – усмехнулся Оливер. – Курс риторики на этом факультете основной. Судье, как стряпчему, нужно уметь говорить. Я не стал притворяться, что влюблен, – она бы не поверила. Айлин отличалась умом. Поэтому я предстал перед ней жертвой королевского произвола. Дескать, Харри поступил со мной так же, как с ней. У меня была невеста, готовилась свадьба, но король наплевал на это. Он приказал жениться, и я вынужден подчиниться. Если послушаюсь – умру. Поэтому умоляю благородную женщину спасти мне жизнь. Взамен обещаю относиться к ней бережно и с уважением. У нее будет все, что пожелает. Я могу быть убедительным, если захочу. Айлин находилась под впечатлением коварства короля. Она дала согласие, но поставила условие – весьма необычное. Я обаялся, что, став супругом, никогда не переступлю порог ее спальни.

– Однако!

– Я не придавал этому значения: в Айлин говорила гордость. Мы пошли в церковь, где я положил руку на символ мучения Спасителя и дал требуемую клятву. После бракосочетания – скорого и тайного – мы с Айлин переехали в Иорвик. Здесь не знали, что Бетти – дочь короля. Это не афишировалось. В город приехал съезд с семьей – что необычного? Ах, Айвен, если б вы знали, как я радовался в те дни! Как упивался своим положением! Я, вчерашний писец при короле, стал съездом! У меня был огромный дом, сундуки, полные серебра, и толпа слуг, готовая исполнить любую мою прихоть. Айлин Иорвик тоже понравился – она не любила Ним. Здесь, в отличие от столицы, она чувствовала себя королевой. Ей низко кланялись, превозносили в речах, лучшие люди города искали ее благоволения. Мы жили мирно. Но каждый вечер, уходя в спальню, Айлин тщательно запирала за собой дверь. Меня это стало злить. Во-первых, я дал клятву и, как благородный человек, не собирался ее нарушать. Во-вторых, я не понимал жену. Пусть я не король, зато в сравнении с Харри выглядел, как грациозный олень рядом с боровом. К тому времени король обрюзг, а я был молод и нравился женщинам. Первые красавицы двора одаряли меня вниманием. Да, Айлин бывшая королева, но и я – съезд. Я почтителен с ней, исполняю любые ее прихоти, а передо мной, как перед лакеем, захлопывают дверь. И тогда я стал привечать в спальне служанок.

– Как восприняла это супруга?

– Меня это не волновало. Я не давал обет целомудрия. Если жена поставила условием не появляться в ее спальне, на что ей жаловаться? К тому же я не переступал грань. Любовница из благородных могла стоять

развода. В этом случае я терял Иорвик – король даровал его на определенных условиях. А вот на забавы с простолюдинками смотрят снисходительно. Отношения с женой охладели, Айлин перестала со мной разговаривать. Так продолжалось два года. Тем временем подросла Бетти. Ребенком она была очень любопытным. Бегала по дому и заглядывала во все комнаты – в том числе и в мой кабинет. Открою вам тайну, Айвен. У меня нет и никогда не будет своих детей. Я спал со многими женщинами, но ни одна не забеременела. А Бетти выглядела такой забавной... Я стал ее привечать, играть с ней. Однажды в мой кабинет зашла Айлин. В тот момент я прыгал по комнате, изображая из себя лошадку, а Бетти сидела у меня на шее и заливалась смехом. Айлин некоторое время смотрела на нас, затем повернулась и вышла. В тот вечер, проходя мимо ее спальни, я заметил приоткрытую дверь. Намек я понял, но не зашел. Это повторилось вновь и вновь – с тем же результатом. Я понимал, что Айлин хочет наладить отношения, но у меня была своя гордость. В конце концов Айлин заговорила. Она потребовала рассчитать служанок, которые время от времени делили со мной ложе.

– А вы?

– Отказал. В ответ Айлин стала кричать, что только свинья может не замечать рядом с собой благородную женщину, предпочитая ей простолюдинок. Я напомнил, кто потребовал от меня странную клятву. Она заявила, что освобождает меня от нее. Я ответил, что клялся Спасителю, а не ей, и только он может разрешить меня от обета. И тогда Айлин заплакала...

– А вы?

– Я растерялся, Айвен! Никогда прежде я не видел эту гордую женщину в слезах. Поэтому стоял, смотрел на нее и не знал, что делать. И тут Айлин снова заговорила. Сказала, что виновата сама. Спаситель дал ей доброго мужа, который полюбил ее дочь. Он внимателен и заботлив с женой. Он ни разу не обругал ее, не произнес дурного слова. Но она этого не замечала. Она упивалась своим горем, забыв о муже. А ведь он ради нее отказался от невесты. Спаситель наказал ее за гордыню... Мне стало стыдно. Я обнял Айлин и позволил ей выплакаться на моей груди. После чего сказал, что наше затруднение легко решить. Я клялся не заходить в ее спальню, но она не давала такой клятвы... Я не успел договорить, как Айлин рассмеялась и стала меня целовать. В тот же день я рассчитал служанок, богато их одарив. Они ушли довольными. Ночью Айлин пришла ко мне и более не уходила. Она заявила, что супругам довольно и одной спальни. Больше всего это нравилось Бетти. Она забиралась к нам в

кровать, и мы играли с ней, пока девочка не засыпала.

Оливер плеснул себе вина.

– Какой она была женщиной, Айвен! Умной, красивой, страстной. Мне повезло не с Иорвиком, а с ней. У меня была не только жена, но и друг. Я рассказывал ей о делах и получал мудрые советы. Однажды благородный лэнд в наших землях изнасиловал и задушил простолюдинку. Об этом стало известно, лэнда взяли под стражу. Иорвик взволновался. Перед зданием суда стояла толпа, люди требовали смертного приговора. В ответ возмутились благородные. Они кричали, что не позволят казнить лэнда из-за какой-то простолюдинки. Я не знал, как поступить. Любой приговор вел к бунту, в результате я терял город, а вместе с ним – и титул. И тогда Айлин посоветовала предъявить лэнду обвинение в заговоре против короля. Ведь он, зная об указе Харри, тем не менее нарушил его. Значит, пытался вызвать бунт. Я так и поступил. Убийцу казнили. Чернь успокоилась: ей было плевать, за что отрубили голову виновному. Благородные ворчали, но сидели тихо: умереть по обвинению в заговоре – это не то, что за убийство простолюдинки. Начнешь возмущаться, казнят самого.

Оливер вновь вздохнул.

– Бетти росла как наша дочь. Я надеялся, что в Ниме забыли о нас. На троне сидел сын короля, к тому же совсем юный, и править ему предстояло долго. Я собирался выдать дочь замуж, стареть в окружении внуков, как вот... – он с ненавистью отшвырнул свиток. – Что делать? У капитана Роджа приказ доставить нас в Ним. Мы, конечно, можем отказаться. Но в этом случае...

– За жизнь Бетти не дадут и пенни, – продолжил я. – Кто бы ни сел на трон, он не оставит дочь короля в живых.

– Вы прозорливы, Айвен! – кивнул Оливер. – Поэтому я и позвал вас. Хочу предложить поехать с нами. Должность советника королевы вас устроит?

– Почему я?

– Вы росли при дворе – это видно. Вы умны и отважны. А у меня в Ниме нет друзей. Одни умерли, другие – в опале. Нам нужен человек, на которого можно положиться. Согласны?

Я почесал нос. Советник королевы, у которой пока нет опоры, – это великолепная возможность получить пулю, удар кинжала или порцию яда. Перспектива не вдохновляющая. В то же время я знал, что соглашусь. В Запасном мире мне быть долго, и провести это время, сидя в Иорвике? Тоска...

– Могу я поговорить с Бетти?

Оливер кивнул и позвонил в колокольчик. Спустя минуту в кабинет вошла рыженькая. Я вскочил и поклонился.

– Ваше Величество!

– Оставьте, Айвен! – поморщилась она и подошла ближе. – Я пока не королева.

– Уже! – возразил я. – С момента, как привезли этот свиток.

Оливер одобрительно хмыкнул.

– Сядьте! – велела Бетти и устроилась на стуле напротив меня. Я разглядел, что глаза у нее красные – плакала.

– Черр Оливер предлагает мне стать вашим советником. Таково и ваше желание?

Она кивнула.

– У меня будут условия.

– Какие? – насторожилась она.

– Я не являюсь подданным Алитании и не хочу им быть.

– Хорошо, – кивнула она.

– Второе. Когда перестанут слушать мои советы, я уйду.

– Почему такое странное условие? – удивилась она.

– При дворе вас окружит толпа мужчин. Среди них будут молодые и красивые. Они станут говорить, что влюбились в вас, что вы женщина их мечты. Слушать это приятно. Только они будут лгать. Их цель – земли, титулы и деньги. На самом деле вы не нужны им как женщина. Я стану говорить правду, а вам это не понравится. Наступит время, и вы сочтете, что я утомил вас. Советник, которого не слушают, жалок.

– Считаете меня некрасивой? – спросила Бетти.

– Почему? – удивился я.

– Сказали, что те, кто станут объясняться мне в любви, солгут.

«Однако!» – подумал я.

– Вы очаровательны, Ваше Величество, но не относитесь к тому типу женщин, которые поражают своей красотой. В этом, к слову, ваше преимущество.

– Какое? – в свою очередь удивилась она.

– Легко отличить того, кто полюбил вас, от тех, кто притворяется.

– Как это сделать?

«О чем мы говорим?! – мысленно возмутился я. – Тут трон на кону, а она про любовь...»

– Смотрите мужчинам в глаза. Они не солгут.

– Хорошо! – согласилась она. – Что еще?

– Все.

– Как так? – удивилась она. – Вас не интересуют земли, титулы и богатство?

– Нет.

– Почему?

– Спаситель с тобой, дочка! – не выдержал Оливер. – Неужели не ясно: Айвен собирается вернуться к себе в страну. Зачем ему земли здесь? Ведь так?

Я кивнул.

– Как в таком случае, как я могу быть уверена, что Айвен посоветует правильно? – нахмурилась Бетти. – Если у него нет интереса к королевству, зачем печься о его благе?

Вот ведь зараза! Я встал и поклонился.

– Я не напрашивался в советники, Ваше Величество! Всего доброго!

– Сядьте! – Оливер жестом указал на стул. – Вас не хотели обидеть. Ты не права, Бетти! Вспомни! Спасая нас на дороге, Айвен не рассчитывал получить титул и деньги. Затем он лечил нас, не требуя платы. Айвен – благородный человек. Сомневаясь в его порядочности, ты оскорбляешь черра!

– Извините, Айвен! – склонила голову Бетти. – Не подумала. Вы не в обиде?

Я покрутил головой.

– В таком случае я слушаю ваш совет.

– Прекратите называть черра Оливера отцом. То же самое я посоветую и ему. С сегодняшнего дня и до самой смерти вы дочь короля Харри, и только его. А ваш приемный отец – всего лишь воспитатель.

– Хм! – сказал Оливер. – Обидно слышать, но правильно.

– Ладно! – вздохнула Бетти.

– Второе. Смените имя. Вы королева Алитании, а не горных кланов.

– Что вы предлагаете? – насторожился Оливер.

– Бетти Первая.

– Фамильярно! – сморщился съёрд.

– Ее отца зовут Харри...

– М-да! – выдохнул Оливер. – Опять вы правы. Но мне не нравится. В имени «Бетти» нет величия.

– Величие определяется делами правителя, а не его именем. Перед королевой сейчас стоит задача взойти на трон и удержаться на нем. Если уж совсем откровенно – просто выжить. Поэтому следует заручиться поддержкой простолюдинов. А тем нравится, когда королей зовут попростому.

– Пусть будет так! – вмешалась Бетти. – Я согласна. Что еще?
– На сегодня все, – я встал и поклонился. – Когда отъезд?
– Завтра на рассвете! – сказал Оливер. – Родж торопит. У него строгий приказ.

Я шагнул к дверям, но в последний миг замер. Армейский офицер торопит королеву? Пусть молоденькую, еще не севшую на трон, но все равно монарха? А мундир Роджа? Правительницу страны повезут в столицу затерханные армейцы? А где же съёрды, лэнды, пышный кортеж?

– Оливер! – повернулся я к столу. – Кто у вас обычно сопровождает королей в пути?

– Гвардия! – ответил он.

– Королевские фузилеры – гвардейский полк?

– Нет.

– Я хочу говорить с капитаном!

Оливер глянул на меня, и я заметил в его глазах понимание. Наконец-то! Сам мог догадаться. Оливер взял со стола колокольчик и позвонил. Пока за Роджем ходили, мы успели переговорить.

Войдя в кабинет, капитан поклонился.

– Ваше Величество!

– Проходите, капитан! – сказала Бетти. – Присаживайтесь! Выпейте вина.

Родж подчинился, причем последнему повелению – с большой охотой. Осушив бокал, он крякнул и вытер ладонью усы.

– Мой советник, черр Айвен, задаст вам вопросы, – продолжила Бетти. – Отвечайте ему, как мне.

Родж мотнул головой, и я приступил:

– Вы ранее сопровождали коронованных особ?

– Нет, черр! Этим занимается гвардия. Королевские фузилеры – обычный полк.

– Кто отдал вам приказ?

– Командир полка, съёрд Дигган.

Мы с Оливером переглянулись.

– Он родственник матери короля Эвана?

– Племянник.

– Скажите, капитан, – вмешался Оливер. – Вас не удивил этот приказ?

– Очень, черр! – признался Родж. – Но я офицер и не привык обсуждать повеления. К тому же сопровождать королеву – большая честь, и я рад, что удостоился. Я предложил съёрду взять роту, но тот ответил, что хватит и десятка человек: дороги в королевстве спокойные, а рота

привлечет ненужное внимание. Люди подумают, что началась война. Съёрд дал мне бумагу, где указал, как мы должны двигаться.

– Можно взглянуть? – спросил я.

Родж вытащил из-за обшлага мундира сложенный листок. Я взял и развернул. Так... График с точным указанием, когда и в какой населенный пункт должен прибыть кортеж. Четко, подробно, за исключением маленькой детали. Время въезда в столицу не обозначено. А как же толпы подданных, шпалеры принаряженных придворных, выстроенная вдоль улиц гвардия? Наконец, дамы, бросающие в воздух чепчики? Такие церемонии готовят заранее, детали тщательно согласовывают. Прибытие королевы решили сохранить в тайне? Почему? Или в Ниме ее не ждут?

– Вы проехали этим путем, Родж, – обратился я к капитану. – Где-нибудь дорога идет через лес? Глухой, безлюдный?

– После Лисетта, черр. На протяжении пятнадцати миль ни одного селения. Там королевские охотничьи угодья. Запрещено рубить деревья, строить дома, даже собирать хворост. Глухие места, которые любит дичь.

И заговорщики. Лисетт – последняя остановка перед столицей. Суду все ясно.

– Я могу сказать вам, Родж, почему выбрали фузилеров. Вас не жалко. На обратном пути в лесу будет ждать засада. Залп из мушкетов, после чего раненых и уцелевших добьют. Трупы ограбят, преступление спишут на разбойников. Съёрд Дигган все рассчитал.

– Этого не может быть, черр! – побагровел Родж. – Напасть на королеву?!

Я глянул на капитана с сочувствием. Родж явно не Д'Артаньян. Тот бы догадался.

– Вы часто бываете при дворе, Родж?

– Нет, черр! – смутился капитан. – Честно сказать, совсем не бываю. Таких, как я, туда не зовут.

– Поэтому вы далеки от интриг. Алитанией правила семья Дигганов. С появлением дочери короля Харри они теряют власть. Этого им не хочется. Появляется соблазн оставить все как есть. Если Бетти убьют, на престол взойдет мать Эвана – более некому. Думаю, что соответствующий указ уже заготовлен. Смотрите! – я взял со стола свиток. – Странный текст, не правда ли: «Регентский совет Алитании приглашает дочь Его Величества короля Харольда Третьего немедленно прибыть в Ним, дабы занять подобающее ей место...» Это пишут королеве! Почему не «Подданные Ее Величества преданно ждут ее в столице?» Они даже на бумаге не могут назвать Бетти королевой – настолько ненавистна им эта мысль. Так что

засада будет. Вас и ваших солдат, капитан, перестреляют, после чего примутся за нас. Мы не поедем этим путем, – я вернул капитану листок. – Есть другая дорога в Ним?

– Да! – кивнул Оливер. – Даже более короткая.

– Тропа! – буркнул Родж. – Частью по горам. Карета не пройдет.

– А конные?

– По двое в ряд. В горах и вовсе придется по одному.

– Нас немного, так что затруднений не будет. Вы ездите верхом, Ваше Величество?

– Меня учили, – смутилась Бетти.

Значит, едва-едва. Плоховато. Однако выбора нет. Остаться в Иорвике – дожидаться смерти. Поехать предложенным Дигганом путем – нарваться на засаду. Можно, конечно, взять городскую стражу – она предана Оливеру. Засаду она спугнет, но вот что дальше? Убийцы помчатся в Ним и приведут с собой полк. А тот прихлопнет нас, как цыплят, – против армейцев страже не устоять. Нет уж! Нам нужно прорваться в Ним, причем незаметно для врага. Тогда у Бетти появится шанс...

– Вы с нами, капитан?

– Не знаю! – Родж оттянул пальцем ворот мундира. – У меня приказ...

– В таком случае – счастливого пути! Попадете на небеса, поклонитесь от нас Спасителю!

– Черр! – на Роджа было больно смотреть. – Я не знаю, как быть. Подскажите!

Некоторое время я смотрел на него. Служака, недалекий. Поэтому, собственно, его и выбрали. Другой на его месте сейчас бы ухватился за шанс... В таких ситуациях делают головокружительную карьеру. С другой стороны, иметь такого служаку под рукой – подспорье. Родж рассуждать не будет. Выполняя приказ, пойдет, как танк.

– Хотите получить полк, Родж?

– Не шутите так, черр! – нахмурился капитан. – Я всего лишь сквайр.

– Ваше Величество! – повернулся я к Бетти. – Как ваш советник рекомендую по прибытии в Ним издать указ о даровании черру Роджу титула съёрда и отдаче ему под начало полка королевских конных фузилеров.

– Гвардейского полка! – поддержал Оливер. – Послав фузилеров за королевой, Дигганы сделали их гвардейцами.

– Согласна! – торопливо заявила Бетти.

Умница! Может ведь, когда захочет! Родж некоторое время скользил взглядом по нашим лицам и, поняв, что мы не шутим, робко спросил:

– А как же Дигган?

– Будет командовать крысами в тюрьме! – рявкнул Оливер. – А после и вовсе отправится на небеса с головой под мышкой так же, как все другие заговорщики.

Родж задумался. Я торопливо наполнил его бокал. Капитан махнул его одним глотком и встал.

– Готов выполнить любой приказ, Ваше Величество!

Наконец-то! Послал же Господь тугодума...

– Отправляйтесь к солдатам, полковник! – велел Оливер. – Готовьтесь к дороге. Выступаем на рассвете.

– Вы остаетесь в Иорвике, съёрд! – сказал я после того, как Родж ушел. Оливер пытался возразить, но я предостерегающе поднял руку. – Во-первых, вы немолоды, еще не оправились от раны. Долгий путь не выдержите. А мы будем спешить. Дигганы могут подстраховаться и выставить засаду и на коротком пути. Мы должны их опередить. Во-вторых, если у нас сорвется, то потребуется место, где можно будет отсидеться. Иорвик подходит для этого как нельзя лучше. Здесь знают Бетти, стража города и его люди преданы вам. Если город захватят Дигганы, нам останется умереть.

– Айвен прав! – поддержала Бетти. Молодец!

– Хорошо! – вздохнул Оливер.

Я встал.

– Рекомендую в оставшееся время сшить Ее Величеству мундир. Лучше – королевских конных фузилеров. Солдатам это понравится.

Лица отца и дочери изобразили удивление.

– Не в платье же ей скакать! – хмыкнул я...

Глава 11

Родж объявил привал, когда за нашей спиной осталось не менее десяти миль. Отряд шел ходкой, размашистой рысью, переходя на шаг лишь на подъемах или на попадавшихся бродах. Дорога, которой мы двигались, выглядела малоезженной, и это отчасти спасало нас от пыли: копыта коней и колеса еще не успели размолотить здесь землю в прах. После вчерашнего разговора Родж сторожился: впереди рысил дозор, солдаты держали мушкетоны наготове. В седельных кобурах у каждого было по два пистолета, и я сам видел, что перед тем, как сесть на коней, фузилеры подсыпали на полки свежего пороху. Мы с Бетти ехали в центре колонны, окруженные, насколько это позволяла дорога, живым щитом из солдат.

Позади остались пышные проводы и большие слезы. Никто не планировал ни первого, ни второго. Вернувшись в мастерскую, я сообщил об изменении планов, и гости, ждавшие меня за столом, впали в ступор. Скрывать правду не имело смысла – слишком многие были посвящены, поэтому весть, что дочь съёрда Оливера – королева Алитании, а я – ее советник, погрузила присутствующих в оцепенение. Затем последовали бессвязные восклицания, слезы и попытки подобострастных высказываний. Я решительно их пресек и объявил о завершении праздника – мне собираться в путь. И тут вперед выскочил Тибби.

– Возьмите меня с собой, черр! – завопил он, бухаясь на колени. – Я пригожусь!

Я рывком поднял мальчика на ноги.

– Ты останешься. После того как Ее Величество утвердится на троне, я вызову тебя в столицу. Поедешь вместе со съёрдом. Он тоже пока здесь. Я попрошу его взять тебя с собой. Сейчас нельзя – дорога опасная. На нас могут напасть.

– Я умею стрелять! – возразил мальчик, и я заметил, как лицо Иллинн окаменело.

– Этого мало. Ты не солдат. И вообще... Тебе никто не позволял спорить с советником королевы!

Иллинн одарила меня благодарным взглядом, на этом пререкания закончились. Я раздал указания, и мы попрощались.

Провожать отряд вышел весь город. Весть о том, что Бетти – принцесса, взбудоражила Йорвик. Глянуть на будущую королеву приползли даже калеки. Зрелища любят во все времена. Стоило нам выехать из ворот

дома, как толпа на улице разразилась приветственными криками.

– Да здравствует дочь короля Харри! – вопили со всех сторон. – Не забывай нас, Бетти!

Люди плакали от умиления. Они не думали, что к трону Бетти может не доехать. И только немолодая женщина в поношенной одежде, когда мы проезжали мимо, негромко произнесла:

– Да хранит тебя Спаситель, девочка!

Я бросил ей монету. Она поймала ее и очертила ею в воздухе круг – благословила...

О том, что проблемы у нас будут, стало ясно довольно скоро. В седле будущая королева сидела, как сорока на заборе: подпрыгивала, моталась из стороны в сторону и судорожно сжимала поводья. Через пяток миль она стала покусывать губу, и я понял, что дело дрянь. Родж, оглядываясь на нас, хмурился, но команды остановиться или перейти на шаг не давал. Так пожелала сама Бетти, заявив, что не стоит обращать на нее внимания – она как все. Заплатила она за это дорого. Когда Родж объявил привал и отряд свернул на поляну в лесу, Бетти сползла с лошади и враскорячку пошла к кустам. Я пустил Мирку гулять, вытащил из вьюка сумку с красным крестом и устремился следом. Королева нашлась за кустарником. Она лежала, глядя в небо влажным взглядом. Слезинки, выкатившиеся из ее глаз, проделали на покрытых пылью щеках две извилистые дорожки. Я сел рядом.

– Айвен! – произнесла она с мукой в голосе. – Я больше не могу.

– Сможете! – буркнул я и расстегнул ей пояс.

– Что вы делаете? – заволновалась она.

– Снимаю с вас штаны.

– Как вы смеете!..

– Я не только ваш советник, но и врач, – сказал я, не прекращая заниматься делом. – Не забывайте, то, что у вас под штанами, я уже видел.

Она умолкла и более не возражала. Подозреваю, что более от усталости, чем от согласия. Только ойкнула, когда я резко потянул штаны вниз. Увидев открывшуюся картину, я присвистнул: внутреннюю поверхность бедер девочка стерла в кровь. Бетти с Оливером послушались совета и построили королеве мундир. Сшили из тонкого сукна, но шерсть есть шерсть. Кожу она стерла вмиг.

Я омыл руки из фляги, достал тюбик и быстро смазал натертые места. Затем, приподняв Ее Величество, натянул штаны.

– Отдохните немного.

– Не болит, – удивленно промолвила она. – Совсем.

Я мысленно усмехнулся: еще бы! Моя мазь если и уступала по эффективности CID, то ненамного. У нее мощный обезболивающий и заживляющий эффект.

– У вас есть шелковая рубашка? – спросил я.

– Да.

– В правом выюке или в левом?

– Левом.

– Полежите здесь!

Я проломился сквозь кусты на поляну. Родж топтался неподалеку и, увидев меня, изобразил на лице вопрос. Я сделал успокаивающий жест, и капитан занялся отдачей необходимых распоряжений. Кобылку Бетти пока не увели, я нашел рубашку и отправился обратно. Уже подойдя к кустам, услышал истошный визг и рванулся вперед. Картина, открывшаяся взгляду, была достойна кисти живописца. Бетти, вскочив, жалась к кусту, а перед ней на траве дергалась полузадушенная жирная мышь. Рядом, задрав хвост, довольно пританцовывала Мирка.

– Убери эту гадость! – велел я.

Мирка недовольно чирикнула, но подчинилась. Подобрал добычу, потащила ее в кусты.

– Она сказала: «Это вкусно!» – дрожащим голосом произнесла Бетти и вздохнула. – Я так боюсь мышей, Айвен! А эта еще живая...

– Стойте так! – велел я и достал из сумки тесемку. Произведя нужные замеры, отщелкнул на мультитуле ножнички и принялся кроить ткань.

– Это лучшая моя рубашка! – вздохнула Бетти, когда я с треском отодрал кружева. – Была.

– В Ниме купим новую, – утешил я.

Бетти опустилась на траву и молча смотрела, как я орудую иглой. Шил я наскоро, делая сквозные стежки. До Нима выдержит. Вскоре изделие было готово. Я поднял его и внимательно рассмотрел. Нормально вышло: два шва по наружной стороне бедер и один в центре, скрепивший половинки. Простой крой по типу индейских штанов. С женщинами в этом смысле просто: гульфик не нужен. Сборку по талии я делать не стал: просто подрубил верхний край и притачал спереди тесемки. Завяжи – и носи на здоровье!

– Что это? – не утерпела Бетти.

– Трусы.

– Для чего?

Я подумал и, расстегнув пояс, приспустил штаны.

– Видите?

– Это такое белье?

– Именно, – подтвердил я. – В моей стране трусы носят мужчины и женщины. Я сшил их из шелка. Он скользкий, поэтому сукно штанов перестанет натирать вам ноги. Сами наденете или помочь?

– Сама! – буркнула Бетти и, забрав трусы, скрылась за дальним кустом. Вернулась не сразу: то ли разбиралась с трусами, то ли занялась другими делами.

– Неподалеку ручей, – сказал я, когда она пришла. – Нам нужно умыться и вернуться на поляну. Там вы сядете у костра и побеседуете с солдатами.

– Зачем? – удивилась Бетти.

– Затем, что они ваши подданные. Они обрадуются, если королева заговорит с ними. Им будет приятно, что в них видят людей. Не забывайте, что от их преданности зависят наши жизни.

Бетти вздохнула, но подчинилась. Когда мы появились на поляне, брови Роджа поползли вверх. Дочь короля шагала ровно: мазь и шелк сделали свое дело. Бетти улыбнулась капитану и направилась к костру. Возившийся у котла солдат заметил нас и догадался поставить возле огня чурбак.

– Спасибо! – поблагодарила Бетти и присела. – Как тебя зовут, фузилер?

– Близ! – смутился солдат.

– Что у нас на обед, Близ?

– Каша с салом. Это солдатская пища, Ваше Величество. Вам, наверное, нужна другая, но я не умею готовить для королев.

– Обойдусь и кашей, – улыбнулась Бетти. – Я ведь тоже солдат, – она кокетливо ткнула пальцем в свой мундир. – Похожа?

– Настоящий фузилер! – с готовностью подтвердил Близ, и я услышал за спиной одобрителное покашливание Роджа. К огню стали подтягиваться солдаты. По знаку королевы они расселись на траве и по очереди назвали свои имена. Бетти стала расспрашивать: откуда они родом, давно ли служат, есть ли семьи? Солдаты охотно отвечали. Выглядели они при этом довольными. Еще бы! Королева не гнушается говорить с ними! Поспела каша. Близ предложил принести миску, но Бетти отказалась и под одобрителные взгляды солдат принялась есть из котла со всеми. Она зачерпывала кашу ложкой, дула на горячее и отправляла в рот. Я присоединился. Каша у Близа получилась отменная. В меру посоленная, горячая, приправленная пряностями и копченым салом, она пахла дымком и таяла во рту. Я догадался, что у фузилеров Близ – постоянный повар.

Пока солдаты занимались лошадьми, таскали воду и дрова, Близ не отходил от котла. Родж – толковый командир. Хорошая еда – залог боеспособности подразделения.

– Вкусно! – сказала Бетти, завершив обед. – Спасибо, Близ! Приедем в Ним, возьму тебя поваром! Пойдешь?

– Не знаю... – засмутился Близ, и я разглядел, что он совсем молоденький – лет восемнадцать.

– Оставьте его нам, Ваше Величество! – вмешался Родж. – Хороших поваров во дворце много, а Близ в роте один.

– Пусть будет по-вашему! – согласилась Бетти и вытащила из кошелька золотую монету. – Это тебе, Близ! За вкусную кашу.

Солдат трясущимися руками принял монету. Остальные фузилеры вскочили и, окружив счастливика, стали разглядывать подарок. Родж остался на месте, но одобрительно крикнул и расправил усы.

– Замечательно! – сказал я, когда мы с Бетти пошли к лошадям. – Теперь они умрут за вас.

– Я всего лишь послушалась вашего совета, Айвен.

– Про монету не говорил, – возразил я.

– Я сделала что-то не так?

– Наоборот. Теперь они будут знать, что королева щедра.

– Мне просто понравилась каша, – сказала Бетти. – И сам Близ. Он влюблен в меня, заметили?

– Нет, Ваше Величество.

– Разумеется! – вздохнула. – Вас больше интересовала еда. Каким будет ваш следующий совет, Айвен?

– Продержаться в седле до вечера, – сказал я.

...Отряд встал на бивак уже в сумерках. К тому времени Бетти едва не падала с лошади. Выглядела соответствующе. Спрыгнув с Ласки, я стащил королеву на землю и, придерживая ее за талию, повел к роднику. Родж подсказал, где его найти. Я уложил Бетти на траву, умыл ее, затем стащил с нее штаны. В этот раз она не возражала. Потертости выглядели плохо. Шелк помог, но раны сочились сукровицей. Неудивительно: постоянное раздражение. Бетти наверняка было очень больно. Почему она не сказала! Я бы дал ей обезболивающее. Зачем было терпеть?

Я стащил испачканные трусы, смазал потертости мазью, а затем воровато достал из сумки баллончик с аэрозолем. Пряча его в кулаке, несколько раз пшикнул на кожу. Клей растекся по ранам и, превратившись в пленку, заблестел. Сделать это требовалось еще днем, но я поостерегся. Бетти обязательно бы спросила, что это?

– Как там? – спросила Бетти, когда я закончил. Моих манипуляций с баллончиком она не видела. – Плохо?

– К утру раны возьмутся коркой. Вам станет лучше.

– Зачем вы сняли трусы?

– Они пропитались сукровицей и, когда высохнут, станут натирать. Я постираю их. Можно сшить новые, шелк есть, но уже темнеет – не успею. В другой раз.

– Спасибо, Айвен! – сказала она. – Вы такой заботливый. Я плохой наездник.

– Нет, Ваше Величество. Сегодня мы проскакали не менее двадцати миль. Это немало даже для опытного кавалериста. У женщин кожа нежная, особенно – на внутренней поверхности бедер, неудивительно, что вы стерли ноги. Но вы держались молодцом. Настоящая королева!

– Льстец! – вздохнула она.

– Ничуть, – возразил я.

– Можно мне не идти к солдатам? – спросила Бетти. – Нет сил.

– Сейчас необязательно, – согласился я и натянул ей штаны. – Полежите.

Пока я умывался и занимался стиркой, она уснула. Я сунул влажные трусы ей в сумку и поднял Бетти с травы. Она не проснулась. Я вышел к биваку с королевой на руках. Ко мне метнулись встревоженные солдаты.

– Спит, – шепотом сказал я. – Устала.

– Идемте за мной! – таким же шепотом отозвался ближний фузилер. – Мы поставили Ее Величеству шалаш.

В шалаше были разостланы попоны, я уложил на них Бетти и задом выполз наружу. Фузилер топтался у входа.

– Не видел моего зверька? – спросил я.

– У костра! – показал он рукой. – Там Близ поросенка разделывает. Подстрелили...

Я вспомнил, что, хлопоча возле Бетти, различил вдали выстрел, но не обратил на него внимания. Тоже устал...

Подойдя к костру, я увидел занимательную картину. Мирка терзала печень, а фузилеры, сгрудившись вокруг, с интересом за этим наблюдали. Один из них потянулся к горностайке рукой.

– Не нужно! – упредил я. – Укусит.

Мирка, словно услышав, издала горловое рычание. Солдат испуганно отдернул руку. Остальные засмеялись. Я сел и стал смотреть, как горностайка насыщается. С печенкой она покончила быстро: поросенок солдату попался небольшой. Облизавшись, Мирка задрала хвост и

устроила привычное шоу. Я выдал: «Боюсь! Боюсь!» Мирка под смех солдат потопталась по моей голове и скользнула на руки.

– Смешной зверек! – сказал появившийся из темноты Родж. – Для забавы возите?

– Для защиты.

– От кого? – ухмыльнулся капитан. – От мышей?

«Подглядывал! – догадался я. – Видел, как Бетти испугалась».

– Весной этот забавный зверек загрыз двух гленских солдат.

Фузилеры переглянулись. Лицо Роджа приняло недоверчивое выражение.

– Как это было?

– Пятеро дезертиров напали на карету съёрда. Застрелили слуг, кучера, ранили самого съёрда. Я как раз проходил мимо. Миранда перекусила двоим дезертирам жилы, и они истекли кровью.

Горностайка на моих коленях победно стрекотнула.

– А другие солдаты? – спросил Родж.

– Одного дезертира припадении убили слуги, остальных – я.

– Застрелили?

– У меня не было пистолетов. Одного заколол, второго зарезал.

Фузилеры переглянулись вновь.

– Извините, черр, но плохо верится, – покрутил ус Родж. – Мы были в деле у Иорвика и знаем, как дерутся гленцы. Они отличные бойцы.

– Я не хуже.

Родж крикнул.

– Вам приходилось воевать, черр?

Я подумал, стащил с себя походную куртку, следом – рубаху.

– Ого! – сказал Родж. – Это чем?

– Пули.

– Навылет... – пробормотал капитан. – Стреляли в спину. Вы должны были умереть, черр. Как выжили?

– У нас хорошие врачи.

Фузилеры загомонили.

– Оденьтесь, черр! – сказал Родж. – Прохладно.

Я послушался. Пospела свинина, и мы молча поужинали. Близ хотел отнести еду Бетти, но я попросил королеву не беспокоить – пусть спит. Для нее это сейчас нужнее, чем еда. После ужина солдаты разошлись, Родж остался. Я догадался, что предстоит разговор. Отстегнув флягу от пояса, протянул ее капитану. Тот вытащил пробку и сделал большой глоток.

– Ух! – сказал он, отдышавшись. – Это что?

– Виски. Его делают в Иорвике. С непривычки крепкий. Запейте водой.

– Не нужно! – сказал Родж.

Вновь приложившись к горлышку, он протянул флягу мне. Я взял и глотнул. Виски ожгло горло. Во флягу я залил крепкий продукт. Еще пара бутылок лежит во вьюке – больше не влезло. Почти весь багаж остался в Иорвике. С собой я вез только самое необходимое: деньги, лекарства, смену белья и запасную одежду. На верховую лошадь много не погрузишь...

– Кто она тебе? – внезапно спросил Родж.

Я понял, о ком он, и задумался. В самом деле, кто? Вчера у меня не было времени об этом думать. Я влюбился? Смешно. Пусть Бетти девятнадцать, но она еще дите – горькое и конопатое. Планирую стать принцем-консортом? Всю жизнь мечтал! В Запасном мире я ненадолго. Что же тогда? А хрен знает!

Я, видимо, думал долго, потому что Родж кашлянул:

– Ты моешь ее, лечишь, носишь на руках...

– Я ее советник.

– Советники – другие.

– Ты их видел?

Родж обиженно засопел.

– Я ей не возлюбленный, не жених и не родственник, – сказал я. – Это ты хотел знать?

Капитан кивнул.

– А что присматриваю за ней, так наши жизни теперь напрямую связаны. Умрет Бетти – и не станет меня, да и тебя с солдатами. Дигганы не простят.

– Как думаешь, у нее получится? – спросил Родж.

– Она дочь своего отца. У нее есть воля и характер.

– Я заметил, – кивнул Родж. – Ездить верхом совершенно не умеет. Стерла ноги, но не заикнулась. Знаешь, мы побились об заклад: когда королева запросится обратно? Через пять миль, десять, двадцать?

– И кто выиграл? – поинтересовался я.

– Никто, – буркнул Родж. – Чем ты командовал на войне?

– Ротой.

– Капитан?

– Да.

– Кавалерия?

– Пехота.

– В седле ты не очень, – согласился Родж. – Ничего, что я на «ты»

с лэндом?

– Я не родовит. Титул получил недавно – съёрд Оливер даровал за спасение на дороге. Выпьём?..

– Хорошая вещь! – выдохнул Родж, возвращая мне флягу. – Но много нельзя – в голове шумит. Что будем делать, когда мы придем в Ним?

Я невольно отметил это «мы».

– Первым делом отправимся в твой полк. Поднимем солдат. Когда вам платили жалованье?

– Год назад.

– В Ниме выдадим немедленно – как только возьмем казну. Плюс еще одно в награду. Полк станет гвардейским – с соответствующим содержанием. У гвардейцев оно двойное?

– Да.

– Будет и у вас.

– В гвардии служат благородные, фузилеры – простолюдины.

– Отличившимся дадим титулы. Тех, кто сопровождает нас, произведем в сержанты. Не против?

– Нет! – покрутил головой Родж. – Они достойны. Собираясь в Иорвик, я взял лучших. А ты умеешь уговаривать, Айвен!

Он усмехнулся.

– Пушки у вас есть? – спросил я.

– Батарея, – кивнул он. – Пойдем с артиллерией?

– Непременно. Добрым словом и пушкой можно добиться гораздо большего, чем только добрым словом.

Родж засмеялся.

– Ложись спать, советник! – сказал он, вставая. – У тебя глаза слипаются. За королеву не беспокойся. Знаешь, как парни ее зовут? «Крошка Бетти». Она им жутко нравится, да и мне – тоже.

Он вздохнул и удалился. Я потащился к шалашу, где повалился на заботливо разостланную рядом с ним попону. Мирка немедленно устроилась у меня на груди. «Крошка», – подумал я, проваливаясь в сон, – это хорошо...»

Глава 12

С засадой мы столкнулись на третий день. К этому времени Бетти уже уверенно держалась в седле и более не напоминала сороку, прыгающую на заборе. Медицинский клей заживил раны, потертости исчезли, так что выглядела королева вполне довольной. Мы миновали горный участок, спустились в долину и рысили лесом, когда навстречу вылетел наш дозор.

– Засада! – подскакав, крикнул один фузилеров. – Гвардия!

Родж выругался, солдаты защелкали курками.

– Сколько их? – спросил Родж.

– Не рассмотрел, – виновато сказал дозорный. – Заметили красные мундиры – и назад.

– Они вас видели? – вмешался я.

– Не знаю! – пожал плечами фузилер.

Дозор, млять... Я соскочил на землю.

– Схожу, проверю.

– Ты? – удивился Родж.

– Я умею передвигаться по лесу скрытно. Меня этому учили.

– Хорошо! – согласился капитан. – Только возьми Оли. Он сын лесника.

Я кивнул. Невысокий худощавый фузилер соскользнул с седла и взял на изготовку мушкетон.

– Оставь! – велел я. – Стрелять нельзя. Нашумим – прибегут остальные.

– А если заметят нас? – возразил солдат.

Я сунул указательный палец в рукав и зацепил им кольцо. Раз! Нож черной змейкой мелькнул в воздухе и задрожал, воткнувшись в ствол сосны. Два, три, четыре! Еще три клинка, вонзились рядом, образовав почти правильный квадрат со стороной не более мизинца.

Родж изумленно свистнул и покрутил головой. Лица солдат выражали не меньшее удивление, а глаза у Бетти стали квадратными. Они же не видели моих упражнений в Иорвике. Я сходил к дереву, вытащил клинки и водворил их на прежнее место.

– Сколько у тебя таких ножей? – спросил капитан.

– Восемь.

– Когда я вел тебя к съёрду, они были?

– Разумеется.

– Почему не сказал?

– Ты не спрашивал.

Родж засопел и негромко выругался.

– Идем! – сказал я Оли.

...Место для засады наши противники выбрали грамотно. Лес, которым мы шли, стал редеть. Зато с обеих сторон к дороге подступили высокие холмы. Склоны крутые – верхом не взберешься. Да и без коней сложно – я попробовал и убедился. Ладно, мы-то влезем, но вот Бетти придется втаскивать на веревках. Засаду мы обойдем, но останемся без лошадей. А до Нима – десятки миль. У нас оружие, снаряжение, провиант... Тащиться придется несколько дней. К тому времени засада поймет: пташка упорхнула. Что станет делать? Снимется и пойдет в Ним. А на дороге – мы. Драться бесполезно: пешему с конным не совладать...

Засаду мы услышали прежде, чем увидели. Из-за придорожного кустарника доносился стук топоров и громкие голоса. Я сделал Оли знак и, пригнувшись, скользнул к кустам. Сын лесника бесшумно последовал за мной. Родж дал мне доброго спутника: подкрадываться Оли умел.

У кустов я лег и осторожно ввинтился меж веток. Оли полз рядом. Из-за того что мы находились на склоне, происходившее внизу было видно как на ладони. Там кипела работа. Поселяне валили на склонах тонкие деревья, обрубали с них ветки и тащили вниз. Там сооружали рогатки, которыми преграждали дорогу. В стороне, восседая на небольшом стульчике, наблюдал за происходящим офицер. На нем был расшитый золотом камзол и шляпа с таким же галуном. Вокруг стояли, сидели или лежали солдаты в красных мундирах.

Диспозиция ясна. Отряд гвардии пригнал из близлежащего селения пейзаж для обустройства засады. Самим лениво – они же благородные. Рогаток много, значит, работают с утра. К полудню закончат. После чего пейзаж отправят обратно и станут ждать нас. Похоже, у Дигганов все схвачено. Они не зря снабдили Роджа графиком. Зная день его прибытия в Иорвик, легко просчитать и время обратного выезда. Они не учли одного: мы скачем быстро. Ждут нас позже, поэтому беспечны: часовые не выставлены, солдаты занимаются своими делами, мушкеты – в козлах. Лошади – и те расседланы и пасутся в отдалении. Фузилеров гвардейцы не заметили, иначе суетились бы. Славно!

Я пересчитал красномундирников. Восемнадцать. Не так много. С другой стороны: зачем больше? Дело-то щекотливое. Больше солдат, больше свидетелей. Каждому нужно заплатить: если не деньгами, то титулом. Не напасешься... Двух десятков врагов для нас – с лихвой. Залп

из мушкетов, и уцелевших добивают из пистолетов или холодным оружием.

Внезапно двое из гвардейцев встали и направились в нашу сторону. Заметили? Мой напарник дернулся и попытался отползти.

– Лежи! – прошипел я.

Оли замер. Гвардейцы двигались к нам не спеша и выглядели беспечно. Не похоже, что заметили лазутчиков. Мое предположение подтвердилось. Не доходя кустов, гвардейцы повернулись и почти синхронно спустили штаны. Присели. Характерный звук и не менее характерный запах...

– Пора бы и обед привезти, – сказал один из восседавших в позе орла. – Пип с Рэдом не торопятся.

– Простолюдинок щупают! – хохотнул другой.

– Нашли кого! – хмыкнул первый. – Тощие и грязные. У меня вон свидание сорвалось.

Он вздохнул.

– С черрой Элли? – спросил второй.

– С ней. Месяц осаждал, столько серебра потратил! А когда согласилась, нас – сюда!

– Дождется! – сказал второй. – Сказал, что вернешься лэндом?

– Не успел.

– Сама узнает. На шее повиснет.

– Нам бы только эту сучку поймать! Не поедет она этим путем.

– Рилли считает наоборот, поэтому здесь. У съёрда чуйка, словно у охотничьего пса. Поймаем!

– Она хоть хорошенькая?

– Говорят, рыжая.

Первый сплюнул.

– Зато королевской крови! – хохотнул второй. – После того как прикончим фузилеров, попроси девку в пользование. Рилли даст. Будешь рассказывать потом, кого мял.

– И попрошу! – хмыкнул первый. – А что? Все равно убивать – не пропадать же добру!

Он заржал, затем встал и подтянул штаны. Второй последовал его примеру. Гвардейцы зашагали вниз, а я, тронув Оли, дал знак отползать.

– Что предлагаешь? – спросил Родж, когда я поведал о засаде.

– Выхода два. Бросить коней и пробираться пешком или напасть на гвардейцев. Я – за второе.

– Гвардейцев восемнадцать! – покачал головой Родж. – К обеду

подтянутся еще. Вдвое больше, чем нас. Не справимся.

– А мы не будем атаковать их в лоб. Подкрадемся и выстрелим в спины.

– Это неблагородно! – возразил Родж.

Я мысленно вздохнул. Вот ведь осел! В России с заблуждением, что следует воевать по правилам, покончили в 1812 году. Тебя собираются убивать, а ты строишь из себя лорда.

– Расскажи, Оли! – велел я. – Все, что мы слышали от гвардейцев.

Солдат, косясь на Бетти, заговорил. По мере рассказа лица фузилеров каменели. У Роджа вдобавок побагровело. Ноздри Бетти затрепетали. Оли закончил и смолк.

– Еще возражения будут? – спросил я. – Нет? Тогда распределим роли...

* * *

Всадник показался на дороге в разгар обеда, поэтому заметили меня не сразу. Я разглядел, что простолюдины, закончив работу, ушли, а красномундирные расположились на траве, жуя и прихлебывая из кувшинов. Ласка встала перед рогатками, и только в этот момент на меня соизволили обратить внимание.

– Стой! – заорал один из гвардейцев, бросаясь ко мне. Следом устремился другой. Часовые, епть!

– Я и так стою! – сообщил я олухам. – Уберите рогатку, мне нужно ехать.

– Это мы будем решать: ехать тебе или нет! – рявкнул один из гвардейцев, вытаскивая из-за пояса пистолет. – Слезай!

– Я черр Айвен, лэнд Данли! – возмутился я. – Как смеете?!

– Очень даже смеем! – ухмыльнулся гвардеец. – Шевелись! Не заставляй повторять дважды. Съёрд Рилли не любит ждать.

Изобразив на лице обиду, я спрыгнул на землю. Гвардейцы немедленно вытащили у меня из-за пояса пистолет и сняли перевязь со шпагой. Вот и ладненько. Шпагой я владею, как медведь зубочисткой, а пистолет и вовсе кремневый. Одолжил его у Роджа для антуража. Мой «Дерринджер» – за поясом под полой камзола. Достаточно сунуть руку...

Меня отвели к главарю – по-иному я звать его не хотел. Пусть он съёрд и старший брат вдовствующей королевы, но, по сути, – бандит. Его гвардейцы такие же. Хладнокровно готовить убийство и изнасилование

девочки... Стоп! Что-то я завожусь. Пожалуй, рано.

Рилли даже не встал со своего стульчика. Когда меня подвели, уставился на меня. Я сделал то же. Мы молча сверлили друг друга взглядами. Брату Карри на вид было под сорок. Обрюзгшее лицо с густой сеткой капилляров на щеках и носу – пьет много. А вот глаза, маленькие, будто у кабана, умные. Рожа – хитрая. Царедворец и интриган. При жизни Харри отирался у трона, изображая преданного соратника. Когда король умер, свернул его реформы. Сестра и племянник стали игрушками в его руках. Официальный титул: первый съёрд Алитании, второй человек в королевстве после короля. Де-факто – первый. Жаден, коварен и очень предусмотрителен. Убедиться, что дочь Харри мертва, прибыл лично. Чрезвычайно опасен. Оставить его в живых – все равно что пустить черную мамбу в свою постель.

В глазах Рилли скользнул лед, и я ощутил пробежавший по спине холодок. Взгляд съёрда взвесил меня и приговорил. Бедный черр, путешествующий в одиночку... Лишний свидетель.

– Кто, откуда и куда? – отрывисто бросил Рилли.

– Черр Айвен, лэнд Данли, – сообщил я. – Следую из Иорвика в Ним.

– Зачем?

– Искать службу при дворе.

– Тебя там ждут? – хмыкнул он.

– Король Эван умер, – пожал я плечами. – На престол взойдет кто-то другой. Самое время искать места.

– Откуда знаешь, что Эван умер? – насторожился Рилли. – Об этом не объявляли.

– В Иорвик приехали фузилеры, они сказали. Еще оказалось, что черра Бетти – дочь короля Харри, и ее повезут в Ним. Узнав это, я оседлал кобылку и поскакал.

– А дочь короля?

– Отправилась другим путем.

– Почему ты не с ней? Хороший способ познакомиться с будущей королевой.

Углы рта Рилли тронула усмешка – очень легкая и очень презрительная. Я сделал шаг вперед и склонился. Он маленький, этот Рилли, да еще на стульчике, а мне надо наверняка. Бросать нож нельзя, только тычком. Гвардейцы, стоящие по бокам Рилли, напряглись, но он сделал знак не беспокоиться.

– Я думаю, съёрд, что дочь короля Харри в Ниме не слишком ждут. Поэтому решил прибыть раньше и осмотреться. Когда на трон всходит

другой король, важно не опоздать.

Я выпрямился и сложил руки на груди. Смотрите, какой я умный! Все предусмотрел.

– Ясно! – ухмыляется Рилли. – Вот что, Айвен, или как там тебя. Не знаю, что ты себе вообразил, но сейчас ты врешь – нагло и бессовестно. Никто в здравом уме не поступил бы, как ты. Он побежал бы к королеве и на коленях умолял взять его с собой. Если б отказали, потащился следом. Думаю, что ты лазутчик и послан вынюхать, свободен ли путь. Я прав?

Однако! Легенду я сляпал наспех, но, кажется, перемудрил. Здесь не в ходу тонкие интриги. Все грубо и просто. Появилась ненужная претендентка на трон? Убить! Ее спутников – тоже. После чего раздать плюшки. Рилли умен, но главного он не просек. Он – покойник, и все его люди – тоже. Фузилеры заняли позиции в кустах. Их можно разглядеть, только смотреть некому. Гвардейцы столпились около меня и Рилли. Им интересен дурак, который решил поводить за нос съёрда. Пора!

– Жаль, черр! – вздохнул я. – Вам следовало мне поверить.

Брови Рилли поползли вверх.

– Вы не оставили мне выбора.

Съёрд попытался что-то сказать, но опоздал. Я не зря складывал руки на груди. При этом пальцы как бы незаметно скользнули в рукава и нащупали кольца ножей...

Рилли хрипит и хватается за горло. Поздно – клинок вошел в него по самое кольцо. Стоявшему справа гвардейцу втыкаю лезвие в печень. Он ойкает и оседает. Того, что слева, со всей дури бью сапогом в голень. Там у меня протез, если кто помнит, и он очень прочный. Треск кости, гвардеец орет и падает на траву. Этот отбежался. Отскакиваю и несусь в примеченную заранее ложбинку. Нырок! Рука – под камзол, ладонь охватывает рукоять «Дерринджера», большой палец тянет спицу курка.

Бах! Бах!

Два гвардейца, устремившиеся за мной, суются носами в траву.

Тр-р-рах!

Над поляной кто-то с треском раздирает толстую ткань. Залп из десяти мушкетонов – это очень громко и смертоносно. Мои выстрелы были для солдат сигналом. Сквозь клубы порохового дыма вижу, как валяются красномундирники. Сколько вас было, двадцать? Теперь от силы – шесть-восемь. В ствол мушкетона кладут свинцовые шарики величиной с фасоль. Раструб на конце ствола помогает им разлететься. Мушкетон – оружие кавалериста. С седла трудно целиться, поэтому рой пуль увеличивает вероятность поражения противника. А выпалить по толпе – и вовсе песня,

ни одна пуля не пропадет. Врагов требовалось собрать в кучу, что нам и удалось.

Переламываю «Дерринджер», гильзы летят в траву. Снаряженные патроны ныряют в казенники, щелчки запираемых стволов и вставшего на боевой взвод курка. Выскальзываю из ложбинки и ползу в сторону. Нужно уйти с линии огня – это раз. Второе – не допустить, чтобы гвардейцы прорвались к лошадям. Весть об истреблении засады не должна уйти в Ним.

Неподалеку трещат пистолетные выстрелы. Гвардия опомнилась и пытается дать бой. Глупо. Пятьдесят шагов для кремневого пистолета – очень много. Убить-то пуля убьет, но попасть трудно. А из мушкетона – запросто. Парни перезаряжаются, выцелят уцелевших... Мушкеты гвардии остались в козлах, к ним не бросились. Идиоты... Пороховой дым щекочет ноздри – нанесло. В двух шагах человека не разглядеть. Встаю и, пригибаясь, бегу к лошадям. Вот они, родимые! Подняли головы, прядают ушами, но стоят. Кавалерийские кони, умнички...

В отдалении гремят мушкетоны. Пошел отстрел уцелевших. Теперь, главное, не спешить. Никуда гвардия не денется. Разгром полный и окончательный.

Чу, топот! Бегут – и явно сюда. Нашлись умные, сообразили. Вскидываю «Дерринджер». В дыму появляется красное пятно. Бах! Пятно исчезает. Два шага в сторону. Бах! Это мне в ответ. Неплохо! Если б не ушел, словил бы пулю. Ответный выстрел! «Дерринджер» дергается в руке. Стон...

Торопливо перезаряжаю пистолет, стою, слушаю. Сквозь пороховой дым видно плохо, но желающие ускакать, похоже, кончились. Выстрелы на поляне стихли, слышны лишь крики. Финальная часть балета... Осторожно, по дуге, двигаюсь вперед. Дым рассеивается, и на зеленой траве проступают красные пятна. Один из гвардейцев не шевелится, по позе видно – труп. Второй сидит, придерживая левой рукой правую. Лицо искажено, у ног валяется пистолет. Вот, значит, кто в меня стрелял.

Подхожу ближе.

– Я сдаюсь, черр! – выпаливает гвардеец. – Я ранен и не опасен.

А голос-то знакомый, да и рожа – тоже. Медленно, чтобы он видел, взвожу курок. В побелевших глазах плещет страх.

– Я гвардеец, черр! – частит он. – Сквайр! Меня нельзя убивать.

– Благородный, значит?

Он кивает – часто-часто.

– Это ты хотел просить съёрда отдать тебе дочь короля Харри?

Собирался изнасиловать девочку, а после убить. Ведь так? А теперь скажи: это по-благородному?

В его глазах – ужас. Мушка ползет вверх и останавливается ровно посередине белого лба. «Дерринджер» дергается. На зеленой траве теперь – два трупа в красных мундирах. Вокруг головы одного – серые и красные брызги.

Сую пистолет за пояс и иду на дорогу. Ласка на прежнем месте. Как привязали гвардейцы, так и стоит. Завидев меня, кобылка тихонько ржет и тянется губами к лицу. Тревожилась. Цел я, милая, цел! Треплю ее по шее и лезу в седельную сумку. Рука нащупывает стекло. Зубами вытаскиваю пробку и сплевываю ее на дорогу. Глоток...

– Айвен?

Оборачиваюсь: Родж! Бежит ко мне, лицо встревоженное.

– Мы обыскались тебя. Думали: убили.

Пытались. Из желающих убить меня стоит очередь. И красномундирники в ней были не самые умелые.

– Будешь? – протягиваю ему бутылку. Родж берет и прикладывается к горлышку. Пьет жадно, кадык ходит по горлу вверх-вниз. Возвращает бутылку и вздыхает:

– Оли убил.

Киваю: ожидалось. Потерь в схватке не избежать. Почти не знал сына лесника, но горько...

– Остальные?

– Бад и Диззи ранены, легко.

Этими я займусь.

– Гвардейцы?

– Добили. Ребята озверели. Оли хотел помочь раненому, а тот пырнул его стилетом. Парни взялись за палаши...

Правильно сделали, что добились.

– Собираем трофеи. Тут вот что, черр...

Родж смотрит в землю.

– Говори!

– В стульчике Рилли нашли мешок с золотом, большой. Не меньше тысячи крон...

Так вот, значит, отчего съёрд не вставал! Боялся за свое золото даже в окружении гвардейцев. Ну, и гадючник у них...

– Рилли убил ты...

Ясно. Кто убил – того и добыча. А парни нашли свое золото, и оно им понравилось...

– Деньги пересчитать и зачислить в кассу полка. Пойдут на выплату жалованья. Парням выдать двойное, раненым – тройное. У Оли осталась семья?

– Сирота. После смерти отца пришел в полк.

– Его долю – на поминальные службы в храме. Себе возьми... Сколько положено.

Надеюсь, аппетит у Роджа умеренный.

– А вам, черр?

– Мне не нужно.

В глазах Роджа изумление. Отказаться от добычи? Выдерживаю взгляд. Удивление сменяет понимание. Лэнд Айвен – советник королевы. Что ему тысяча крон?

– Что делать с лошадьми?

– Отгоним в полк. Парни пусть выберут себе, каких захотят. Снаряжение и оружие – само собой.

Губы Роджа расплываются. Кони у гвардейцев отличные. Седла, пистолеты, шпаги – тоже. Пусть! Фузилеры явятся в полк на рысаках, с золотом в кошельках – живой пример щедрости королевы. После чего нас мигом полюбят. На руках к трону понесут.

– Что делать с убитыми?

– Оли – похоронить, гвардейцев – бросить.

– Они же не гленцы! Свои...

Опять это благородство...

– У нас мало времени. Будем проезжать через селение, скажем простолюдинам. Они закопают.

– Перед этим обдерут трупы до нитки.

– Мертвым не нужно.

Делаю вид, что не заметил осуждающего взгляда. Поднимаю с земли пробку и ударом ладони загоняю ее в горлышко.

– Поторопись, полковник! Мы здесь долго провозились.

– Слушаюсь, черр!

В глазах Роджа – не разобрать: то ли почтение, то ли восторг. Это с чего? Ах, да, я назвал его полковником...

– Где Бетти?

Королеву мы оставили с лошадьми под присмотром Мирки. Выделять солдат для охраны я не стал – каждый ствол на счету. Правда, Их Величество рвались в бой, дескать, умеют стрелять. Пришлось пообещать, что свяжу. Проняло.

– Я отправил за ней человека, черр!

– Да не тянись ты так! – морщусь.

– Простите, черр. Просто я... Представить не мог, что десять фузилеров положат двадцать гвардейцев, потеряв при этом лишь одного своего. Никогда бы не поверил, если б такое сказали. Теперь понимаю, почему Ее Величество выбрала вас. Хочу заверить: я с вами, черр! Мы с вами!

Куда вы из колеи денетесь?..

* * *

Перед тем как стать на бивак, отряд заехал в селение. На единственной его улице к нам подбежал простолюдин в поношенной одежде и низко поклонился.

– Я староста! – сообщил, выпрямившись. – Чего угодно благородным черрам?

– Пожрать и выпить, – сообщил Родж.

– Прошу прощения, черр! – развел руками староста. – Гвардейцы забрали все. А выпивки у нас не водилось. Хлеба нет, а тут торч гнать!

Родж нахмурился и потянулся к палашу. Я тронул его за плечо и выехал вперед.

– Вот!

Я вложил в ладонь старосты крону. Тот мгновение ошарашенно разглядывал монету, затем сжал ее в кулаке.

– Мясо, хлеб, свежие овощи и торч на всех, – перечислил я. – Это не все. На пути к Иорвику лежат убитые гвардейцы. Их надо похоронить. Только смотри, чтоб трупы не ободрали!

Я заговорщицки подмигнул старосте. В глазах его мелькнуло понимание.

– Не извольте беспокоиться, черр! Все сделаем, как надо!

Он убежал и вскоре явился во главе процессии. Пейзане в поношенной одежде тащили битого поросенка, окорок, несколько свежих хлебов, кувшины с торчем, корзинку с овощами и еще одну с яйцами. Фузилеры, прыгнув с седел, стали принимать провизию.

– Продувные бестии! – проворчал Родж. – А говорил, что ничего нет. Одежда поношена, а рожки сытые. Прикидываются бедными. Высечь бы их!

– Некогда! – уgomонил я новоиспеченного полковника. – Нас ждет Ним!

Выезжая из селения, мы увидели на улице десяток пейзан во главе со

старостой. С лопатами на плечах они спешили к месту боя. Родж при виде этой картины вздохнул и плюнул.

Бивак разбили на берегу речушки. Близ хлопотал у костра, а я занялся ранеными. Родж не соврал: ничего серьезного, CID не понадобился. Я продезинфицировал и зашил раны, после чего отправил солдат к костру. Когда поспел ужин, фузилеры расселись у костра. Кувшин с торчем пошел по рукам. Мы с Бетти пить отказались. Фузилеры только обрадовались – их порции возросли. Солдаты ели, пили и, насытившись, затянули песню. Я подхватил обожравшуюся Мирку и пошел к реке. На берегу сел и снял с пояса флягу. Но не успел поднести ее ко рту, как за спиной послышались шаги. Бетти...

– Оли погиб, а они поют, – сказала королева, присаживаясь рядом. – Разве так можно?

– Они рады, что уцелели, – сказал я. – На месте Оли мог оказаться любой из них. Это солдаты, Ваше Величество, они привыкли к смерти.

– Все вами восхищаются, – продолжила Бетти. – Говорят: убили пятерых.

– Четверых.

– Вам их не жалко?

Я приложился к горлышку.

– Можно и мне? – попросила Бетти.

Я протянул ей флягу. Она глотнула и закашлялась.

– Гадость!

Я забрал флягу.

– Вы не ответили на мой вопрос, Айвен! Что вы чувствуете, когда убиваете людей?

Я почесал Мирку за ушком. Та стрекотнула.

– Первый человек, которого я убил, Ваше Величество, был школьным учителем. Однажды он взял пистолет, взрывчатку – порох по-вашему, – пришел в школу и захватил в заложники целый класс. После чего объявил, что убьет всех, если не получит миллион золотом и возможность уехать. В подтверждение своих слов убивал по ребенку каждый час. Прежде чем мы появились, застрелил троих...

Я смолк. Учитель был европейцем, кажется, из Португалии. В Африке он проработал десять лет. Его любили дети и очень хвалили в миссии. Что переключило в португальских мозгах, так и не узнали.

– Как вы его убили?

– С задней стороны здания забрался на чердак. Климат там жаркий, поэтому потолков в школе не было. Я по балкам прошел к классу и

выстрелил сверху.

Учителя я ранил – хотел взять живым. Но когда он упал, дети набросились на убийцу. Молотили всем, что попало в руки. Я спрыгнул и попытался вмешаться – меня отшвырнули. Когда вбежали солдаты, учитель годился лишь на жаркое. Африка...

– Что я испытал в тот момент, Ваше Величество? Огромную радость. В классе было сорок детей, тридцать семь из них уцелели. Сегодня я не убивал людей, Ваше Величество, их там не было. Тот, кто взял в руки оружие, чтобы нести смерть невинным, перестает быть человеком. Он превращается в злобную и опасную тварь. Тем самым он сам вычеркивает себя из списка живых. Были ли у гвардейцев матери, жены и дети? Не знаю. Честно говоря, мне на это плевать. Я рад, что они умерли, а мы с вами – живы. Я ответил на ваш вопрос, Ваше Величество?

Бетти положила ладошку мне на руку.

– Простите, Айвен!

– Ничего страшного, Ваше Величество. Меня о таком уже спрашивали. Катя. Ее это очень интересовало...

– Я рада, что вы со мной, Айвен! Спасибо! Можно взять Миранду?

– Она обожралась, поэтому тяжелая. Не даст спать.

– Я потерплю.

Бетти забрала Мирку и унесла. Я спустился к воде, отстегнул протезы, и погрузил культы в реку. Блаженство! За три дня я пропах потом – конским и своим – до самых костей. Приедем в Ним, закажу себе ванну и буду отмывать. И пусть все идет лесом!

Глава 13

– Отважные фузилеры! Славные сыны Алитании! Братья! К вам обращаюсь я, друзья мои!

Голос у Бетти звонкий, девичий, но громкий – слышно каждому. Ну, так и слушателей немного. Полки в Алитании небольшие: четыре роты по двести человек в каждой, плюс батарея. К тому же битва у Иорвика проредила фузилеров. В строю шестьсот семьдесят три человека. Цифра точная: фузилерам вчера выплатили жалованье. По кроне солдату, по две – сержантам, по пять – офицерам. Благо пехотных офицеров в полку всего четверо, не считая Роджа, а сержантов – восемь. У артиллеристов один фейерверкер и четверо его помощников. По-нашему говоря: командир батареи и командиры орудий. Так что золота, взятого у гвардейцев, почти хватило, я только чуть добавил. Сволочью был покойный съёрд Рилли, но здесь помог, хотя и невольно. Одно дело пообещать, другое – выдать деньги. Лица у солдат из-за этого довольные, слушают с восторгом. Еще бы! Когда это монарх звал их братьями и друзьями? Офицеры-то нороят больше по морде, а про сержантов и говорить нечего. Королевский двор от солдата далек, как луна на небе.

Бетти говорит взволнованно, чуть с надрывом. Обстановка способствует. Королева стоит на пушечном лафете, рядом – полковое знамя и караул с обнаженными палашами. Все предусмотрено: и антураж, и слова. После боя с гвардейцами мы занялись сценарием. Четверо фузилеров ускакали готовить полк, а мы двигались следом, заучивая слова. Удачный экспромт – это хорошо подготовленный экспромт. Подходящую речь я нашел в импланте. Некогда товарищ Сталин зажигал ею сердца. Нам тоже требуется. Пришлось, конечно, отредактировать под текущий момент. Черная клика Дигганов покусилась на завоевания славного Харри. Покойный король радел о подданных. «Утром мажу бутерброд, сразу мысль: а как народ?..» Харри видел в благородных не жирующих паразитов, а защитников Отечества. «Слуга царю, отец солдатам...» При нем народ жил сытно и счастливо. (Торч был слаще, а девки толще.) Враги Алитании дрожали в страхе. (Драчливым был покойный Харри – это точно.) Но тут пришли Дигганы и все изгадили. Они разворовали казну, пировали во дворцах, швыряя золото любовницам, в то время как бесстрашным солдатам не платили жалованья. (Лица фузилеров суровеют: точно не платили, гады!) В результате Глен напал на королевство. Только

отвага и самопожертвование фузилеров и других полков позволили справиться с супостатом. Но Дигганы не унялись. Им плевать на страну, они ищут власти. Уморив любимого брата королевы (не страшно, что Бетти Эвана в глаза не видела), мерзкая клика задумала убить и единственную законную наследницу трона. Убийц возглавил Рилли, первый съёрд королевства, гнусное отродье проклятого рода. Если б не храбрые фузилеры... Они разнесли гвардейцев, показав, кто в Алитании настоящий солдат, а кто лишь носит мундир...

В строю – смех. Каждый род войск в армии считает себя круче остальных. Так было во все времена, так будет и впредь. Фузилеры надрали гвардии зад – чего ж не радоваться?

– За измену короне объявляю Нимский полк гвардии раскассированным! Все служившие в нем изгоняются со службы без выплаты выходного пособия и права ношения мундира.

Заодно денег сэкономим. Жалованье гвардейцев останется в казне.

– За заслуги перед Отечеством полк конных фузилеров возводится в ранг гвардейского. Вам пошьют новые мундиры и увеличат жалованье вдвое. Виват, гвардия!

Единодушный рев сотен глоток. А вы бы не радовались?

– Осталось последнее, мои гвардейцы: выкорчевать измену в столице. На Ним!

– На Ним! – кричит Родж, выхватывая из ножен палаш.

– На Ним! – оглушительно ревет полк.

Взвизгивают трубы, гулко ударяют барабаны. Роты слаженно перестраиваются и маршируют к воротам. Хороший у Роджа полк! Бетти подводят трофейного жеребца. На нем, надо полагать, ездил Рилли: конь хорош, и сбруя богатая. Королева легко запрыгивает в седло – наловчилась. Жеребец нетерпеливо переминается с ноги на ногу – застоялся. На Бетти фузилерский мундир, отглаженный и вычищенный (у нас была ночь), за поясом – «Дерринджер», на перевязи – шпага (самая богатая из трофейных). Шпагой Бетти владеет, как Мирка пистолетом, но антураж следует блюсти. Типа, идем на войну. Трепещи, Ним!

Даю Ласке шенкеля и пристраиваюсь рядом с королевой. Фузилеры, сопровождавшие нас в дороге, окружают нас. На рукавах – сержантские нашивки: успели обзавестись. Родж в шляпе полковника скачет во главу колонны. Роли расписаны и утверждены. В путь!

До Нима рукой подать. Лагерь фузилеров располагается неподалеку от города и окружен валом. Это помогло сохранить приготовления в тайне: внутрь не впускали, за периметр не выпускали. Желających предать,

впрочем, не нашлось: Дигганы достали всех. Бывшего полковника, попадись он фузилерам, растерзали бы не задумываясь. Но съёрд третьего дня ускакал к тетушке, он вообще не часто удостаивал своим присутствием вверенный ему полк. Повезло гаду!

Голова колонны втягивается в городские улицы. Нас тут не ждали, поэтому не задерживают. Смотрю по сторонам: тот же Йорвик, только фасады у домов поуже да этажей побольше. Подобную архитектуру я видел в старом Амстердаме. Земли в городе мало, поэтому дома стоят плотно и тянутся вверх. В узких окнах любопытные лица – идем с трубами и барабанами. Прохожие глазают изумленно – не принято здесь полкам маршировать по столице. Зато прыгают и восторженно кричат вездесущие мальчишки. Грохочут по мостовой окованные железом колеса пушек. На лафетах восседают фейерверкеры с тлеющими фитилями. Королева Бетти вступает в Ним...

На большом перекрестке строй разделяется, роты следуют каждая по своему маршруту. У нас все ходы расписаны: почта, телеграф, телефон... Вернее: королевский дворец, казна, арсенал и Гремплъ – местная Бастилия, где содержат узников, а заодно хранится запас пороха. Казармы гвардейцев блокировать нет нужды – они разъехались на летние вакации. Флаг им в руки и барабан на шею, не станут под ногами путаться. С десятков гвардейцев охраняет королевский дворец – для проформы. Вдовствующей королевы в нем нет – уехала в загородную резиденцию. Летом в Ниме трудно дышать: помои и содержимое ночных горшков вываливают прямо на улицы. Все это прееет, испуская жизнеутверждающее амбре. Мы активно им дышим. В Йорвике Оливер с этим разобрался, обязав владельцев домов поддерживать на улицах чистоту. Нерадивых безжалостно штрафовал. В Ниме не до того – здесь власть делят.

Королевский дворец встречает запертыми воротами. Солдаты принимаются в них колотить. На шум появляется гвардейский офицер, с ним – двое солдат. По ромам видно: не просыхали ночь.

– Кто такие? – цедит офицер. – Почто ломитесь?

– Перед тобой Ее Величество королева Бетти Первая! – чеканит Родж. – Открывай! Немедленно!

– Бетти? – офицер пожимает плечами. – Не знаю такой. Ее Величество королева Карри находится в загородном дворце. А Бетти пусть катится.

Офицер сплевывает под ноги коню полковника. Это он зря. Родж выхватывает из ножен палаш. Зловещий блеск стали, глухой удар, и офицер снопом падает на мостовую. Фузилеры скидывают к плечам мушкетоны.

– Кто еще не знает королеву Бетти? – интересуется Родж.

Я мысленно аплодирую: молодец! Роджа, после того как мы упокоили гвардейцев, не узнать: решительный, дерзкий. Понял, что отступать некуда. Ошеломленные гвардейцы молчат. Новоиспеченные сержанты спрыгивают с коней, обезоруживают их, сдирают красные мундиры, после чего гонят прочь. Двое оттаскивают в сторону оглушенного офицера: палаш Роджа врезал ему плашмя. Фузилеры, заскочив в калитку, распахивают перед нами ворота.

– Вперед, гвардейцы! – командует Родж, указывая палашом на дворец. – Выкиньте оттуда краснопузую сволочь. Заодно гоните во двор весь курятник. Посмотрим, кто тут яйца несет!

Фузилеры с ревом устремляются к дворцу. Надеюсь, мебель уцелеет. Мы с Бетти подъезжаем ближе. Так себе дворец у алитанских королей. Правильно Родж сказал: «курятник». Двухэтажное приземистое здание с колоннами по фасаду, узкие окна с частыми переплетами. Над широким крыльцом просторный балкон – человек тридцать поместится. Наверное, Харри любил здесь сиживать, наблюдая за работой слуг. Просторный мощный двор окружен бесчисленными постройками. Конюшни, сараи, ледники... Многие выглядят непритязательно. Да уж! Стоило возводить дворец, чтобы окружить его сараями?

Из распахнутых дверей дворца фузилеры выволакивают мужчин в красных штанах и белых рубахах. Подталкивая их в спины прикладами, гонят к воротам. Это гвардейцы, с них содрали мундиры. Жестоко, но необходимо. В Нимском полку даже солдаты из благородных. Служить в гвардии престижно, желающих носить красный мундир в разы больше, чем вакансий. Устроиться в полк можно лишь по протекции. Кто ее оказывал? Правящая семья, читай – Дигганы. Следующий вопрос: кому? Преданным им людям. Засада на дороге не зря состояла из красномундирников. Оставить их в столице – получить незаживающую язву. Заговоры, бунты... Нам это нужно? Поэтому никакой терапии, только иссекающая хирургия.

Из дверей вытекает поток людей: женщины, мужчины и даже подростки обоих полов. Прислуга... Все выглядят испуганными. Их можно понять. Ворвались какие-то с оружием и, ничего не объясняя, вытолкали во двор. Ручеек обслуги течет и из хозяйственных построек: конюхи, псари, повара... Фузилерам дана команда найти и вытащить всех. Вскоре перед крыльцом собирается внушительная толпа: много народу кормится у королевского трона! А ведь часть слуг вдовствующая королева Карри увезла с собой в загородный дворец.

Фузилеры закончили сбор и окружили плотно сбитую толпу. Повернувшись к ней лицами, сжимают мушкетоны. Вдруг у кого умысел на

королеву? Еще немного, и слуги обделаются. Трогаю бока Ласки коленями и подъезжаю ближе. Бетти устремляется следом. Вот это напрасно: вдруг у кого пистолет? Однако предупредить королеву не успеваю.

– Да это же крошка Сью!

По толпе будто бежит волна. Могучий линкор раздвигает людское море форштевнем. Вернее, двумя. Фузилеры заволновались, но подъехавший Родж делает знак не мешать. Форштевни линкора вызывают у нас невольное уважение. Обладательница могучего бюста выбирается из толпы и подбегает к Бетти. Круглое лицо с заметными усиками, на губах – счастливая улыбка.

– Живая! – она гладит Бетти по ноге. – А говорили, что умерла. Деточка моя...

Дама всхлипывает и трет глаза кулаком. Похоже, нас ждет водопад слез. Пора ставить плотину.

– Вы кто будете, почтенная?

Дама шмыгает носом и поворачивается ко мне.

– Королевская мамка, черр! Эту кроху, – она тычет пальцем в Бетти, – я грудью кормила. Она была маленькой, но ела за троих. Так жадно сосала!

Бетти пунцовеет. Родж отворачивается, пряча улыбку. Я сам едва сдерживаюсь.

– Я и принца Эвана выкормила, – продолжает мамка, – ходила за ним. Если бы не его дядя, жил бы мальчик. Говорила им, что кашляет, но они не послушали и потащили на охоту. Погубили дите...

Мамка снова всхлипывает. Опять водопад.

– Как тебя звать, почтенная?

– Мардж, черр!

– Значит, узнала дочь короля Харри?

– Конечно, черр! – обижается Мардж. – Как можно не признать дите, которое грудью кормила? Сью не изменилась.

– Совсем? – спрашиваю и прикусываю губу.

– Ну... – Мардж поворачивается в Бетти и окидывает ее оценивающим взглядом. – Подросла немного.

Взрываюсь смехом. Рядом ржет Родж, хохочут фузилеры и даже прислуга скалится. Одна Мардж недоуменно смотрит на нас, будто вопрошая: «Чего я сказала?»

Смех постепенно затихает. Склоняюсь к мамке и указываю на толпу.

– Кто главный в этом курятнике, Мардж?

– Вы об управляющем, черр?

– Да.

- Здесь он.
- Тащи сюда!

Мардж понимает команду буквально. Раздвигая форштевнями толпу, выволакивает вперед мужичка в помятом камзоле и с опухшей рожей. Щетина на дряблых щеках, сизый нос... Они тут что, поголовно не просыхают? Встав перед мордами наших коней, мужичок испуганно замирает.

– Что скажешь о нем, Мардж?

– Пустое место! – толстуха пренебрежительно машет рукой. – Только и знает, что пить.

– Кто ж его управлять поставил?

– Съёрд Дигган. Он ему родственник.

Ну, да. А как же иначе?

– И много здесь «пустых», Мардж?

– Полно! – вздыхает мамка. – Набрали лодырей. Только и знают, что жрать да денежки из казны тянуть. А работать другим приходится.

– Выводи их туда! – показываю рукой в сторону.

Мардж бросается на толпу, как пастушья овчарка на стадо овец. Один за другим из нее вылетают мужчины и женщины, присоединяясь к дрожащему управляющему. Отделение овец от козлиц идет быстро. Скоро толпа распадается на две части. Козлиц набралось больше. Однако!

– Все! – докладывает Мардж, отряхивая ладони. – Остальные добрые люди.

– Этих, – Родж указывает на козлиц, – за ворота!

– Погоди! – останавливаю. – Нужна печать. Она у управляющего? – спрашиваю у Мардж.

– Нет, черр! У меня.

Мамка лезет в складки своего необъятного платья и протягивает мне маленькую толокушку на деревянной ручке.

– Он все время ее терял, – объясняет Мардж, тыча в управляющего. – Пьяный же постоянно. Вот и прибрала.

Проводить опрос с целью выявления среди дворцовой прислуги лидера не нужно. Он передо мной.

– Ваше Величество! – поворачиваюсь к Бетти. – Как ваш советник рекомендую назначить управляющей королевским дворцом почтенную Мардж.

– Меня?! – охает мамка. – Я ведь женщина, черр!

– Королева – тоже! – указываю на Бетти.

– Я неблагородная.

Гм... Здесь это существенно. Смотрю на Бетти. Та кивает: сообразила.

– У тебя есть муж? – спрашивает Бетти.

– Конечно! – обижается линкор. – У меня шестеро детей. Что же, я их от кого попало родила? Кто бы доверил мне кормить вас, не будь я замужем?

– Отныне твой муж – сквайр! – торжественно произносит Бетти. – А ты, следовательно, – благородная женщина. Будешь служить верно, муж станет лэндом.

– Ох! – Мардж прижимает руки к груди. Вернее, кладет их сверху. Чтобы прижать, руки требуются подлиннее.

– Справишься? – спрашиваю, склоняясь с коня.

– Не сомневайтесь, черр!

– Тогда приступай! Нужно приготовить дворец к проживанию в нем королевы и навести в здании порядок. В полномочиях не ограничиваю. Бери на службу, кого хочешь, увольняй, кого пожелаешь. Понадобится дать кому-то затрещину, не стесняйся, жалоб не приму. Денег не жалею, но расходу с умом. Отчет дашь мне. Спрос будет за результат.

Лицо Мардж приобретает решительное выражение...

* * *

К полудню голова у меня идет кругом, у Бетти, похоже, тоже. Два писца не успевают строчить под нашу диктовку. Указ о восшествии Ее Величества королевы Бетти Первой на трон Алитании. Гонцы повезут его по городам и весям, извещая народ о великой радости. Планируются всеобщие кормления, гуляния и фейерверки. Традиция. Все за счет местных феодалов, и пусть только не раскошелятся! В столицу доложат: не проявили должного рвения... Указ о роспуске Регентского совета. Свою задачу он выполнил, призвав на трон дочь короля Харри, более не требуется – королева совершеннолетняя. Указ об объявлении Дигганов изменниками государства. Страже и верноподданным королевы предписывается их задержать, а задержав, представить – в смысле приволочь в Ним. На вдовствующую королеву указ не распространяется – формально она не при делах. Да и стремно сажать мать только что умершего короля. Указ о раскассировании Нимского гвардейского полка. Нет более в королевстве красномундирников. Указ о даровании звания гвардейского полку фузилеров. Полковничий патент Роджу, сержантские – нашим спутникам. Сержант гвардии приравнивается к офицеру, поэтому

патент подписывает королева. Указ о даровании новоиспеченным сержантам титулов сквайра, Роджу – съёрда. Обещания нужно держать.

На новоиспеченных сержантов у меня планы. В полку для парней нет вакансий, а выгонять одних, чтобы ставить других, неправильно. У королевы нет личной охраны, у средневековых монархов она и на Земле отсутствовала. Считалось, что короля защитят преданные ему дворяне. Как эти ребята защищали, известно по судьбе Генриха IV. Зарезали французского короля, словно курицу... Наши сержанты – ребята крепкие, ловкие, в бою с гвардейцами проявили себя с лучшей стороны. Поднатаскать немного, и будут волкодавы... Указ, указ, указ... Бетти черкает свое имя, писец льет рядом расплавленный воск, а я прижимаю печать. Она малая, для таких дел не предназначена, но кто сейчас станет разбираться? Власть в стране поменялась...

Кабинет, где мы работаем, похож на проходной двор. Родж, получив патенты, ускакал смотреть, как дела в городе. В комнату постоянно вбегают гонцы, просачиваются какие-то феодалы, заявившиеся засвидетельствовать королеве свое почтение. Слухи в Ниме разносятся быстро. Эта разодетая шваль отвлекает от дела. Сержанты перед титулами пасуют, не осмеливаются задержать их владельцев. Рычу на них, обещая разжаловать в рядовые. В кабинете становится спокойно. Однако Бетти клюет носом: ночью она, считай, не спала. Отпускаю писцов и прошу королеву поставить подпись на пустых листах: сам, если нужно, заполню. Она молча подчиняется. Шлепаю печати...

За дверями шум, крики, створки разлетаются в стороны. В кабинет на полных парах врывается линкор. Это благородная Мардж. Следом пытается сунуться сержант, но Мардж показывает ему кулак размером с голову ребенка. Сержант благоразумно исчезает.

– Обед подан, Ваше Величество! – объявляет дворца правительница и укоризненно смотрит на меня. – Что вы себе позволяете, черр?

– То есть? – удивляюсь я.

– Совсем замучили бедную девочку! На ней лица нет! А у вас – совести! Она же сейчас упадет. Не ожидала я от вас такого, черр! А еще благородный!

Чешу в затылке. Кажется, с полномочиями для Мардж я несколько переборщил. Линкор тем временем берет на буксир яхту и влечет ее в столовую. Эсминец в моем лице тащится в кильватере. На выходе сержанты берут нас в кольцо. Молодцы, службу знают.

Обедаем. За столом нас двое, если не считать Мирки. Та получила свою печенку (о пристрастии горностайки Мардж у фузилеров выпытала –

гадом буду) и дремлет на коленях. У дверей – стража, чуть в стороне, скрестив руки на груди (то есть положив их на нее) следит за нашим насыщением Мардж. Аппетита у меня нет, у Бетти – тоже, даже не чувствую вкуса блюд. Однако линкор заставляет яхту бункероваться до отвала. Бетти подчиняется. Наконец бак полон, пробка завинчена.

– А теперь отдыхать! – командует Мардж. – Спальня приготовлена.

Бетти жалостно смотрит на меня.

– Как ваш советник, Ваше Величество, рекомендую прислушаться к благородной Мардж. Вам необходимо поспать.

– А вы?

– У меня дела, Ваше Величество. Они не требуют вашего участия.

– Черр Айвен проводит нас, – милостиво разрешает дворца правительница.

Спальня у королевы огромная, кровать – соответствующая. Бетти подходит к ней, кладет руки на покрывало и внезапно оседает. Подхватываю. Спит. Мардж качает головой и ловко разбирает постель. Кладу на нее Бетти и помогаю Мардж ее раздеть. Дворца правительница не препятствует. Точно у фузилеров о наших отношениях выпытала! Мардж укрывает королеву. В последний миг Мирка решает, что тоже устала, и лезет к Бетти под одеяло. Мардж смотрит на меня.

– Так нужно! – говорю шепотом. – Это защитница. Убьет любого, кто подойдет к королеве.

Мардж кивает и манит меня рукой. Но идем не к выходу, а к гобелену на стене. Мардж приподнимает его, и я вижу дверь. Подчиняясь жесту дворца правительницы, толкаю...

Комната, небольшая, но уютная. Два окна, неширокая кровать, стол, два стула, в углу шкаф. Входная дверь тоже имеется. Аскетично, но мило. Кто здесь раньше обитал? Любовник королевы, любовница короля?

– Ваша комната, черр!

Пристально смотрю на Мардж. С чего это я должен обитать через стенку от Бетти? О чем подумала дворца правительница?

– При покойном Харри здесь жил его друг, – говорит Мардж. – Благородный черр, лучшая шпага королевства. Его звали Блэр. Он много раз спасал Харри жизнь. Король распорядился поселить его рядом и пробить дверь, чтоб Блэр, если его позвать, мог прийти на помощь. У Харри было много врагов, черр, у Сью их не меньше.

Фузилеры Мардж многое рассказали. Умна наша дворца правительница, ничего не скажешь.

– Спасибо, Мардж!

– Мне сказали, что ты ей как брат, – бурчит толстуха. – Кормишь, лечишь, носишь на руках. Так что постарайся, сбереги девочку.

– При одном условии, – поднимаю палец, – кое-что в комнату добавим...

* * *

Стены у Гремпля высокие и могучие. Некогда с этой крепости начинался Ним. Минули века. Оборонное значение Гремпл утратил, а предназначение сменил. Сегодня это главная тюрьма и пороховое хранилище королевства. Ничего удивительного в этом сочетании нет: в крепости обширные и сухие подвалы. Некогда здесь хранили припасы на случай осады. Алитанская Бастилия.

– Заперлись, сучьи дети! – плюется Родж. – Не хотят открывать. Что делать? Брать приступом?

Осматриваю диспозицию. Крепость окружает широкая, мощенная бульжником площадь. Меж зубцов мелькают головы стражей. У них мушкеты. Если пойти на штурм, положим людей. Можно, конечно, применить пушки. У нас их две, и обе смотрят дулами в ворота. Ядра вышибут ворота, после чего полетят в подвал, а там – порох. Взрыв снесет Гремпл и полгорода...

– Почему заперлись? – спрашиваю полковника.

– Говорят, что мы – мятежники. У короля Харри нет дочери.

Вот, значит, как...

– Я поговорю с ними.

– Не советую, Айвен! – качает головой Родж. – Могут подстрелить.

– Если б хотели, стреляли...

Мы на расстоянии ста шагов от стен, то есть в зоне досягаемости мушкетов. Но защитники не открывают огонь. Жить хотят. Понимают, что получат в ответ.

Прыгаю из седла на мостовую, иду к воротам. На ходу замечаю мушкетные дула среди зубцов. Один залп и... Стискиваю зубы и стараюсь шагать уверенно. На стенах тишина. Не доходя до ворот, останавливаюсь.

– Я советник королевы Бетти Первой лэнд Айвен. Мне нужно говорить с комендантом Гремпля.

– Я не веду переговоров с мятежниками!

Ага! Комендант на стене. Но голос неуверенный.

– С чего взяли, что в Ниме мятеж?

– У короля Харри нет дочери!

– Откуда знаешь? Принимал роды у его жен?

Фузилеры за моей спиной ржут. Весело им! На стене – замешательство. Надо коменданту помочь. Не то оскорбится и прикажет стрелять.

– У меня есть документ, подтверждающий права Бетти Первой на престол.

Поднимаю над головой свиток. Его, вместе с другими, я захватил, когда от Роджа прискакал гонец.

– Что за документ? – ехидно спрашивают сверху. – Свидетельство какого-нибудь священника?

– Письмо Регентского совета Алитании с подписями его членов и королевской печатью.

На стене молчат, затем там начинается какое-то движение. Спустя минуту калитка в воротах приоткрывается. Не ожидая дополнительного приглашения, иду к ней.

...Коменданту крепости на вид лет пятьдесят. Невысокий, худощавый, из-под форменной шляпы выбиваются седые пряди. Лицо острое, морщинистое, но блеклые, вылинявшие глаза – цепкие. Протягиваю ему свиток. Он берет, разворачивает, читает. Затем внимательно рассматривает печать и подписи.

– Подлинник, – говорит растерянно. – Но я не знаю о Бетти.

– Ее мать – Айлин, четвертая жена короля Харри, впоследствии выданная замуж за съёрда Йорвика. Так захотели родственники королевы Карри, его пятой жены и матери покойного короля Эвана. Дигганы не были заинтересованы, чтобы о Бетти знали. Думаю, понятно, почему. После смерти Эвана Бетти – единственная законная наследница трона.

– Об этом не объявляли.

– Дигганы не хотели видеть Бетти на троне. Они пытались ее убить. На дороге в Ним была устроена засада. Командовал ею съёрд Рилли, брат вдовствующей королевы. К счастью, нам удалось их уничтожить.

– Съёрд Рилли убит?

Ага, взволнован.

– Лично мной. Не буду утверждать, что сожалею.

– Что теперь? – бормочет комендант.

– У вас два пути. Либо становитесь на сторону Дигганов, и тогда вас ждет смерть. Либо подчиняетесь законной власти, и мы сочтем все недоразумением.

Слова «законной власти» я выделил голосом. Во дворе крепости с

десяток стражников, да и те, что на стенах, прислушиваются.

– А что будет со мной? – интересуется комендант. – Посадите к тем, кого охранял?

Так, пошел торг. Но нам есть что предложить.

– Как долго вы комендант Гремпля?

– Пятнадцать лет.

– Вас назначал король Харри?

– Да, черр!

– Думаю, дочь оценит выбор отца. Я в свою очередь могу похлопотать.

Обещание даю с легкой душой. Нам отчаянно нужны люди: опытные, знающие дело. Захватить власть легко, а вот удержать... Дигганы правили королевством ряд лет, у них появились сторонники и связи. У нас их – кот наплакал. Комендант, судя по всему, мужик правильный. Осторожный, правда, но неглупый.

– Я ваш должник, черр! – кланяется комендант и кричит страже: – Открыть ворота!..

Во двор выводят узников Гремпля. Лица бледные, но на ногах стоят твердо: кормили хорошо. Комендант (его зовут Коллум) на питании заключенных гешефта не делал, плюс ему. Попав на солнце, заключенные щурятся и с любопытством смотрят на нас. Убийц, разбойников и насильников среди них нет – тех казнят. Гремплъ – политическая тюрьма. Место заключения врагов короны, читай Дигганов. Все узники из благородного сословия, многие занимали высокие посты. Это видно по одежде. Она потрепана, но сшита из дорогих тканей. Выхожу вперед.

– Благородные черры! У меня добрая новость. Дочь короля Харри, Ее Величество Бетти Первая, вступив на престол, дарует вам свободу.

Картинно передаю Коллуму свиток. Указ я написал сам, пустые бланки с подписью и печатью имелись. Коллум, правда, проворчал, что печать малая, но продолжать тему благоразумно не стал.

– Ворота открыты!

Широкий жест в сторону. Узники переглядываются, затем начинают обниматься и кричать:

– Слава королеве Бетти! Да здравствует дочь короля Харри!

Смотрю на них, улыбаясь. Приятно, черт побери! Накричавшись, узники устремляются к воротам, но небольшая часть остается. Стоят, переминаясь с ноги на ногу и настороженно поглядывая в мою сторону. В чем дело? Подхожу. Вперед выступает мужчина с седой бородой.

– Черр?..

Представляюсь:

– Айвен, лэнд Данли, советник Ее Величества.

– Харви! – кланяется старик и горько улыбается: – Просто Харви, черр. Я бывший адмирал флота Алитании. Звания и титула меня лишили, владения забрали в казну. У моих друзей, – он указывает на спутников, – та же ситуация. Нам неизвестно, где наши семьи, живы ли родственники, остались ли у нас друзья. Мы в Гремпле давно, а здесь строгий режим. Ни у кого нет денег. Мы благодарны за свободу, но можно немного побыть здесь? Не хочется просить милостыню.

М-да...

– Представьте мне ваших друзей, адмирал!

– Алистер, бывший полковник. Вилберн, бывший съёрд Дидлоу. Имон, бывший командующий артиллерией королевства. Линфорд руководил казначейством...

В камзол Линфорда можно завернуть двух таких. Погорячился я насчет питания в Гремпле...

– Есть лучшее предложение, черры! Не откажетесь разделить со мной ужин? Угощаю.

– А потом? – щурится адмирал.

– Поговорим. Ваше отсутствие на высоких постах плохо сказалось на ниве королевства. Заросло сорняками. Их надо прополоть. Ее Величеству требуются знающие люди.

Узники переглядываются.

– Мы здорово проголодались, черр! – говорит Харви...

Глава 14

К себе возвращаюсь затемно. В окнах дворца горят огни. Мардж встречает меня на крыльце.

– Подавать ужин, черр?

– Я сыт, Мардж, и хочу помыться. Сделали, как я просил?

– Разумеется, черр!

Лицо Мардж выражает обиду: как смел усомниться? Треплю ее по плечу и иду к лестнице: наши с Бетти покои расположены на втором этаже. К себе вхожу через наружную дверь.

Мардж не подвела: посреди комнаты – квадратная бочка с прилаженными к ней ступеньками. Заглядываю внутрь: вдоль стенок чуть ниже середины пристроены сиденья. Офуро, японская ванна. Отличное средство для снятия усталости. Хороша тем, что со стороны незаметно, что у купальщика нет ног...

Идущие следом слуги льют в бочку горячую и холодную воду. Контролирую процесс смешивания и температуру. Так будет в самый раз.

– Спасибо, Мардж! Отдыхайте.

– Лари помоев вас, черр!

Мардж выталкивает вперед девушку. Ей лет шестнадцать, возможно, меньше. Полненькая, симпатичная, пухлые щечки покрывает румянец. Не в силах удержаться, щиплю Лари за щечку. Та пунцовеет.

– Спасибо, Лари, но я сам. Все свободны. Мардж, задержитесь.

Слуги уходят. Дворца правительница смотрит настороженно.

– Не нужно мне подкладывать в постель девушек, Мардж. Договорились?

– Как скажете! – бормочет она. – Но Лари не помешало бы хорошее приданое.

– Иначе не возьмут замуж?

– Возьмут, – вздыхает Мардж, – только кто? Чем больше приданое, тем лучше партия.

– А если забеременеет?

– Еще лучше! – оживляется Мардж. – Благородный черр назначит ей содержание, тогда за будущее Лари можно не волноваться.

Своеобразные у них представления о морали. А кто-то говорил сегодня о порядочной женщине...

– Лари – сирота, черр, – добавляет Мардж. – Она моя племянница. Я

обязана ее пристроить.

Вот и nepoтизм начался...

– У меня есть слуга, Мардж. Его зовут Тибби, он сейчас в Иорвике, но скоро приедет в Ним. Он умный и толковый мальчик.

– Мальчик? – Мардж не скрывает отвращения. Кажется, меня не за того приняли.

– Слуга! – говорю твердо.

– Спокойной ночи, черр!

Линкор делает поворот и, пыхтя трубами, выплывает из комнаты. Только что его постигло разочарование. Вместо богатого купца, предназначенного к абордажу, в бухте обнаружилась ржавая лохань... Ну и пусть! Запираю за Мардж дверь, торопливо стаскиваю пропотевшую одежду, бросаю ее на стул. У бочки отстегиваю протезы вместе с сапогами. Ступеньки мне не нужны, я специально просил сделать офуро невысокой. Это инициатива Мардж – помочь черру забраться. Руки – на края, подтягиваюсь – и уставшее тело погружается в горячую воду. Кайф! Дорогой к Ниму столько об этом мечтал...

Ужин с бывшими узниками прошел на славу. После его завершения королевство получило адмирала, двух полковников, губернатора провинции и главу казначейства. Неплохо для одного дня. Я взял на себя смелость назначить их лично – листы с подписями королевы и печатями были. Не думаю, что Бетти станет возражать. Назначенцы отправились полоть сорняки, я дал им солдат, а сам, прихватив Линфорда, двинул в казначейство. Там пришлось выдержать форменный бой. Казначей Дигганов не пожелал открыть нам дверь. Со мной были солдаты, и мы пошли на штурм. Обошлось без стрельбы, но кое-кому намяли бока. Гремплъ получил новых узников, а мы с Линфордом – допуск в хранилище. Там выяснилось, чему противился экс-казначей. Деньги в казне были. Около миллиона крон золотом хотели раздать пенсионерам. Нет, не сирым и убогим. Это в моем мире пенсия – обычное дело и достается всем. В Средневековье она – привилегия. Пенсии выпрашивали, о них хлопотали. Не стоит объяснять, кто. Члены Регентского совета Алитании получали из казны по десять тысяч крон в год, и это притом, что у каждого имелись обширные владения. Огромные подачки получали разного рода съёрды и лэнды. Дигганы подкупали знать, наплевав на нужды государства. Если к власти идешь кривым путем, нужно платить...

Наш путь был прямым, поэтому пенсионеры в Алитании разом закончились. Правда, Линфорд вздыхал и намекал, что не стоит так резко... Я оборвал его, заявив, что бумаги с печатями у меня еще есть. Назначить

нового казначея не составит труда. Линфорд умолк. Затем мы обревизовали хранилище. Кроме золота пенсионеров, нашлись сундуки с силли, которые нигде не значились. Узнав это, Линфорд впал в ступор, но я не удивился: секретный фонд. Дигганы готовились к перевороту. В свете рассказа Мардж, не исключено, что Эвана убили. Юный король, повзрослев, мог прижать родственничков. Примеров в земной истории полно. Взять хотя бы Петра I. Так что запоздай мы чуть, и денежки бы – тю-тю. Не зря так гнали в Ним... Мы заперли и опечатали сундуки, а вместе с ними – и хранилище. Ключи я унес с собой. Фузилеры получили приказ охранять и бдеть, после чего заверили, что черр может не волноваться...

В стороне слышится шорох. Скашиваю взгляд. Через потайную дверь в стене в комнаты лезет белая фигура. Бетти! В ночной рубашке до пят, с заспанным лицом и с Миркой на плече. Принесло же!

– Купаешься?

Бетти подходит ближе и заглядывает в ванну. Инстинктивно сую культя под сиденье. В комнате полумрак – только подсвечник на столе. Сапоги с протезами валяются за бочкой. Будем надеяться, что не заметит.

– А мне не предложили.

В голосе Бетти искренняя обида.

– Распоряжусь, чтоб завтра поставили вам ванну, Ваше Величество!

– Завтра?

Она снимает с плеча и пускает Мирку на пол. Затем тащит через голову рубаху.

– Ваше Величество!

– Все равно ты меня видел! – хмыкает она и лезет по ступенькам. Подхватываю ее под мышки и осторожно опускаю в воду. Она совсем легкая, крошка Сью, Лари на вытянутых руках я бы не удержал. Бетти пристраивается напротив. Бочка рассчитана на одного, наши колени соприкасаются. Вода поднимается до краев, снаружи торчат наши головы. Хорошо, что уже не горячо, не то бы сомлели.

– Как ты здесь помещаешься? – интересуется Бетти. – Бочка низкая, ты высокий. Ноги, что ли, поджал?

Вот любопытная! Тебе дело? Надо менять тему.

– У меня выдался трудный день, Ваше Величество.

– Рассказывай! – оживляется она.

Коротко докладываю о событиях дня.

– А я спала, – вздыхает Бетти.

– Это нормально, Ваше Величество. Монарх не делает все сам. У него есть подданные.

– Ты им не являешься.
– Я ваш советник.
– Наедине можешь говорить мне «ты» и обращаться по имени.
– Хорошо... Бетти.
– Спасибо, Айвен! Я утверждаю твои назначения. Уверен в них?
– Не испытываю иллюзий. Возможно, что управленцы из узников не лучшие. Вероятно, что сами воровали: в Алитании это традиция. Но нам нужны преданные люди, а они будут стараться – выбора нет. Дальше посмотрим.

– «Управленцы»... – задумчиво произносит она.
– В моей стране так зовут руководителей.
– Хорошее слово, – соглашается Бетти. – Нам нужны управленцы, Айвен, очень нужны. Только где их взять? Гремпл в Алитании один, и узников из него уже выпустили.

Хм, а девочка-то вырастет.
– Нужно присматриваться к людям, Бетти. Находить нужных и назначать их на посты.

– Как ты поступил с Мардж? Почему ты выбрал ее?
– Догадайтесь, Ваше Величество!
– Говори мне «ты»!
– Виноват... Бетти.
– Попробую сообразить. Мардж – моя кормилица, и ей можно доверять?

Хмыкаю.
– Она не любит Дигганов?
Кручу головой. Бетти щурит глаза.
– У нее была королевская печать?
– Вот! – поднимаю палец. – Зачем она кормилице? Потеряй управляющий печать, Мардж только в радость – отвечать-то не ей. Но она ее прибрала. Отсюда вывод: любит порядок и ставит его выше обид. Второе. Печать – символ власти, и Мардж неосознанно к ней тянулась. Таких людей в моей стране называют «лидер». Из них выходят хорошие управленцы.

Бетти кивает.
– На сколько хватит найденных в казне денег?
– Месяца на три.
– А потом?
– Что-нибудь придумаем.
– Новый налог?

– Ни в коем случае! Наоборот: отменим прежние. На ловлю рыбы, к примеру.

– Если нет налогов, где взять деньги?

– Существует много способов. Например, лотерея.

– Это что?

– Игра. Покупаешь билет за силли, а выигрываешь миллион.

– Где этот миллион взять?

– Из выручки. Люди купят билеты, соберется фонд, из которого выплатят выигрыш.

– А казна заберет свою часть?

Хорошо соображает!

– Именно так.

– Почему раньше не играли?

– Потому что не думали. Ввести налог легче.

– У тебя много таких... лотерей, Айвен?

– Наберется, Ваше... Бетти.

Она кивает.

– Что будем делать завтра?

– Шить платье.

– Мне?

– У меня есть.

– У меня – тоже. Привезли из Иорвика.

– Розовое и голубое? В них нельзя к народу. Вы королева, а не дочь съёрда.

– А мне нужно... к народу?

– Королеву должны видеть. Лучше всего показаться на богослужении. Поблагодарить Спасителя, получить благословение первосвященника, раздать милостыню. Народу это нравится.

– Отец был прав, – вздыхает Бетти, – ты не тот, за кого себя выдаешь. Порой кажется, что в советниках у меня старый король, который учит девочку.

– Я не король, и тем более не старый.

– Сколько тебе лет?

– Тридцать.

Взгляд... Ну да, в девятнадцать тридцатилетний – старик.

– И у тебя к таким годам не было жены?

Зачем это ей? Фикре умерла, не пережив медового месяца, и виновником ее гибели стал я. Это было давно, но до сих пор болит. Молчу. Бетти наклоняется и касается губами моей щеки.

– Я рада, что ты со мной, Айвен!

А уж как мы рады! Даже ванну не позволяют в одиночку принять. То служанку в нее суют, то королева лезет.

– Вода остыла...

Я заметил.

– Пойду.

Бетти встает на сиденье и лезет наружу. Ее поза показывает, что нужно помочь. А вот – дудки! Подталкивать в попку... Вдруг передумает и вернется. Нам это ни к чему совсем. Бетти выбирается из ванны, берет приготовленное мной полотенце и не спеша вытирается. Затем накидывает на себя рубашку и оглядывается.

– Миранда!

Мирка показывает мордочку из-под кровати и отрицательно чирикает.

– Противная!

Королева шлепает к двери в стене.

– Бетти!

Она останавливается – с большой охотой.

– В следующий раз предупреждай о визите. Я могу быть не один.

– Ну, Лари ты выгнал! – хмыкает она и скрывается за дверью.

И вот как это понять? Шпионка малолетняя! Подслушивала или расспросила Мардж? Намучаюсь я с ней...

* * *

– Почему чулки серые?

– Потому что в тон платью.

– Нужны красные!

– Почему?

– Красные красивые.

– Под подолом не видно.

– Но я буду знать, какие они!

Почему женщины хотят походить на аистов, знаете? Я – нет. У аиста хотя бы нет выбора, у него ноги от природы красные.

– Башмачки тоже должны быть красные!

– У вас траур, Ваше Величество. Недавно умер ваш брат. Мы выбрали серый цвет платья, потому что с ним сочетаются черные ленты и черные башмаки. Красные башмачки заметят и подумают, что вы радуетесь.

Задумывается.

– Ладно. Но чулки все равно будут красные. Сам говорил, что под подолом не видно...

В кабинете меня ждут бумаги, срочные. Младший брат королевы Карри в Ним не вернулся – успели предупредить. Исчезли и другие родственники Дигганов. В первые дни в столице некогда было их ловить, да и некому. Королева Карри сидит в загородном дворце и, гадам буду, плетет заговоры. Как воздух нужна разведка, служба безопасности, если хотите, но где взять нужных людей? Не готовят здесь таких специалистов, поэтому покушения на монархов удаются – достаточно собрать необходимое количество людей и денег. У Дигганов может выйти. С приходом Бетти прежняя элита утратила кормушку. Недовольных среди знати полно. Нужно думать, как им противостоять, да и других дел куча. А я выбираю чулки Ее Величеству...

– Тебе нравится, Айвен?

– Вы неотразимы, Ваше Величество!

– Врешь!

– Спросите у других!

– Они соврут. Мне все льстят. Ты обещал говорить правду.

– Платье очень идет вам, Ваше Величество. Оно гармонирует с вашими глазами. Шляпка особенно хороша. Траурная лента ее не портит.

– Почему туля высокая?

– Она делает вас выше. В Алитании женщины не носят шляп – и зря. Они украшают головки. Вы станете родоначальницей моды.

– Лъстец! На себя посмотри! Почему в сапогах? Нет денег на башмаки и чулки?

– Я не ношу их, Ваше Величество!

– Почему?

– Не нравятся.

– А если я прикажу?

– У вас будет новый советник, Ваше Величество.

– Капризный!

Я?..

– Ты мой советник, а выглядишь, как солдат.

– Я и есть солдат, Ваше Величество.

– Солдат у нас Родж, а ты рос при дворе. Будешь возражать?

– Не буду, Ваше Величество.

– То-то! Камзол хотя бы смени! Тебе вести меня к алтарю.

– Что?..

– Не ехать же мне в храм одной?..

Нашу перепалку слушают десятки ушей: служанки, портные, лакеи. К вечеру будут судачить – и не только во дворце. Столица, пережив шок от смены власти, мучается вопросом: «Ху из мистер Айвен?» Если с Бетти все ясно, то этот кто? Пришел ниоткуда, ушел в никуда... Еще не ушел, конечно, но это не за горами. К местной знати Айвен не принадлежит, держится бесцеремонно, командует, как власть имеющий. С королевой отношения у него странные: пестует ее, как родную, но спят порознь. Об этом знают: во дворце правду не скрыть. Родился слух: Айвен – сын короля Харри, внебрачный, естественно. Слух имеет основу. Мои заурядные 187 сантиметров в Запасном мире кажутся гигантскими. А покойный Харри был дылды. По алитанским меркам я красив: правильные черты лица, чистая кожа. Здесь это редкость. Но главная фишка – глаза. Зеленый цвет в сочетании с черными волосами в Запасном мире не встречается. «У тебя глаза, как весенняя трава!» – говорила Фикре. Отсюда вывод: мать Айвена была красавицей, из-за этого Харри на нее запал. Бред полный: король топтал всех, до кого дотягивался. Но люди верят. Отсюда вывод: настоящий король Алитании – Айвен. Бетти – его сестра и декоративная фигура.

Королеве эти сплетни, конечно, докладывают: «доброжелателей» во дворце много. Понятно, что она злится и демонстрирует, кто в доме главный.

Наконец, я усаживаю Бетти в карету и запрыгиваю в седло. Держусь у дверцы, прикрывая карету крупом лошади. Так нужно. Из сержантов телохранители пока слабые. Хорошо хоть статуи из себя не изображают, поглядывают в толпу. Нас встречают сердечно. Люди кричат и машут руками. Лица, шляпы, чепчики, руки... Пистолетов в руках нет и гранат – тоже. Последнее уже паранойя. Не придумали пока гранаты в Запасном мире...

К храму прибываем с опозданием: Ее Величество наряжались долго. Фузилеры-гвардейцы расчистили на площади проход. Прыгаю с седла, открываю дверцу кареты и протягиваю королеве руку. С явлением Бетти площадь затихает. Такого в Ниме еще не видели. На Бетти не платье, а костюм. Приталенный жакет с лацканами, блузка под горлышко с кружевами на груди, прямая юбка до пят, шляпка с тульей. Башмачки с высокими каблуками, на руках – шелковые перчатки. Это вам не Средневековье, а девятнадцатый век или начало двадцатого. Время, когда подола еще не пошли вверх, но платья перестали выглядеть, словно кочан капусты. Мне это Фикре рассказывала, она разбиралась. Костюм делает Бетти элегантной. В местном Средневековье даже слова такого нет.

– Слезы Спасителя! – летит восторженный возглас из толпы. – Какая

же она хорошенькая! А платье, платье-то какое миленькое!

Губы Бетти трогает улыбка: дошло, наконец! А ведь сопротивлялась, кричала, что ни за что не наденет это убожество. И кто был прав? Площадь взрывается приветственными криками.

Рука об руку идем в храм. Одной Бетти нельзя. Она девица, мужчина должен сопровождать. Отец, муж, жених, брат... У Бетти нет никого, поэтому сойдет советник. Вступаем под своды. Нам кланяются разряженные мужчины; дамы, обвешанные драгоценностями, приседают. Они впиваются взорами в Бетти и ее наряд. Это первое явление королевы местному обществу, ее хотят тщательно рассмотреть. В храме собрался бомонд: знать, военные, купцы. Места с самого утра занимали, за них, как мне доложили, даже дрались.

К нам устремляется первосвященник. Гадский папа, всю кровь из меня выпил. Почуял, что может сорвать куш, и выкатил требования. Коронации в земном понимании здесь нет, но первосвященник благословляет монарха. Милость Спасителя он оценил дорого, и я сорвал голос, споря. Едва срядились...

Усаживаю Бетти в кресло, кланяюсь и отхожу к колонне. Первосвященник вздевает руки вверх. Служба началась. Я шарю взглядом по заполнившим храм людям. Гвардейцы окружили королеву и – вот же заразы! – молятся. То есть кланяются и чертят перед лицами круги, не сводя глаз с первосвященника. Убийцу, если подкрадется со спины, даже не заметят. Устрою я вам!

Прихожане в храме тоже чертят круги: кто притворно, а кто искренне. Замечаю неподалеку странную фигуру. Мужчина лет тридцати пяти, высокий. Одет в потертый колет, через плечо – кожаная перевязь. Шляпа с широкими полями без пера, потрепанная. В разряженной толпе тип резко выделяется. Кланяется он для виду, больше глазеет по сторонам. Кто это? Наемный убийца? Как он сюда попал: подозрительных личностей я приказал не впускать?

Тип, почувствовав мой взгляд, поворачивает голову. С минуту буравим друг друга взглядами. Взгляд у него смелый, но без вызова. Рассматривает меня с любопытством. На убийцу не похож, тот бы опустил взгляд. Лицо у незнакомца красивое, открытое. Где-то я его видел. Где? Не могу вспомнить... Ладно, это неважно. Тип не опасен. Люди, замыслившие худое, так не смотрят.

– Да будет благословение Спасителя с тобой, чадо, на вечные времена!

Первосвященник закончил благословение и окуряет Бетти священным дымом. Церемония завершена. Подхожу к королеве, протягиваю руку. Идем

к выходу. По сторонам шагают гвардейцы, поглядывая в толпу. Хоть на это мозгов хватило! С обеих сторон летят приветствия: «Долгой жизни, Ваше Величество! Счастливого правления!» Бомонд прогибается перед новой королевой. Внезапно дорогу заступает женщина. На ней черное, траурное платье и такая же накидка. Некогда красивое лицо искажено гримасой, взгляд безумный.

– Самозванка! Ты не его дочь! – кричит визгливо. – Ты не имеешь прав на трон моего мужа и моего сына.

Все ясно: вдовствующая королева Карри пожаловали. Принес же ее нечистый! Что делать? Храм замер в ожидании скандала. Гвардейцы хлопают глазами, не зная, что предпринять. Отдать приказ? А какой? Ситуация как в анекдоте: «Сама обалдела!»

Бетти внезапно делает шаг вперед и протягивает руку. Карри отшатывается. Однако королева не собирается ее бить. Ласково гладит по щеке.

– Бедняжка! Горе помрачило твой разум. Я тоже скорблю о брате. Такой славный мальчик!

Карри от неожиданности всхлипывает. Слеза бежит по нарумяненной щеке.

– У тебя ведь есть поместье в горах, тетя?

«Тетя?» Жена отца, мать сводного брата?

– Да, – лепечет Карри.

– Отправляйся туда. Здесь все напоминает тебе о горе. Там ты успокоишься и найдешь мир в душе.

– Благодарю вас, Ваше Величество! – склоняется Карри.

Глаза у меня лезут на лоб. Ну, Бетти, ну, кроха!

– Забери меня нечистый! – изумленно шепчут за спиной. – Крошка отправила гадюку в ссылку, а та за это поблагодарила!

Оборачиваюсь. Тип в колете, тот самый. Лицо ошарашенное. У меня сейчас, наверное, такое же. Подмигиваю. Незнакомец отвечает улыбкой и касается пальцами полей шляпы. Здесь это, как, впрочем, и у нас, означает приветствие.

Карри увели, дорога чиста. Беру Бетти под руку и веду к выходу. При виде нас толпа на площади раздражается криками. Звучат здравицы, летят цветы. Бетти машет рукой. Слуги в королевских ливреях по моему знаку начинают бросать в толпу деньги. Это новенькие пенни с профилем Бетти. Линфорд молодец – за неделю справился. Монетный двор работал ночами. Понятно, что это пока пробная партия, основную только начали чеканить. Пенни у нас полновесные, а силли будут и вовсе блеск. В тех, что чеканили

Дигганы, много меди. Новые силли пойдут в кубышки, старыми станут расплачиваться. Закон Грешема: «Худшие деньги вытесняют из обращения лучшие». Мы эти худшие соберем и переплавим. Люди будут благославлять королеву, давшую им полновесные деньги.

В толпе – свалка, дерутся за монеты. Счастливики, сумевшие их ухватить, кричат королеве здравицы. Искренне. Отступаю за спину Бетти. Это все предназначено ей, мы тут лишние. Оглядываюсь. Тип в колете обнаруживается неподалеку. Ожидалось. Не зря он встал за моей спиной в храме. И как только просочился?! Убью сержантов! Делаю незнакомцу знак, он с готовностью приближается. Бодаю воздух головой.

– Лэнд Данли, советник королевы.

– Элсли, съёрд, бывший.

Даже так?

– Мне знакомо ваше лицо, съёрд.

– Неудивительно, черр. Я был среди тех, кого вы освободили в Гремпле.

Неплохая рекомендация по нынешним временам.

– Как насчет продолжения знакомства, Элсли?

– Я не против, черр!

А глазки-то загорелись.

– Навестите меня во дворце.

– Когда?

Вопрос задан слишком быстро.

– Сегодня вечером. Я распоряжусь, чтобы вас впустили.

– Буду непременно. Благодарю, черр!

Еще поклон. Подхожу к Бетти. Гвардия расчистила путь к карете. Веду королеву, помогаю ей сесть и ныряю следом. Бетти от неожиданности ойкает. Закрываю дверь, карета трогается. Хватаю кроху и целую ее в щечку.

– Что вы себе позволяете, черр?!

Но лицо у Бетти довольное-предовольное.

– Умница! Как сообразила?

– Не поверишь, но мне стало ее жалко.

Смеюсь. Бетти вздыхает – притворно, конечно.

– Несчастливая мать...

Да уж! Как Элсли сказал: «Гадюка»? А я голову ломал, что с ней делать.

– Откуда знаешь про поместье в горах?

– Мардж сказала. Она ездила туда с Эваном. Говорит: место пустое и

дикое.

Хм, не я один расспрашиваю людей.

– Сегодня же пошлю к Карри гвардейцев. Помогут вещи собрать.

Бетти прыскает, я тоже смеюсь. Немилосердно? А сослать бывшую жену короля, выдав ее насильно замуж, это как? Готовить убийство ее дочери? Только не надо говорить, что Карри в этом не участвовала. Еще как! Она готовилась занять трон, только тот у нее из-под попы выдернули. Старший братик Карри мертв, младший – в бегах, все замыслы рухнули. Из-за этого гадюка и пришла в бешенство. Покойный сын тут ни при чем.

– Спасибо, Айвен!

– За что?

– За платье, шляпку и за то, что убедил.

– С чулками этого не получилось.

– Их и не видели.

Бетти вновь смеется. Присоединяюсь. Удачный сегодня день. Это подтверждается по приезде во дворец. Прибыл Оливер, а с ним – и Тибби. Пока съёрд обнимается с Бетти, беседую с мальчиком. Тот вываливает ворох новостей. Мать и сестры здоровы, Лэнс с Мэгги передают привет и шлют гостинцы – тяжелые. Мул еле тащил. Понятно... Сам Тибби путешествовал в карете со съёрдом. Тот взял мальчика к себе, беседовал с ним дорогой, все о черре Айвене расспрашивал.

Жук этот Оливер, но хорошо, что прибыл. Нам нужен верховный судья, это раз. Королеве пора создать двор, это необходимый атрибут здешнего общества. Знать должна лицезреть монарха, тереться возле него, чувствуя свою причастность к политике. В противном случае обидится и начнет строить козни. Оливер жил при дворе короля Харри, ему и карты в руки. Заодно отвлечет Бетти. А то Их Величество повадились шастать ко мне вечерами. Сидят, вопросы спрашивают. У меня к концу дня голова чугунная, остается одно желание: залезть в ванну, а после – в постель, а тут приходится отвечать. И не отговоришься – по делу интересуется. Мне надо готовить Бетти к самостоятельному правлению: я здесь ненадолго. Но, с другой стороны, не высыпаюсь жутко. Посиделки с Их Величеством затягиваются, а встаю я с рассветом. Дел много...

– Хорошо, что ты приехал, Тибби!

Треплю мальчика по вихрастой голове. Тот радостно улыбается.

– Показывай, что привез!

– Идемте, черр!

Сегодня вечером я выпью. И даже знаю, с кем.

Глава 15

Окончив военную академию, я вернулся в Брюссель, хотя собирался служить в России. Но этого не желала империя, и Россия прогнулась. Я явился на распределение полный надежд. Первые в выпуске имели право выбрать место службы – любое из списка. Я видел себя в составе корпуса быстрого реагирования и мысленно уже примерял черный берет с серебристой кокардой в виде пучка молний, зажатых в кулаке – эмблема самого престижного рода войск в России. О действиях корпуса ходили легенды. Он прошел многие войны и конфликты. О нем пели песни и снимали фильмы. Попасть в корпус считалось большей удачей.

Войдя в кабинет, где сидела комиссия, я ударил строевым и, подойдя к столу, бросил ладонь к берету.

– Курсант Нагайкин за распределением прибыл!

Члены комиссии при моем появлении почему-то устали в стол, а ее председатель – генерал-лейтенант нахмурился.

– Вот что, курсант, – сказал он, кашлянув. – По приказу министра обороны вакансий для тебя в российской армии нет.

– Почему? – удивился я.

– Не знаю! – зло буркнул генерал. – Мне приказали сообщить это тебе, и я выполняю приказ. В канцелярии отдадут диплом. Платить за обучение не надо. Свободен!

Машинально сделав поворот кругом, я вышел из кабинета. В коридоре ко мне бросились парни, ожидавшие своей очереди. Увидев мое лицо, они отшатнулись. Я прошел сквозь толпу, как нож сквозь песок, и поднялся в канцелярию. Там мне без задержки выдали диплом. Я, словно сомнамбула, отправился в казарму. На плацу меня остановил какой-то капитан.

– Почему не приветствуете офицера, курсант! – заорал он, принимая грозный вид.

– Я больше не курсант! – сказал я и показал зажатый в руке диплом. – Гражданское лицо. Могу даже послать. Честно говоря, очень хочется.

Вслед мне что-то орали, но я не слушал. В казарме я подошел к своей койке, стащил форму и аккуратно сложил ее на одеяле. Затем натянул старый спортивный костюм и бросил взгляд на мундир с лейтенантскими погонами, пошитый на заказ. Предполагалось, что завтра я надену его по случаю выпуска из училища. Нам объявят о присвоении офицерских званий, мы пройдем перед трибуной торжественным маршем и, миновав ее,

метнем вверх мелкие монеты. Традиция...

В Брюссель я прилетел в спортивном костюме. Семья приняла меня сердечно. Мать и отчим – каждый в отдельности – перевели на мой счет по солидной сумме. Отчим вдобавок предложил мне чин оберлейтенанта имперских сил. Я отказался. Я не хотел больше слышать об армии: ни о российской, ни об имперской. Нежданно-негаданно у меня образовалась прорва времени и денег, и я начал их тратить. Мгновенно нашлись друзья-приятели и жадные до любовных утех девочки. Они знали места, а у меня были деньги...

Через месяц меня вызвал отчим. Накануне мы хорошо погуляли, и я явился небритый, с помятой физиономией и в домашнем костюме – выходной почистить не успели. Я встал на пороге кабинета и принял стойку «смирно». Отчим некоторое время меня рассматривал, затем вздохнул и сделал знак подойти. Я шагнул ближе и, чтобы не дышать на него перегаром, отвернул рожу в сторону.

– Ты в Сеть заглядываешь? – спросил отчим.

– Нет! – доложил я. Это было правдой. Чего туда смотреть? Есть занятия поинтереснее.

– А стоило бы! – укорил он. – Там много впечатляющего. Папарацци сделали на тебе состояние. Порталы изощряются, придумывая тебе прозвища. «Русский медведь в Брюсселе», «Чудовище в императорской семье»... Я понимаю, что тебе на это плевать, но подумай о матери! Все вспомнили, что она русская, а это плохо.

Я сделал виноватое лицо. Голова болела, и хотелось опохмелиться.

– Полиция Брюсселя завела дело, – продолжил отчим. – По факту нападения на патрульных и нанесения им телесных повреждений.

– Они первыми начали! – возмутился я. – Я никому не мешал.

– Из дела явствует, что ты пил виски в парке.

Я вздохнул. В парк мы пошли, когда нас выгнали из ресторана. По дороге случился магазин, взяли пару бутылок. Ну, стали обсуждать, за что нас выперли. Пошумели чуток. Велика ли беда?

– Полицейские обязаны были вмешаться. Но ты обезоружил их и зашвырнул в фонтан. Они могли утонуть.

– Там мелко! – буркнул я.

А нечего было парализаторами размахивать! Подумаешь, блюстители порядка! Животы отрастили...

– Я попросил полицейское управление не давать делу ход, – сказал отчим. – Пострадавшие согласны на денежную компенсацию. Но я могу предупредить. В этом случае ближайшие пару лет ты проведешь за решеткой.

Это нанесет ущерб имиджу двора, но мы объясним это наследственностью. Твой биологический отец – русский.

По тону отчима я понял, что это не пустая угроза.

– Что от меня требуется?

– Полетишь в Африку.

От удивления я повернулся. Получив залп перегара, отчим сморщился.

– ООН недовольна империей. По ее мнению, мы недостаточно активно участвуем в гуманитарных и миротворческих акциях. Ты посетишь несколько столиц, побываешь в лагерях беженцев. С вами отправятся журналисты. Визит члена правящей династии произведет хорошее впечатление на мировую общественность. Заодно репутацию свою поправишь.

– Я не дипломат! – возразил я.

– Неофициальным руководителем делегации будет Бен. Он подскажет, что говорить и делать. Согласен?

– Да! – сказал я. А что мне оставалось?

Спустя неделю я оказался в Могадишо. Прямо на взлетной полосе нас встретила представительная делегация. Принц империи, пусть даже не наследный, в этой тмутаракани воспринимался, как Господь, сошедший с небес. Я улыбался, пожимал пухлые черные ладони, мечтая о прохладном чреве лимузина. На мне был деловой костюм, а в Могадишо стояла испепеляющая жара. И тут передо мной возник нежный овал лица с прямым тонким носиком, пухлыми губками и огромными глазами цвета горького шоколада. Я ощутил, что замерзаю.

– Мисс Фикре, ваша переводчица, – сообщил глава встречавшей нас делегации. – Она знает все основные языки региона, поэтому будет сопровождать вас в поездке.

Фикре улыбнулась, показав ослепительно-белые зубки, и протянула мне ладошку. Я с трудом удержался от желания ее поцеловать. Легко сжал и повернулся к Бену.

– Мисс Фикре поедет со мной.

– Зачем? – удивился он.

– Возможно, в пути я захочу остановиться и поговорить с людьми.

– Я не рекомендовал бы... – начал Бен, но, натолкнувшись на мой взгляд, умолк.

Я галантно пропустил Фикре вперед и скользнул следом на задний диван. Оказавшись внутри, она закрутила головой.

– Никогда не ездила в такой машине! – сообщила она, заметив мой взгляд.

– Теперь будете! – улыбнулся я. – У нас большая программа. По пути расскажете мне о городе и людях, которые в нем живут.

– Разумеется, Ваше Высочество! – сказала она.

– Говорите мне Айвен! – попросил я. – В противном случае я почувствую себя старым. Думаю, мы ровесники.

– Мне двадцать три! – возразила Фикре. – Я старше вас, принц, на целый год.

– Тогда тем более. Не к лицу пожилой женщине обращаться по титулу к мальчишке.

Мгновение она изумленно смотрела на меня, а затем рассмеялась.

– Хорошо, Айвен! Но только наедине. Не то меня уволят.

– Договорились! – кивнул я. – Начинайте!

Она принялась щебетать, вываливая на меня сведения, которые я и без того знал. Бен грузил меня ими все дни, что мы готовились к поездке. Делая вид, что внимательно слушаю, я разглядывал спутницу. Африканские женщины европейцу кажутся некрасивыми. Широкие лица, приплюснутые носы, вывороченные губы, курчавые волосы... К тому же они склонны к полноте. У стройных, если такие встречаются, ноги прямые, с «сухими» голеньями. Ножки Фикре были совершенно иные. Тонкие в лодыжке и колене, с чарующей линией бедра. Они так же, как прочие выпуклости на ее теле, вызывали непреодолимое желание смотреть на них, не отрываясь. Но самым прекрасным в ней было ее лицо. Если бы не цвет кожи, я бы принял ее за испанку – у них встречается такая огненная красота. Только у испанок волосы прямые, а не волнистые... Фикре, заметив мой взгляд, насторожилась.

– Айвен?

– Откуда вы родом, Фикре? – поспешил я. – Не похожи на африканку.

– Тем не менее это так! – улыбнулась она. – Родилась в Эритрее, родители из народности тигре. Мы похожи на европейцев, за исключением цвета кожи. Говорят, что мы потомки царя Соломона и царицы Савской.

– Где учились?

– В университете Южной Африки.

– Сколько языков знаете?

– Двадцать два. Два европейских: английский и французский, остальные местные.

– Сколько?!

– У меня способности к языкам, – ответила она и опустила взгляд. Но я заметил, что мое изумление ей польстило.

Оторвав, наконец, от нее взгляд, я уставился в окно. Мы въехали в

город. Лимузин плыл по улице, на тротуарах стояли люди. Женщины держали в руках самодельные маленькие транспаранты. Я присмотрелся. «Marry me!» Женись на мне?

– Что это значит? – повернулся я к Фикре.

– Эти девушки желают выйти за вас замуж, – улыбнулась она.

– Почему?

– Спросите у них!

– Остановите! – велел я. Лимузин притормозил. Следом встал джип охраны, и телохранители профессионально рассыпались по улице, обшаривая взглядами толпу. Расталкивая их, к лимузину бежали операторы с видеокамерами. Подскочивший охранник открыл мне дверь. Я выбрался наружу и подал Фикре руку. При нашем появлении толпа разразилась криками. Я двинулся к людям. Каблучки Фикре цокали позади. Она держалась в шаге за спиной, как подобает переводчику. Я подошел к девочке, державшей в руках самодельный транспарант из бумаги. Буквы на нем были выписаны неумело, но старательно. На вид девочке было лет двенадцать. Широкое лицо, курчавые волосы, но довольно симпатичная.

– Как тебя зовут? – спросил я. Фикре перевела.

– Айша! – ответила малышка.

– Ты в самом деле хочешь за меня замуж, Айша?

– Да, Айвен!

– Почему?

– Ты красивый. Мама говорит, – она кивнула на женщину рядом, – что ты еще и принц. Я хочу быть принцессой и жить во дворце!

Бен и другие члены делегации засмеялись. Я, не оборачиваясь, протянул руку назад. В ней мгновенно оказался прямоугольник из пластика – Бен службу знал. К визиту в Африку мы готовились серьезно.

– Я подумаю над твоим предложением, Айша. А пока – держи!

Я протянул ей портрет принца Айвена в строгом костюме. В левом углу наискосок красовался автограф. Не один вечер подписывал.

– Спасибо, Айвен! – обрадовалась Айша. – Я поставлю его на стол и буду смотреть. Но мне нечего дать тебе взамен.

– Я возьму это.

Я забрал у нее транспарант, затем склонился и чмокнул Айшу в щечку. Окружавшие нас люди заплодировали. Я помахал им рукой и двинулся к лимузину.

– Отлично, Айвен! – сказал догнавший меня Бен. – Через час картинка будет на всех порталах. Принц империи целует черную девочку... Супер!

Я кивнул и помог забраться на задний диван Фикре.

– Вы сделали эту девочку счастливой, – сказала она, когда мы тронулись. – У нее появилась мечта.

– А у вас? – спросил я. – Если что, я готов. Только мигните.

Она нахмурилась, но потом не выдержала и прыснула.

– Не ожидала, что принцы столь легкомысленны! – сказала она, отсмеявшись.

– Я очень серьезный! – возразил я, но Фикре покачала головой.

В отеле я отвел в сторону Бена.

– Наведите справки о переводчице. Все, что удастся разыскать.

– Что-то не так? – насторожился он.

– Слишком красивая. Подозрительно.

В глазах Бена плеснулось уважение.

– Сделаем, Айвен! Но замену найти трудно: равной ей нет.

– Не надо менять! – сказал я. – Наведите справки – и все.

Я не стал объяснять Бену, что в переводчице не нуждаюсь. В Брюсселе мне вставили «Мульти». Бен об этом не знал: «Мульти» был секретным.

После обеда мы отправились в лагерь беженцев и пробыли в нем до вечера. Ничего интересного там не было. Если видел хотя бы один лагерь, в другие можно не ездить. Выражение усталости и отчаяния на лицах взрослых, очереди к цистернам с водой, толпы грязных детишек, пыль, зной... Мы заглядывали в палатки, говорили с людьми, я пожимал руки, дарил свои портреты, произносил какие-то пустые слова, отчетливо понимая, что мне не верят. Высоких визитеров здесь видели, но это не изменило жизнь беженцев. Дома этих людей сожгли, они покинули родину и теперь жили на подачки заплывших жиром государств. Даже на помощи беженцам те наживали состояния. Крупу, которой кормили этих людей, в Европе не давали даже скоту. Империя могла помочь, но не хотела. Требовалось послать войска, но просто так лить кровь в Европе не привыкли. За это следовало платить, а что взять с нищих?

Обратной дорогой я молчал. Фикре бросала на меня короткие взгляды. В отеле Бен отвел меня в сторону.

– Мы разузнали о переводчице.

– И?

– Ничего особенного! – пожал он плечами. – Из христианской семьи, родителей потеряла в семнадцать лет – погибли во время очередной резни, училась в университете, работала, чтобы оплатить обучение. Редкий дар к языкам, поэтому выиграла грант и смогла получить диплом.

– Муж, жених, бойфренд?

– Никого. По тем сведениям, что удалось добыть, и не было. Девушка

строгих правил. Был случай. На прежней работе босс, очень влиятельный здесь человек, вздумал к ней приставать. Она отхлестала его по щекам, после чего ее, естественно, вышвырнули за дверь. Возвращаться ей некуда – в Эритрее война, а в Могадишо на работу не брали – босс постарался. А ведь с ее внешностью могла сделать головокружительную карьеру.

– Да уж! – согласился я.

– Она зарабатывала случайными переводами, по сути, нищенствовала. Повезло, что в Могадишо открылся офис ООН, и с таким знанием языков ее сразу приняли. Босс пытался гадить, но его послали – для ООН он никто. Нрав девочка не изменила: никто в Могадишо не может похвастаться, что спал с ней.

– Нетрадиционная ориентация?

– Данных на этот счет нет. Не советую проверять, Айвен! Не хватало, чтоб принцу поплодировали по щекам. Нам не нужны скандалы.

– Спасибо, Бен! – поблагодарил я.

После ужина мы разошлись по номерам. На душе было тоскливо. Я достал из чемодана бутылку скотча и плеснул в стакан. После первого глотка отодвинул. Колебался я недолго. Отель в Могадишо был старым, и в нем пользовались проводной связью. Я придвинул телефон и набрал номер.

– Алло? – раздался в наушнике милый голос. Бархатистый, завораживающий...

– Это Айвен. Не помешал?

– Нет! – ответила она. – Сижу в Сети. Показывают ваше прибытие. Но я его уже видела – собственными глазами.

– Не откажетесь зайти?

– Хорошо! – согласилась она.

Спустя минуту в дверь постучали. Фикре успела переодеться. Короткое обтягивающее платье вместо делового костюма обрисовало каждую клеточку ее тела. Белья под платьем не просматривалось.

– Нет, так нельзя! – сказал я, отступая.

– В чем дело? – удивилась она.

– Это платье, – указал я. – Я хотел с вами поговорить, но теперь это невозможно. У меня отнимается язык. Вы всегда так безжалостны?

– Лъстец! – улыбнулась она, но я понял, что комплимент понравился. Фикре прошла в номер, я усадил ее в кресло и плеснул виски в стакан.

– Я не пью! – отказалась она.

– Даже такой? – я показал этикетку.

– Хм! – она сморщила носик. – Стоит попробовать. Я читала о нем в Сети. Он стоит своих денег?

– Нет, конечно! – сказал я. – Но пить можно.
Я всыпал ей в стакан горсть льда. Она взяла его и сделала глоток.
– Гадость!
– Святая правда! – подтвердил я. – Но лучшего в отеле нет – я узнавал.
Так что, с вашего позволения, я выпью.
Я осушил свой стакан.
– У вас что-то случилось, Айвен? – спросила Фикре, когда я наполнил стакан вновь.
– Нет! – покрутил я головой. – Не случилось. Произошло.
– Что?
– Два события, и оба грустные. Первое: меня подрядили на мерзкое дело. Я прилетел в Африку подправить имидж империи. Она замечена в небрежении к населяющим континент народам. Империи и в самом деле на них плевать. Скажу больше: плевать будут и впредь. Но меня попросили продемонстрировать обратное. Лучше бы я воевал!
Она подумала и отхлебнула из стакана.
– А второе событие?
– Я влюбился: невпопад и не вовремя.
– В кого? – заинтересовалась она.
– В одну строгую девушку. Она отхлестала по щекам босса, когда тот вздумал к ней приставать. Потеряла работу, ее нигде не брали, но она не уступила.
– Ты это знаешь? – удивилась она.
– Я принц империи, а у нас хорошая служба безопасности.
В глазах ее запрыгали огоньки.
– Почему это грустно?
– Я мечтал затащить эту девушку в постель. Я и сейчас этого хочу. Просто невероятно, как. Однако боюсь.
– Чего? – прищурилась она. – Пощечин?
– Нет. Если ей нравится, пусть бьет. Стерплю. Но она, как говорят, не любит мужчин. А вот это – печально.
Она допила виски и поставила на столик пустой стакан.
– Есть только один способ проверить, – сказала Фикре, вставая...
Проснулся я ночью от непонятного шума. Он доносился из-под кровати. Там кто-то шипел и ругался сквозь зубы. Я сел на постели и включил бра. Диодная лампочка высветила очаровательную попку. Та двигалась вдоль края кровати, вызывая непреодолимое желание ее погладить, что я немедленно и сделал. Попка замерла.
– Ты не видел мое платье? – спросили снизу. Голос звучал задвленно.

Попробуй говорить, когда голова под кроватью!

– Видел.

– Где оно?

– Я выбросил его в окно.

– Правда?

Над кроватью возникла растрепанная головка. Но даже такой она выглядела изумительно. Я кивнул и попытался головку расцеловать. Она увернулась.

– Не хотел, чтоб ты ушла раньше времени, – сказал я. – Чувствовал, что это сделаешь. Как видишь, не ошибся.

– Айвен! – возмутилась она. – Ты что, ненормальный? Скоро утро. Мне нужно идти к себе в номер!

– Зачем?

– Принять душ, почистить зубы, переодеться.

– Здесь есть ванная. Это президентский номер, поэтому зубных щеток там две. Шампунь и гель в двойном количестве. А одежду тебе принесут: я позвоню горничной.

– Ты не понимаешь! – крикнула она. – Все же узнают, что я...

– Провела ночь в моем номере. И что?

– Ты!.. – ее глаза налились влагой. – Правильно про тебя писали в Сети. Хам и грубиян!

– Так ты читала? – заинтересовался я.

– До последней буквы! – выпалила она и смутилась.

Я подумал и встал. Я собирался сделать это позже, но если тут такие страсти... Транспарант Айши нашелся на комодке. Я развернул его и повернулся к Фикре.

– Вот!

В английском «женись на мне!» и «выходи за меня замуж!» звучит и пишется одинаково: «marry me!» Фикре, моргая глазами, уставилась на транспарант и внезапно прыснула.

– Ты чего? – удивился я.

– Посмотри на себя в зеркало! – давась смехом, выдавила она.

Я подчинился. На меня смотрел абсолютно голый, встрепанный мужик. В руках он держал транспарант: «marry me!»

– Ты всегда делаешь девушкам предложения голым?

– В первый раз! – сказал я, бросая транспарант. – Каков будет ответ?

– Думаешь, откажусь? – хмыкнула она.

Из номера она сбежала. Жених растаял от поцелуев и выдал место, где он спрятал платье. Фикре немедленно его натянула и сделала мне ручкой. В

ресторан она спустилась в деловом костюме и со строгим лицом. Был ранний час, но завтрак для нас нашелся – отель держал марку. Кто-то из охраны позвонил Бену, и тот появился в зале.

– Что у нас по программе? – спросил я, придвигая ему чашку с кофе.

– Знакомство с достопримечательностями города, – ответил Бен и отхлебнул.

– Хочу заглянуть в торговый центр, – сказал я. – Кое-что купить.

– Журналистов будить? – спросил Бен.

– Пусть спят! – отказался я. – Что там интересного? Вернусь к общему завтраку. Возьму охрану, Фикре меня сопроводит.

– Тогда и я не поеду! – зевнул Бен. – Вздремну часок. Лег поздно.

Я пожелал ему крепкого сна, и мы отправились. Торговый центр Могадишо оказался на удивление современным, даже с атриумом. Под стеклянным куполом звенел облицованный мрамором фонтан, вокруг высились этажи с бутиками. Центр выглядел вполне по-европейски. Если бы не черные лица покупателей, можно было подумать, что я в Вене или Будапеште. Богатые люди в Могадишо были. Кому война, а кому мать родна...

На нас не обратили внимания. Раннее утро, не объявленный заранее визит... Меня это вполне устроило. Осмотревшись по сторонам, я разглядел вывеску «Cartier» и устремился к бутику. Заметив внушительную делегацию, продавец шмыгнул в подсобку и показался обратно вместе с толстеньким африканцем – наверняка хозяином.

– Что угодно мистеру? – поклонился он.

Африканец меня узнал – я понял это по его глазам, но не подал виду. Что ж, даже лучше.

– Нужно кольцо с бриллиантом, – сказал я. – На палец ее размера, – я указал на Фикре.

Хозяин бросил взгляд на руку девушки и нырнул под прилавок. Спустя мгновение на витрине оказалась коробка черного бархата, где в специальных гнездах переливались камни, венчающие перстни самых разных размеров.

– Выбирай! – сказал я Фикре. – Доверяю твоему вкусу.

Она глянула на меня. Взгляд ее выражал надежду и растерянность одновременно. Для кого кольцо? Если для нее, то почему я этого не сказал? Если для другой, то почему на ее палец? Предложение, которое я сделал в номере, следует принимать всерьез или это шутка? Я сделал морду ящиком. А вот нечего было сбегать! Мне, может, было одиноко...

Фикре вздохнула и стала перебирать кольца. Скоро процесс ее увлек. Какая девушка откажется выбрать бриллиант? Процесс затянулся. Фикре

надевала очередное колечко на пальчик, рассматривала его вблизи, затем, вытянув руку, издали – и так несколько раз. Хозяин терпеливо ждал, видимо, действие было для него привычным. Фикре перемерила все кольца, затем окинула взглядом коробку, куда их сложили, и выхватила перстенок с зеленоватым бриллиантом в форме сердечка.

– Очень редкий цвет! – оживился хозяин. – У вас замечательный вкус, мисс! Камень чистой воды, огранка fancy. Сделано в Антверпене. Двадцать тысяч евройен!

Фикре бросила колечко, будто ожглась. Я взял его и рассмотрел. Насчет воды хозяин не соврал, а вот насчет Антверпена... После того как Фикре ушла из номера, я заглянул в Сеть. Fancy огранщики выбирают не просто так. Это означает, что алмаз имеет дефект и классическую огранку использовать нельзя. Я заметил, что одна из сторон «сердечка» вогнута – совсем чуть-чуть. На первый взгляд незаметно, но если присмотреться... Впечатления это не портило – бриллиант был хорош, но в Антверпене так не делают. Сам бы я такой камень не купил. Но он понравился Фикре... Я поманил хозяина пальцем и ткнул ногтем в дефектную сторону.

– Камень местный, а гранили в Израиле. Скажете, что не так?

Хозяин смутился.

– Даю две тысячи.

– Ваше Высочество! – от волнения хозяин забыл о политесе. – Как можно? Неограниченный алмаз стоил больше.

– Не думаю! – покачал я головой. – Его наверняка купили здесь, да еще нелегально. Ладно. Из уважения к вам – две тысячи пятьсот.

– Обижаете! – хозяин всплеснул руками, и глаза его загорелись. В Африке любят торг. – Пятнадцать тысяч – и только из почтения к империи!

Мы торговались почти час и ударили по рукам ко взаимному удовольствию. Кольцо обошлось мне в пять тысяч. По лицу хозяина было видно, что я переплатил. Во время торга Фикре бросала на меня удивленные взгляды, но я притворялся, что ничего не замечаю. Мне нельзя было опозориться. Это в России девушка придет в восторг, если за подарок заплатят, не торгуясь. Африканка сочтет, что ей попался дурак, и откажется выходить за него замуж.

Кольцо заняло место в коробочке, я сунул ее в карман, и мы отправились в отель. Дорогой Фикре бросала на меня жалобные взгляды. Я делал вид, что рассматриваю город. В отель мы прибыли ко всеобщему завтраку. Ресторан был полон. Сонные журналисты жевали бекон с яичницей, африканцы налегали на кофе. Все были заняты едой, на нас не обратили внимания. Я взял Фикре за руку и вывел ее в центр зала.

– Уважаемые господа!

Я похлопал в ладоши. Шум стих, лица стали поворачиваться к нам.

– Я принц Айвен. Вчера прибыл в Мogaдишо с дипломатической миссией. Хочу сделать маленькое объявление. Собираясь в Африку, я не предполагал, что найду здесь свою любовь, однако это случилось.

Повернувшись к девушке, я вытащил из кармана коробочку с кольцом и встал на одно колено.

– Дорогая Фикре! Я люблю тебя и прошу стать моей женой!

Я протянул ей раскрытую коробочку. Послышался звон. Это падали вилки, выроненные посетителями. В зале повисла мертвая тишина. Фикре смотрела на меня, приоткрыв рот. Мой демарш для нее, да и для всех остальных, стал сюрпризом. Сцена затянулась. Стоять коленом на мраморном полу было неудобно, и я раздумывал, будет ли приличным встать, как вдруг в отдалении раздался мощный рык:

– Чего же ты ждешь, глупая?! Хватай, пока он не передумал! Или ты думаешь, что принцы в Африке валяются под ногами?!

Я оглянулся. У входа в кухню стояла типичная «мамми» – невероятно толстая африканка в белом переднике и таком же колпаке. Ее руки, каждая толщиной с мое бедро, были уперты в бока.

В зал будто впустили воздух. Все закричали, загомонили. Когда я обернулся к Фикре, коробочки на моей ладони не было, а зеленое сердечко красовалось на ее пальчике. Я встал и шагнул к невесте. В следующий миг нас едва не снесли. Журналисты, выплевывая на ходу бекон, мчались за видеокамерами...

Фикре оттащили для интервью, и ко мне подскочил Бен.

– Ты это серьезно, Айвен?

– Более чем, – сказал я.

– Но что скажет император?

– Порадуется за пасынка. Успешно выполняет дипломатическую миссию, нашел приличную девушку.

– Она африканка!

– Вообще-то из народности тигре. Они потомки царя Соломона и царицы Савской. Древнейшая в мире династия, даже более древняя, чем японская.

– У нее есть соответствующие документы? – заинтересовался Бен.

– А у японцев? – спросил я. – Их императоры ведут свое происхождение от богов. Те выдали им нужные бумажки?

Бен впал в ступор, а я поспешил на помощь Фикре: она уже растерянно искала меня глазами...

Мать связалась со мной, когда мы ехали в машине – программу никто не отменял.

– Это правда? – спросила, разглядывая съезжившуюся от испуга Фикре – та узнала супругу императора.

– Да, ма! – ответил я. – Познакомься! Это моя невеста. Ее зовут Фикре. Мы рады тебя видеть.

– Красивая! – неодобрительно проронила мать.

– И очень порядочная, – добавил я. – Двору не придется выкупать ее откровенные фото и видео. Их не существует.

– Уверен? – поджала губы мать.

– На все сто! – заверил я.

– Весь в отца! – вздохнула мать. – Тот тоже потащил меня в загс в первый день знакомства. Такой же торопливый.

– Хочешь сказать: он ошибся в выборе? – спросил я.

– И наглый! – буркнула мать и отключилась.

– Я не понравилась твоей маме? – спросила Фикре. Разговор она не поняла: мы общались по-русски.

– Наоборот! – заверил я. – Не может понять, как девушка вроде тебя согласилась выйти за такого оболтуса, как я.

– Ты не оболтус!.. – начала было Фикре, но тут позвонила Катя.

Она говорила по-английски. Сообщила, что императорский двор горячо обсуждает новость. Все утверждают, что Фикре очень красивая. Эдди уже пожалел, что не полетел в Африку вместо Айвена. «Я бы эту девочку не упустил!» – повторила Катя его слова. Фикре заулыбалась. Кате минуло пятнадцать, и она была очень непосредственной.

– У тебя очень хорошая сестра, – сказала Фикре, когда Катя отключилась. – И строгая мать. Вы все очень красивые.

Я хмыкнул.

– А ты лучший из всех! – завершила Фикре. – У тебя необыкновенные глаза: зеленые, как трава весной. Узнав о визите, я полезла в Сеть. Прочла о тебе все. Писали гадости, но я не верила. Человек с такими глазами не мог быть плохим. Потом вы прилетели. Я увидела тебя и поняла, что влюбилась. У меня не осталось принципов. Ты мог взять меня прямо в машине...

– Да? – заинтересовался я. – Жаль, не знал. День потеряли...

Программу дня мы отработали, как обычно, а вечером в отеле нас ждал банкет. Отель накрыл его за свой счет. Прибыли представители местных властей. Мне вручили свидетельство о браке, выписанное мэрией, после чего начались поздравления. Слушая их, Бен багровел.

– Император меня убьет! – сказал, улучив минуту.

– За что? – удивился я.

– Они поверили, что мы вмешаемся, – вздохнул Бен. – Это ты дал им надежду, Айвен!..

Мне было плевать. Рядом сидела самая красивая женщина на Земле, и я был в нее влюблен. После банкета мы отправились в номер. Тот был завален цветами. Фикре обвела их взором и вдруг всхлипнула.

– Ты чего? – испугался я.

– Не могу поверить, – сказала она, шмыгая носом. – Все вижу, все понимаю, но не могу.

Она уткнулась влажным лицом мне в грудь.

– Я не рассчитывала стать твоей женой, – она отстранилась и посмотрела на меня влажными глазами. – Только в сказке принц женится на Золушке.

– Я не наследный принц, – сказал я, – поэтому императором не стану. У нас будет обычная семья. Я стану работать, а ты – растить наших детей. Таких же красивых, как ты.

– Если у них будут твои глаза, нам позавидует весь мир! – сказала Фикре.

– Над этим стоит поработать! – озаботился я. – В смысле – над глазами. Предлагаю начать прямо сейчас...

Женитьба не повлияла на программу визита. Мы перелетали из страны в страну, Фикре исполняла роль переводчицы, но в столицах ее принимали, как принцессу. Внимания уделяли даже больше, чем мне. Президенты и премьер-министры целовали ей ручку, благодарили за помощь, которую она оказала Африке. Видимо, тем, что вышла за меня замуж. Слушая это, Бен мрачнел. По окончании программы он собрал команду и улетел. Мы остались. Империя не давала Фикре визу. Я пытался звонить отчиму – нас не соединяли. Чтобы не скучать, мы устроили тур по африканским достопримечательностям. Озеро Танганьика, национальный парк Серенгети, водопад Виктория... Мы останавливались в отелях, днем осматривали достопримечательности, а ночью предавались любви. Фикре нравились мои уроки. Она просила их повторить и даже вносила рационализаторские предложения. Строгая девочка, избегавшая мужчин, почувствовала себя женщиной. Эти дни стали самыми счастливыми в моей жизни.

С визой продолжали тянуть, и мы вернулись в Могадишо. Фикре намеревалась получить расчет и собрать вещи. В каждой стране нас осаждали журналисты, и мы не скрывали от них своих планов. Это навело

на нас Надира. Он уже строил халифат и нуждался в пиаре. Убийство принца империи подходило для этого идеально. Сложностей не предвиделось. Моя охрана улетела в Брюссель – ее выделили только на время визита; а громилы, которых нам дали, телохранителями были никакими. У них не было даже беспилотника, чтобы проверить маршрут. Когда на пути из аэропорта по кортежу ударил пулемет, первым нашелся я.

– Гони! – приказал шоферу, вскакивая с дивана.

Тот утопил педаль в пол, мотор рыкнул, и лимузин рванулся вперед. Мы почти ушли, когда на обочине грохнул взрыв. Надир умел готовить засады и предусмотрительно расставил на обочине управляемые мины. Под взрыв одной из них мы и угодили. Я ощутил удар по ногам, лимузин закрутило на дороге, в этот миг сзади прилетела очередь. Удара пуль я уже не почувствовал...

Приданные нам охранники были неумелыми, но храбрыми. Они успели вызвать подмогу и вытащить тяжелораненого принца из горящего лимузина. Фикре не успели... Подоспевшая полиция увезла меня в госпиталь. Я оказался единственным, кто выжил в той мясорубке.

Везти меня в Брюссель побоялись – не перенес бы перелета. Имперский двор прислал врачей, но было поздно. Ноги пришлось отнять – началась гангрена. В Африке с этим быстро... Я принял это равнодушно. В один из дней в палату пришел командующий вооруженными силами Сомали. Он положил на мою подушку оплавленный комочек золота – все, что осталось от обручального кольца Фикре, отдал честь и вышел. Я взял комочек и сжал его в кулаке – да так, что его уродливая форма отпечаталась на коже...

Глава 16

– Замечательный напиток, черр! – Элсли поставил пустой кубок на стол. – Не вино, конечно, но вкус мягкий и приятный. И в животе сразу тепло. Никогда такого не пробовал!

– Скоро сможете! – заверил я гостя. – В Ниме будет повсеместно.

Это так. Просьбу Мэгги и Лэнса я выполнил. Образцы виски представлены местным купцам и ими одобрены. В Иорвик пошли заказы...

– И ужин великолепен!

Элсли окидывает сожаляющим взглядом пустые тарелки. Ну да, ел он, хоть и аккуратно, но за двоих. Заметно, что постился накануне.

– Готов ответить на ваши вопросы, черр! Вы ведь пригласили меня не за тем, чтобы угостить?

Умен! И нахальный...

– Зачем вы искали встречи со мной? Ты ведь не случайно оказался за моей спиной в храме, а?

– Хочу служить королеве, черр!

Кто бы сомневался!

– На каком посту?

– Не знаю, черр!

Вот это новость! Подымаю бровь. В ответ – вздох:

– Я ничего не умею, черр!

Некоторое время пристально разглядываю гостя. Он не опускает взгляд. Не врет... Любопытно. Приходившие до него просители твердо знали, чего хотят. Многие требовали пост первого съёрда. В местных реалиях это премьер-министр, второй человек после королевы. Просители были уверены, что их происхождение позволяет претендовать. Наличие мозгов, а равно и знаний, они считали делом второстепенным. Зря старались. Первый съёрд Алитании – это я, если кто не понял. Насчет этого у нас с Бетти жесткая договоренность: или я, или напыщенный гусак с титулом. Третьего не дано. Однако де-юре пост свободен. Меня назначить нельзя – съёрды обидятся: какой-то лэнд... Это нам Оливер разъяснил.

– Мне, видно, нужно рассказать о себе, черр?

Киваю: разумеется! Надо же знать, с чего он такой жалкий.

– Я родился в семье богатого съёрда, черр! Единственный наследник титула и состояния. То и другое я получил в двадцать лет, после смерти отца. Приехал в Ним, где был представлен королю. Покойный Харри и его

двор приняли меня ласково. Я был молод, красив, богат, к тому же весел и щедр. Таких любят...

Хорошо излагает: кратко и по существу. Готовился. И словесным поносом не страдает – это плюс.

– Мне предлагали служить, но я не захотел. Зачем? Деньги, титул, владения – все имеется. У меня был строгий отец, черр, который не баловал сына. С его смертью я получил свободу. Кутил, волочился за женщинами, не разбирая, чья это жена или дочь. Двадцать семь дуэлей за пять лет. Трех противников я убил, пятнадцать ранил, с остальными дело закончилось примирением и попойкой. Платил я. У меня просили денег, и я не отказывал. Трудно найти в королевстве съёрда, с кем бы я не осушил бутылку-другую. А женщины! Вначале я вел счет побед, но вскоре бросил – сбился со счета.

Лицо Элсли принимает мечтательное выражение. Жестом руки побуждаю его продолжить.

– Когда Харри умер и к власти пришли Дигганы, все осталось, как было. Я пил, ел, любил женщин – пока не кончились деньги. В тот миг мне стоило задуматься, но я не внял голосу разума. Мне советовали уехать из столицы и пожить в поместье. Тамошняя жизнь дешева. Я бы оправился и вернулся. Но сама мысль покинуть Ним была мне омерзительна. Здесь жили люди, которых я любил, и которые, как я считал, любят меня. Поэтому я заложил земли. Дом Троскана дал сто тысяч крон. Большие деньги, но я растратил их за два года. Долг возвращать было нечем, и лен забрали. Я побежал к друзьям, но те развели руками. Дом Троскана действовал по закону. Богатый съёрд стал нищим...

Элсли горько усмехнулся.

– Судьба дала мне урок, но я оказался глупцом. У меня оставался титул, который можно было продать. Проще говоря, жениться. Богатых невест в королевстве хватало, и породниться с Элсли желали многие. Но женитьба забрала бы у меня свободу, а я этого не хотел. Поэтому стал возмущаться, сетовать на несправедливость, причем делал это достаточно громко. Дигганам это надоело, и меня отправили в Гремплъ.

Элсли побарабанил пальцами по столу.

– Заточение спасло мне жизнь, черр! В противном случае я влез бы в заговор и попал бы на эшафот. А в Гремпле худо-бедно кормили, и была масса времени, чтобы подумать. Я, правда, понял это не сразу... Первое время роптал и сетовал на судьбу. Когда надоело, стал присматриваться. Заключение я делил с замечательными людьми. Оказалось, что с ними интересно говорить. Они много видели и знали. Воевали, покоряли моря,

занимались финансами королевства, руководили провинциями. А что мог рассказать я? О вкусе дорогих вин, нарядах, умении добиваться благосклонности красавиц? Их это мало интересовало. Они говорили о королевстве, сетовали, что Дигганы губят его. В ответ я мог только поддакивать. У меня не было на этот счет своего мнения. Я не знал, как государство устроено, как зарабатывает оно деньги, охраняет свои границы и как сделать, чтобы расходы соотносились с доходами. Я не разбирался в устройстве полков и флотов, не знал, чем занимаются чиновники. Поэтому внимательно слушал. За два года в Гремпле я узнал больше, чем за всю предыдущую жизнь. Это дало мне надежду, черр, что в случае освобождения смогу быть полезен.

Ну да, помечтай!

– Почему вы не подошли ко мне в Гремпле?

– Воздух свободы вскружил мне голову. А если честно: не знал, чего от вас ждать. Я рассчитывал, что в Ниме у меня остались друзья, я поживу у них, осмотрюсь, а после решу, что делать. Но я ошибся: друзей у меня не осталось.

Улыбка у Элсли получилась кривой.

– Мне отказали в семи домах, черр! Просто не пустили за порог. И это люди, которые были мне обязаны! Это было очень горько, черр... Впервые в жизни мне захотелось умереть. Но я даже покончить с собой не мог – у меня не было оружия. Я стоял на улице, не зная, на что решиться: взобраться на башню и броситься на мостовую или пойти утопиться. И в этот миг ко мне подошла женщина. Спаситель послал мне ангела...

Элсли вытер уголки глаз. Слишком театрально, на мой взгляд.

– Ее зовут Энн. Ее муж, сержант, потерял на войне обе ноги. Короне он стал не нужен. Бывший сержант просил милостыню у храма, а я шел на службу. Меня пригласила туда одна милая вдова. Невероятно красивая, но такая же религиозная. Никто в Ниме не мог взять эту крепость. Я пробовал – не получалось. Меня это задело: прежде женщины мне не отказывали. Тогда я попросил вдову просветить меня в вере. Ей эта мысль показалась замечательной. Мы шли к храму, и я заметил калеку. Решение пришло мгновенно. Я подошел к безногому, участливо расспросил его, затем снял с пояса кошелек и отдал ему. Не помню, сколько там было, но очень много. Видели бы вы лицо калеки! Вдова впечатлилась. В тот день я добавил к числу своих побед еще одну.

Элсли помолчал.

– Я вскоре забыл о том случае, черр, и о покоренной вдове – тоже. А вот безногий сержант – нет. Моих денег хватило ему, чтобы купить в Ниме

дом и вырвать семью из нищеты. Сержант рассказал обо мне жене и детям, показал им меня и велел молиться за благодетеля. Оказалось, что простые люди помнят добро лучше благородных. Энн узнала меня и пригласила к себе. Ее муж умер, живут они скудно, но для меня нашлись кусок хлеба и уголок для ночлега. Энн дала мне шпагу мужа, – Элсли коснулся пальцами эфеса. – Это самое дорогое, что у нее осталось. Она собиралась ее продать, чтобы купить детям одежду, но с моим появлением передумала. Сказала, что благородному черру без шпаги нельзя, а дети могут походить в старом. Тогда я дал обет, черр, что, найдя службу, отплачу этой женщине за доброту.

– Трогательная история! – согласился я. – А теперь скажите мне, съёрд, что в ней правда?

Элсли метнул на меня гневный взор, но я не отвел взгляда. А вот не надо буравить меня зенками! Не на того напал! Элсли увял.

– Я рассказал не все, черр! Потеряв состояние, я пришел к Рилли. Мое происхождение, как я считал, давало мне право претендовать на высокий пост. Таким образом я надеялся поправить дела. Но не учел, что без владений я не представляю для Дигганов интереса. Рилли высмеял меня. Сказал, что лучшее, что может мне предложить, – это место рядового в гвардии, да и то следует ждать вакансии. И тут я не сдержался, черр! Наговорил гадостей. Вспомнил, что представляла собой его сестричка перед тем, как попасть в постель короля. Я был из числа тех, кто пользовался ее благосклонностью, и это, к слову, стоило мне недешево. Короче, повел себя как последний глупец. Рилли кликнул стражу, и меня препроводили в Гремплъ. Оскорбление королевы – серьезное преступление. Меня приговорили к вечному заточению и лишили титула. Остальное правда, черр!

Я кивнул – поверим.

– Чего вы хотите получить за службу, Элсли?

– Жалованье, черр! Мне не на что жить. Энн говорит, что будет меня кормить. Она сдает комнаты, но квартиранты платят мало и нерегулярно. Ее дети подросли, их нужно учить. Я здоровый и сильный мужчина, черр, и мне стыдно сидеть на шее женщины.

– Что кроме жалованья?

– Титул, черр! Хотя бы лэнда.

– И все?

Элсли смутился.

– Нет, черр! Мои предки добыли титул и лен. Они рисковали жизнью, лили кровь, а я растратил их достояние. Хочу вернуть его.

– На что готовы?

– На все, черр!

Смотрю ему в глаза – не отводит взгляда. Теперь точно не врет.

– У меня найдется служба для вас, Элсли. Но сначала испытание.

Кивает.

– Меня беспокоят враги короны. Я хочу знать о них все. Выберите самых опасных и составьте каждому подробную характеристику. На что они способны, какими средствами располагают, с кем дружат, имеют ли поддержку в армии? Семья, любовницы – словом, все, что представляет, на ваш взгляд, интерес. Сделаете?

– Да, черр!

Элсли вскакивает.

– Жду вас...

– Завтра вечером, черр!

Эк, как тебя приперло!

– Успеете?

– Ночь буду не спать, черр! В эти дни я хорошо отдохнул.

– Тогда до завтра! Вот! – я выкладываю на столешницу кошелек. – На бумагу, перья и чернила. Не стоит вводить вашу благодетельницу в лишние расходы. Хорошая еда тоже не помешает. Считайте это авансом.

Рука Элсли ловко прибирает кошелек, он кланяется и торопливо выходит. Интересно, придет? Такое впечатление, что не только я, но и он меня прощупывал. На предмет чего? Бывший съёрд весьма непрост. Приходившие до него соискатели напирали на свои заслуги, Элсли начал с недостатков. Необычно. Ладно, увидим.

* * *

Элсли сдержал обещание и пришел на следующий день. Поклонился и выложил на стол пухлый бювар. Я раскрыл папку. Эк, сколько накопал! И все-то за сутки? Так, съёрд Алан Дигган-младший... 28 лет, рост средний, лицо красивое, глаза серые, волосы светлые, речь надменная... На левой щеке небольшой кривой шрам, при разговоре щурит левый глаз. Неплохой словесный портрет! Мы вот не потрудились его составить, разослав указ всего лишь с требованием задержать преступника. А откуда стражникам знать, как Дигган выглядит? Они в столицах не бывают. Хреновый из тебя советник, Иван, на такой мелочи прокололся! Что дальше? Характер у Алана вспыльчивый, возражений не терпит... Со старшим братцем, мною

успокоенным, отношения были натянутыми, а вот с сестрой – сердечные. Ходят слухи, что чересчур. Его не раз видели выходящим поутру из спальни королевы. Из-за этого младший ссорился с покойным Рилли. Однако!..

Через мгновение забываю обо всем вокруг. Друзья, недруги, родственники... Алан вряд ли в состоянии собрать дворян под свое начало. Съёрды его не любят – заносчив. В Алитании его, скорее всего, уже нет, ушел в Глен, там у него родня. Но может опасно вредить – король Глена поможет. Ну, это само собой.

Беру другой лист. Бывший командующий войсками Лесли. Ярый сторонник Дигганов, поэтому потерял пост. Умен, храбр, прост в обращении с офицерами, поэтому популярен у них. Но злопамятен, обид не прощает. Если вернуть пост, с большой долей вероятности склонит офицеров к мятежу... Черт, черт и еще раз черт! Мы как раз собирались этого деятеля восстановить в правах. Родж о нем хорошо отзывался, да и другие командиры полков. Думали исправить ошибку. Младенцы...

Остальные листы просматриваю бегло. Бывший верховный судья, члены распущенного нами Регентского совета. Жены, любовницы, родственные связи, степень опасности... Подробное досье, такое за сутки не сочинишь.

– Сколько дней вы это писали, Элсли?

– Десять, черр!

То-то не похоже, что ты не спал эту ночь.

– Почему сразу не принесли?

– Не знал, чего от вас ждать, черр! Вы могли бумаги забрать, а меня – выставить. Я не забыл визит к Рилли. Но вы предложили мне это задание и дали денег...

Хотел убедиться, можно ли со мной иметь дело? Умно.

– Зачем сочинили трогательную историю?

– В ней чистая правда, черр! Только не вся. Муж Энн служил еще моему отцу. Очень преданный человек. Переехав в Ним, я купил ему дом. Небольшой, но очень уютный, с черным ходом, выходящим на тихую улочку. Там было удобно принимать женщин, которые не хотели, чтобы их видели входящими к съёрду. За это семья сержанта получала от меня содержание. Понятно, что сцену у храма мы разыграли. Кошелек с золотом вернулся ко мне в тот же день.

Пройдоха! Но для нашего дела – то, что нужно.

– Никто не подходил ко мне на улице после освобождения из Гремпля, здесь я солгал вам, черр. Хотя друзья меня бросили: я узнал об этом в

Гремпле. Никто не посетил меня, не передал краюхи хлеба. А вот Энн носила... Поэтому, получив свободу, я сразу пошел к ней. Остальное правда. Муж Энн умер, живут они скудно.

– Откуда сведения? – я кладу ладонь на листы. – Человек, который сидел в тюрьме, не мог столько знать.

– От Энн, черр! Ее муж был портным и общивал знать. Вернее, шила Энн, но в Ниме не доверяют портникам-женщинам. К ним шли мужчины и женщины, и это, к слову, помогало маскировать свидания. Клиенты портных любят поболтать, а Энн – женщина приметливая. У нее отличная память, как, впрочем, и у меня, черр. Да и в Гремпле я многое запоминал. В тюрьме поговорить с товарищем по несчастью едва ли не единственное развлечение, а я больше слушал, чем говорил.

– Как догадались, какие сведения мне понадобятся?

– Немного подумал, черр! – Элсли улыбнулся и коснулся пальцем лба. – И вы, и черр Оливер, и королева – новички в столице. Мало кого знаете, поэтому нуждаетесь в человеке, который подскажет и предупредит.

– И этот человек, конечно, вы. Но я не знаю: могу ли вам доверять?

– В этом можно не сомневаться, черр! У меня нет причин любить Дигганов. Это раз. И второе. Попади эти бумаги им в руки, – Элсли кивает на бювар, – и мне конец. Возьмете меня на службу, черр?

– Подождите здесь!

Встаю и забираю бювар. Решение принято, но лучше посоветоваться. Оливера застаю в кабинете. Верховный судья с увлечением просматривает какие-то бумаги. Увидев меня, отрывает от них взор.

– Добрый вечер, Айвен! Посмотрите, что я нашел! Документы о разводе короля с Айлин. Оказывается, ее оклеветали...

– Гляньте лучше это!

Оливер хмурится, но берет бювар и начинает читать. Скоро лицо его вытягивается.

– Откуда это у вас?

– Один человек принес. При Дигганах он сидел в Гремпле.

– Его нужно брать на службу, немедленно!

– Я тоже так думаю.

– Идем к Бетти!

К королеве вваливаемся, не постучав, и застаем Ее Величество врасплох. Бетти с Миркой носятся по кабинету, играя в догонялки. Увидев нас, Их Величество замирают и краснеют.

– Почитай это, Бетти!

Оливер протягивает ей бювар. Бетти послушно берет и садится за

стол. Очень скоро выражение ее лица становится таким же, как недавно было у Оливера.

– Человек, который это принес, – говорю торжественно, – хочет служить Вашему Величеству. Как ваш советник предлагаю назначить его главой службы безопасности королевства.

– Ему можно доверять? – спрашивает Бетти.

– Думаю, да. У него нет причин любить Дигганов. Они лишили его титула и заточили в Гремплъ.

– Какого титула? – оживляется Оливер.

– Он бывший съёрд Элсли.

– Хороший род! – кивает Оливер. – Древний.

– Титул нужно вернуть, – говорит Бетти. – Прямо сейчас.

– Не рано? – сомневаюсь я.

– Его нужно поднять так, чтоб было страшно падать, – замечает Бетти.

Неглупо. Оливер кивает. Ну да, для него главное – титул. Назначить начальником безродного – моветон. Бетти уступает мне место за столом. Сажусь и быстро сочиняю два указа. Мы с этим наострились за минувшие дни... Бетти достает из стола палочку воска и большую королевскую печать. Ее изъяли у Карри, перед тем как выслать ее в поместье в горах. Бетти берет свечу, расплавляет над пламенем палочку и капает воском на бумагу. Затем ловко прикладывает печать – тоже наострилась. Подпись: «Betty I...»

Элсли встречает меня настороженным взглядом. По пути к Оливеру я велел принести ему вина и печенья, чтоб не скучал. То и другое не тронут.

– Следуйте за мной, черр!

Элсли держится позади, как привязанный. Стучу в дверь кабинета и пропускаю его вперед. Сам вхожу следом.

– Ваше Величество!

В голосе Элсли изумление. Не ждал такой аудиенции.

– Проходите, черр!

Бетти величественно встает из-за стола. Черт! И как это у нее получается? Дите конопатое, только что с Миркой по кабинету бегала, а сейчас стоит так, что высокий Элсли кажется рядом с ней карликом. И платье на ней розовое и чулки, можно не сомневаться, красные. Наряды, сшитые по моим эскизам, Ее Величество надевает только в торжественных случаях. Она относится к ним, как строевые офицеры к парадной форме. Красиво, нарядно, но неудобно. Свое привычнее...

Бетти протягивает руку, и Элсли сгибается, чтоб приложиться. Это честь – облобызать ручку королеве. Мирка, воспользовавшись моментом,

прыгает на спину гостя. Ей хочется поиграть, но Элсли, выпрямившись, смотрит на зверька со страхом. О Мирке в Ниме ходят невероятные слухи. Поселившись во дворце, я как-то собрал прислугу и велел выставить на стол приготовленные к обеду блюда. После чего вручил Мардж пузырек.

– Это яд! – произнес я сурово. – Пусть кто-то из них, – я указал на поваров, – подольет его в одно из блюд после того, как я выйду.

Мардж пыталась возразить, но, натолкнувшись на мой взгляд, умолкла. Когда я вновь вошел, блюда стояли на столе, а повара замерли у стены. Я снял с плеча горностайку и пустил на стол. Мирка с любопытством стала обнюхивать блюда. У миски с каплуном она выгнула спину и зашипела. Неудивительно, этот запах Мирка не переносит.

– Найди, кто это сделал! – велел я.

Мирка спрыгнула на пол и побежала вдоль поваров. Возле юного поваренка она вновь выгнула спину и возмущенно зачирикала. Вот, дескать, нехороший двуногий, который испортил пищу. Поваренок побледнел и вжался в стену.

– Он? – спросил я Мардж.

Та кивнула.

– Все ясно? Если в пище королевы будет яд, Миранда его найдет. После чего я скормлю это блюдо всем вам. И мне плевать, кто именно отравил пищу! Усвоили?

Ответом мне был дружный рев. Повара наперебой кричали, что они все до одного обожают королеву. Что в их рядах предателей нет. А буде найдется, то они сами выпотрошат негодяя, зажарят и скормят его родственникам...

Этот случай родил слухи. Дескать, у королевы есть необычный зверек. Он читает мысли людей, после чего пересказывает их Ее Величеству. (Во дворце заметили, что Бетти и горностайка понимают друг друга.) Слухи выплеснулись за стены дворца. Мы их, естественно, не опровергаем...

Увидев, что гость не склонен играть с нею, Мирка разочарованно свистнула и перебралась к Бетти. Та приняла торжественный вид.

– Мой воспитатель, съёрд Оливер, и советник, лэнд Айвен, рекомендуют вас, Элсли, на должность главы службы безопасности королевства. Черра Миранда проверила вас и не нашла в вас зла. (Вот чертовка, и как только сообразила!) Поэтому я соглашусь с их мнением. Справитесь?

С лица Элсли пропадает краска. Он-то ждал назначения, но такого!

– В-Ваше Величество...

– Вижу, что справитесь, – прерывает его лепет Бетти. – Держите указ о

вашем назначении. А вот еще один. Семейство Дигганов обидело вас. Считаю долгом восстановить справедливость. Отныне вы вновь съёрд.

Элсли падает на колени.

– Ваше Величество! Будьте уверены! Честью и кровью! Жизнью, если понадобится...

На Элсли жутко смотреть. Скажи ему сейчас: «Иди, режь!» – и пойдет, не задумавшись. Здесь титул, как в моем мире генеральское звание, которое отобрали и вот неожиданно вернули...

– Встаньте, съёрд! – в глазах Бетти прыгают искорки. – Я верю! Черр Айвен скажет вам, что делать.

Она подмигивает мне. Подсказываю, поднимаю Элсли и вытаскиваю его из кабинета. За дверью тот приходит в себя, но все равно тащится следом, как сомнамбула. В кабинете наливаю ему вина. Элсли хватает кубок и осушает одним глотком.

– Черр! Я право не ожидал... Ее Величество... Какая женщина!

– Вам нужно оправдать ее доверие, Элсли! – прерываю его. – Поэтому сразу за работу! Вот! – бросаю на стол тяжелый мешок. – Это на первые расходы. Отчитываться будете мне. Завтра жду от вас соображений, как лучше устроить службу. Размещаться будете... – на секунду задумываюсь, – в бывшем дворце Рилли.

Элсли хватает бутылку и наполняет кубок. Стресс... Дворец Рилли – едва ли не самый богатый в Ниме. Огромное, помпезное сооружение. Колонны, фризы, длинные коридоры и масса комнат. Бетти предлагала его мне в дар, но я отказался – на кой? Собак по коридорам гонять? А вот для СБ дворец – в самый раз. Внушает.

– Черр! – голос у Элсли с хрипотцой. – Я могу взять туда Энн с детьми?

– Разумеется! Вы вправе селить там, кого захотите. Но, если не секрет, зачем вам Энн?

– На моей должности у меня будет много врагов. Не хочу, чтоб в моей пище оказался яд. Энн доказала свою преданность.

М-да. Не ошиблись мы в выборе.

– Как мне обращаться к вам, Айвен?

Ах, да! Элсли теперь съёрд, а я – лэнд. Должность у Элсли солидная, а я – советник. Бетти не сказала, кто в паре главный. Элсли хочет выяснить статус-кво.

– Зовите меня «босс», Элсли. В моей стране так обращаются к начальнику.

– Спокойной ночи, босс! Завтра с рассветом буду у вас. Вы ведь

встаете рано?

И это знает? Сработаемся!

Глава 17

– Вот, черр!

Заведующий арсеналом выкладывает передо мной «Дерринджер». Лицо его светится торжеством. Ну-ну... Беру пистолет, сдвигаю запирающий рычаг. Усилие нормальное – не слабое, но и не тугое, с четкой фиксацией в крайнем положении. Стволы легко откидываются под собственным весом. Заглядываю внутрь – ого!

– Нарезы?

– Да, черр!

Заведующий (его зовут Росс, вернее, съёрд Росс) изо всех сил пытается скрыть торжество, но удается это ему плохо. Вскидываю стволы к свету. Так, делали на токарном станке, многократно прогоняя резец по каналу ствола. Примитивный, малопроизводительный, требующий высокого мастерства способ, но единственно возможный в здешних условиях. Дорнирование или ротационную ковку не применишь: нет оборудования, сверхтвердых сплавов... Ствол прошли сверлом и резцом, чем и ограничились. Протяжки, развертки, электрохимическая обработка и хонингование в этом мире отсутствуют как класс. Но все равно вышло очень даже неплохо – лучше, чем в моем «Дерринджере», взятом за образец. Поэтому Росс и лучится. Запираю стволы, взвожу курок и пробую спуск. Не тугой и не легкий – в самый раз.

– Отстреливали?

– Разумеется, черр! Но вы можете испытать сами.

По тону Росса ясно: очень хочет, чтобы черр испытал. Что еще придумал? Не будем разочаровывать старика. Встаю. В компании Росса и трех мастеров выходим во двор. Здесь оборудован простейший тир: мешки с песком, закрывающие стену соседнего здания, перед ней – грубо сколоченные из досок щиты. На них – мишени: черные кружки, намалеванные на листах бумаги. Росс протягивает мне патрон. Перед заряданием осматриваю его. Пуля свинцовая, продолговатая, а гильза – медная. Штамповка, причем очень аккуратная – задиров и прочих следов от матрицы не наблюдается. Вставляю патрон в казенник, запираю стволы, взвожу курок. Вскидываю руку с «Дерринджером».

– Прицел по центру! – подсказывает Росс.

Подсказка лишняя. Здесь все прицелы выставляют по центру. С настильностью стрелок разбирается сам. Хотя что тут разбираться!

Прицельная дальность у гладкоствольных ружей от силы сотня шагов, у пистолетов – двадцать.

Бах!

Руку с «Дерринджером» неслабо бросает вверх. А вот дым от выстрела фактически отсутствует. Вот от чего так лучился Росс!

– Бездымный порох?

– Именно так, черр!

Лица у заведующего и его мастеров довольные-предовольные. Сделали, значит. Черр Айвен им рассказал, продемонстрировал пару опытов, в том числе классический со смачиванием тряпки в азотной кислоте, ее последующей сушкой и сжиганием. Какие у них были глаза, когда тряпка вспыхнула! Затем черр Айвен рассказал, как делать бездымный порох. Какие для этого потребуются вещества, и как выстроить технологический процесс. Мастера записали. Но от опыта до промышленного образца – дистанция огромного размера. В арсенале прошли ее на удивление быстро. Достаю из казенника гильзу. Она выходит с трудом – раздало при выстреле. Приходится воспользоваться ножом.

– Навеска пороха великовата.

– Зато бой сильный! – не соглашается Росс. – На ста шагах пробивает половую доску.

Половая доска здесь толщиной в три пальца. Неплохо, но...

– Гильза застрянет – стрелок безоружен. Какой смысл заряжать пистолет с казны, если гильзу приходится вытаскивать ножом? И для повторного использования она не годится. Навеску уменьшить! Пистолет – не ружье, сто шагов для него много.

Росс хмурится. Он производитель, а не стрелок. Для него сильный бой неоспоримое достоинство. Когда-то и на Земле так думали. Изобретали тяжеленные «маузеры» под бутылочный патрон. Вскоре выяснилось: у них избыточная мощность и вес. Цель из «маузера» можно поразить и на двухстах метрах, только вот зачем? Из винтовки проще. Пистолет – оружие ближнего боя, скорострельность и удобство для него важнее. Россу придется переделывать патрон и казенник в пистолете. Морока, но надо. Лучше помучиться сейчас, чем в процессе эксплуатации.

Иду к мишени. Пуля угодила почти в центр. С двадцати шагов – отлично! Правда, и стрелок не новичок. Обхожу мишень. Выходное отверстие бугрится щепой. Калибр не мелкий, а пуля свинцовая – деформировалась при встрече с препятствием. Если попадет в человека... При здешнем уровне медицины – гарантированный покойник.

– Очень хорошо! – хвалю Росса.

Он расплывается в улыбке.

– Во сколько обойдется патрон?

Лицо Росса скучнеет.

– Два силли за штуку. Если большая партия, цену уменьшим на шесть пенни. Но это все, черр! Порох дорог.

Порох в этом мире реально дорог – как дымный, так и бездымный. Для унитарного патрона вдобавок нужна гильза, капсюль, причем под бездымный порох мощнее, чем к дымному. Из-за дорогого пороха в армии солдату позволяют выстрелить из ружья не более трех раз в год. Бывает и меньше.

– Будет большая партия, черр Росс! Десять тысяч патронов и сорок пистолетов.

– Всего сорок?!

– Ладно, пятьдесят. Но ни одним больше.

Росс разочарован. Он, видимо, рассчитывал перевооружить «Дерринджерами» армию. Ага, ценою в пятнадцать крон каждый. (Цену «Дерринджера» Росс мне огласил.) Кремневый пистолет при оптовой закупке обходится в четыре золотых. А теперь считаем. Десять тысяч патронов по полтора силли – это 750 крон. Пятьдесят пистолетов – еще столько. От таких цен любая казна треснет. Считай, годовое жалованье полка в трубу вылетело. Мы не будем вооружать армию «Дерринджерами». Они пойдут личной охране королевы – и только ей.

– Как дела с переделкой ружей?

– Прошу за мной, черр!

Идем в здание мануфактуры. При виде нас мастера за длинным верстаком встают. На струганых досках лежат кремневые ружья, правые накладки уже сняты, мастера как раз монтируют новые. Беру готовое ружье, взвожу курок, спуск... Боек со щелчком бьет по выступающему концу брандтрубки. Нормально. Переделать кремневое ружье в капсюльное легко. Спилываешь полку для пороха, снимаешь огниво, меняешь курок, а в запальное отверстие ввинчиваешь брандтрубку – вот и вся работа. Замок остается тот же. Дешево и сердито. Скорострельность и дальность стрельбы у ружья остаются прежними, зато стрелять можно в любую погоду и из любого положения. В бою это серьезное преимущество. Разумеется, винтовка под унитарный патрон лучше. Но пока сделаем, перевооружим армию, нас сожрут. Да и денег на это нет.

– Первая сотня уже готова, – докладывает Росс. – Как вы и говорили, черр, переделка обходится дешево. Всего шесть силли на ружье.

– А капсюли?

– С ними плохо, – вздыхает Росс. – Рабочие боятся делать. У Пирси, когда готовил огненную смесь, она взорвалась. Пальцы на руке оторвало и глаз выжгло. Теперь не кормилец, а у него семья.

Понятно. Ожидал подобного, много раз повторял, чтобы соблюдали осторожность, но все равно случилось. Неизбежно. В моем мире некогда пороховые заводы взрывались один за другим. Сколько людей гибло!

– Пирси назначим пожизненную пенсию, прошение подайте мне. Если кто-то погибнет, пенсию получит семья. Объявите это людям. Но еще раз строго объясните меры предосторожности. Не допускайте к работе, пока не подтвердят знание правил.

– Сделаем, черр! – кланяется Росс. – Спасибо.

...В первый раз в арсенал я наведалься после взятия Нима. Заведующий встретил меня у ворот. Бывают люди, которые нравятся с первого взгляда, Росс оказался из таких. Урожденный съерд, он с детства ощутил склонность к механике. Бывает. Петр I на токарном станке работал и молотом в кузне махал. Людовик XVI, последний король из династии Капетингов, был замечательным слесарем. Ремесло любил больше трона и даже красавицы-жены. Косой нож для гильотины предложил именно он. В первом варианте нож был в форме полумесяца. Людовик сказал, что косой режет лучше. Это блестяще подтвердилось при казни короля. Нож смахнул ему голову играючи...

Отец Росса не хотел слышать об увлечении сына: чтоб сын съерда шел в ремесленники? Юношу отдали в полк. Но и там Росс что-то постоянно изобретал. Слух о необычном офицере дошел до короля Харри. Недолго думая король поставил его на арсенал. В ту пору это был склад. Ружья, пистолеты, сабли и пушки делали ремесленники или крохотные мануфактуры, а арсенал их закупал. Злоупотребления при этом случались жуткие, королю это надоело. Он рассудил, что такой человек, как Росс, воровать не будет, и не ошибся. Более того, Росс убедил Харри создать королевскую мануфактуру. На берегу Нима выросли плавильни, механообрабатывающие и столярные цеха. В последних делали ложи, приклады ружей, рукояти пистолетов и лафеты для пушек. Цеха оснастили современным оборудованием. Много из него Росс придумал сам или же усовершенствовал. Мануфактура окупилась за пять лет: расходы на закупку оружия упали в разы. Росс стандартизировал калибры и само оружие. Детали ружей и пистолетов стали взаимозаменяемыми. Арсенал и мануфактура работали так, что Дигганы не решились поставить сюда своего заведующего. Хватило ума понять: без Росса не получится...

Первым делом заведующий потащил меня в цеха, и там я охренел.

Токарные станки с механическим приводом, молоты, прессы... Дульный канал у пушек здесь сверлили, а не отливали. У ружей – само собой. Не XX век, конечно, но XIX однозначно. После цехов мы отправились в кабинет заведующего, где мне продемонстрировали образцы оружия.

– Говорят, в Глене делают лучше, – сказал я, разглядывая кремневый пистолет.

– Кто говорит? – возмутился Росс.

Сопровождавшие нас мастера нахмурились. Я рассказал им про гленские пистолеты, затрофеенные близ Йорвика, процитировал слова мастера Зака.

– Какие они лучшие, – хмыкнул Росс, – если пришлось ремонтировать всю партию? Заметьте, пистолеты были новыми. У Глена хорошие оружейники, но металлы они обрабатывают скверно. Их пистолет выдерживает без ремонта не более ста выстрелов, но обычно – пятьдесят-шестьдесят. Из нашего можно выстрелить пятьсот. Этот ваш Зак – жулик. Наверняка подкупил местного смотрителя. Тот заплатил не более двух крон за пистолет, а в отчете указал, что по три. Дрянь, а не оружие! Наше много лучше.

– А такой сделаете?

Я достал «Дерринджер». Росс взял его и внимательно рассмотрел. Затем откинул стволы и извлек патроны.

– Казнозарядный! Откуда он у вас, черр?

– Трофей.

– Где делали?

– Понятия не имею! – признался я.

– Судя по обработке, работа гленская, – сказал Росс, заглянув в стволы. – Разрешите, черр!

Я кивнул. Росс с мастерами сели за стол и в мгновение ока разобрали «Дерринджер». Они так ловко действовали отвертками, выколотками и маленькими молоточками, что я залюбовался. Покончив с разборкой, мастера стали зарисовывать детали. Один из них орудовал кронциркулем и линейкой, другие записывали размеры. Закончив, мастера собрали пистолет и вручили его заведующему.

– Странное серебрение, – заметил Росс, разглядывая ствол. – В Глене так не делают.

– Моя работа, – признался я.

Росс и мастера уставились на меня.

– Первый раз вижу лэнда, который разбирается в серебрении, – удивился Росс. – Пистолеты тоже вы ремонтировали?

Я кивнул.

– Где учились ремеслу?

– У себя в стране. Я многое умею, черр Росс, но еще больше знаю. Если интересно, могу рассказать.

Интересно им было, и я провел в арсенале весь день. Да и после любил заезжать сюда. В арсенале я отдыхал душой. Здесь не было интриг, надоедливых просителей, надутых съердов и хитрых слуг. Здесь делали дело, причем хорошо. Здесь меня понимали...

В кабинете я вручил Россу бумагу.

– Сделаете такую?

– Странная пушка, – заметил он, разглядывая чертеж. – Зачем стрелять вверх? Ядро упадет на строй, убьет солдата, от силы двух. Обычная пушка положит пять-шесть, а если удачный рикошет, то и с десятка.

– Сколько стоит пушка? – спросил я.

– Полковая – сто двадцать крон.

– Ее обслуживают десять артиллеристов. Один выстрел в минуту. Противник проходит за это время порядка ста шагов. Стрелять пушки начинают за тысячу. Итого десять выстрелов, но обычно меньше. Последние два-три – картечь. В лучшем случае пушка убьет сотню врагов, но реально – меньше. Остальные ворвутся на позиции, перебьют артиллеристов, захватят батарею. Мое орудие легкое и не требует лафета. У него опорная плита и сошка. При вражеском приближении легко разобрать и унести. Стреляет орудие разрывными снарядами. Обслуживать могут два человека. Стоит дешево, скорострельность – пять-шесть выстрелов в минуту, а то и больше.

– Такого не может быть!

– Вот! – я достал из сумки пистолетный патрон. – Казнорядная система позволяет выстрелить из пистолета несколько раз в минуту. При этом половина времени уходит на перезарядку. А теперь представьте такой же патрон, но в десятки раз больший. Он каплевидной формы. В узкой части – пороховой заряд для вышибания снаряда. Артиллерист опускает его в ствол. Снаряд скользит вниз, натывается капсюлем на иглу, тот воспламеняет заряд, выстрел – и снаряд летит по дуге в сторону врага. Падая, он взрывается, поражая осколками солдат. Если строй плотный, убитых и раненых может быть с десятка. Смертоноснее пушки. А когда враг приблизится, орудие легко оттащить в тыл.

– Нарисуйте мне снаряд! – потребовал Росс.

Я просидел у него полдня. Росс вызвал мастеров, они много спрашивали и спорили – как со мной, так и друг с другом. Наибольшие

трудности, как, впрочем, и ожидалось, вызвала сама мина, особенно – ее оперение. Но я предложил идею не просто так. Возможности местного металлургического производства я знал. Фигурное литье чугуна здесь освоили.

– Сколько таких орудий нужно? – спросил Росс.

– Сотню, – ответил я. – И по тысяче мин для каждого для начала.

Меньше нельзя. Минометы дадут эффект лишь при массированном применении. В противном случае враг их не заметит.

Росс придвинул к себе лист бумаги и стал писать на нем цифры. Все замерли, и я в том числе. Росс морщил лоб, чесал нос пером и, наконец, хитровато посмотрел на меня:

– По восемьдесят крон за орудие и по кроне за снаряд.

Лицо у меня, наверное, вытянулось, потому что старик заулыбался.

– Дешевле нельзя?

– Можно! – кивнул Росс. – Начнем со ствола. У вас он из качественного железа, «стали» – как вы говорите. Она сама по себе дорога, а еще сверлить... Из бронзы выйдет в разы дешевле, к тому же у нас ее много.

– Ствол получится тяжелым, его придется возить.

– Одна лошадь и одна повозка, – пожал плечами старик. – Без них все равно не обойтись. Эти снаряды или, как вы их называете, «мины» в руках не понесешь.

– Бронза мягкая. Чугунная мина быстро изнашивает ствол.

– А мы поставим на нее медный поясик. Медь мягче бронзы.

Я почесал в затылке: и вправду! Медные пояски на снарядах использовали и в моем мире, правда давно. Сейчас не применяют – слишком дорогой металл. В Алитании медь дешевле железа, ее хватает. Медные руды у королевства богатые, оловянные – тоже, а работать с этими металлами легче. Температура плавления ниже, лучше ковкость и пластичность.

– Опорная плита из железа – тоже дорого, – продолжил Росс. – И зачем сошка? Из-за нее лить ствол придется с массивной цапфой, которую потом – сверлить и нарезать в ней резьбу. Я предлагаю поставить ваше орудие на деревянный лафет, который легко собрать и разобрать. Для регулировки угла высоты ствола используем винт. Рядом прикрепим линейку, которую разметим в шагах. Даже неграмотный разберется! Получится так...

Росс стал набрасывать на бумаге эскиз, одновременно давая пояснения. Его бомбарда – по-другому это назвать было нельзя – походила на миномет, как царь-пушка в Кремле на импульсную спарку дрона. С

другой стороны, я не смог не оценить простоту предложенной конструкции. С обслуживанием справится вчерашний крестьянин. Квалифицированного минометчика здесь подготовить трудно. Нужны образованные, а в Алитании с этим сложно.

– Такое орудие получится в разы дешевле! – заключил Росс.

– Ладно! – вздохнул я. – Пробуйте! А как с миной?

– Хвостовик сделаем из бронзы, – сказал Росс. – Она дороже чугуна, но хорошо лется. Брака будет в разы меньше, поэтому выйдет дешевле. При взрыве хвостовик отлетит в сторону, а не разорвется, как чугунный. Потом можно будет собрать и пустить в переплавку.

– Если поле боя останется за нами.

– Значит, нужно хорошо воевать! – хмыкнул Росс.

* * *

Следующее утро принесло беду. Я только-только оделся, как в дверь спальни постучали. В комнату скользнул Элсли.

– Диззи убит! – сказал вместо приветствия.

– Какой Диззи? – не сообразил я.

– Сержант гвардии из охраны королевы, – пояснил начальник СБ, и я очнулся.

– Кто посмел? – рявкнул я, зверея.

– Молодой съёрд Норрис. Дуэль.

– Как ты допустил?!.

Не знаю, какое у меня стало лицо, но Элсли весь сжался. «Спокойно! – одернул я себя. – Не нужно орать. Элсли станет бояться и скрывать информацию. Ты сам велел ему неприятные новости сообщать немедленно».

– Предотвратить было нельзя, – продолжил начальник СБ. – Никто не видел, как Норрис с Диззи поссорились. Это произошло поздно вечером. Со слов Норриса, Диззи не пустил его на половину королевы. Съёрд возмутился и назвал его «быдлом». Все знают, что охрана королевы набрана из фузилеров, а они бывшие простолюдины. Это многим не нравится, босс! Черры считают, что защищать королеву должны люди благородные. Думаю, это и есть истинная причина ссоры. Деваться Диззи было некуда. Он вызвал Норриса на дуэль. Ее назначили на рассвете, а из оружия съёрд выбрал шпаги. Дальше... Сами понимаете, босс!

Разумеется. У Диззи не было шансов. Шпага – оружие дворян,

фузилеры им не владеют. Диззи хладнокровно закололи. Его смерть – на моей совести. Это я выхлопотал сержантам дворянство, но не подумал, чем это чревато. Черт, черт и еще раз черт!

– Где это чмо?

– Босс?..

– Норрис!

– В большом зале дворца. Хвастается победой.

– За мной!..

С приходом Оливера у Бетти появился двор. Благородные черры и черрки, как я их называл, с утра до вечера толкались в большом зале, обмениваясь сплетнями и ожидая выхода королевы, чтобы засвидетельствовать ей свое почтение. Ну, и выцыганить чего-нибудь, если получится. Меня эти бездельники дико раздражали. Но Оливер сказал, что так нужно, и я смирился. Мои кабинет и спальня находились на половине королевы, куда этот табор не допускали. Меня это устраивало – до тех пор пока один из лучших моих солдат не заплатил за это жизнью...

Людей в этот утренний час в зале было не так уж много, поэтому нашего появления не заметили. Никто не бросился ко мне засвидетельствовать почтение, просить об аудиенции. Зато в центре зала клубилась толпа. Мы подошли ближе. Благодаря росту я смог разглядеть, кого она окружает. В центре сборища, подбоченясь, стоял одетый в нарядный камзол хлыщ. На вид ему было лет двадцать. Еще не видевшие бритвы, тронутые пушком щеки, вздернутый носик... В данный момент его обладатель сиял в лучах славы.

– Ах, черр! – говорила ему какая-то дама, из-за обилия юбок похожая на кочан капусты. – Справиться с таким зверем! Все знают, что эти фузилеры по дороге сюда убили двадцать гвардейцев.

– Это произошло потому, что гвардейцам выстрелили в спины, – снисходительно ответил хлыщ. – Фузилеры поступили подло. Быдло... В открытом бою их перекололи бы как цыплят, и моя дуэль – тому подтверждение. Как жаль, что Ее Величество окружают столь недостойные люди. Я считаю...

В этот миг хлыщ столкнулся со мной взглядом и умолк, будто подавившись. Дама недоуменно глянула на него. Хлыщ не отводил от меня глаз, и она обернулась. Следом стали оборачиваться и другие. Спустя мгновение в зале повисла мертвая тишина. Стало слышно, как на королевской половине весело перекрикиваются служанки.

Я шагнул вперед. Толпа угодливо расступилась, освобождая мне путь. Я подошел к хлыщу и остановился, брезгливо разглядывая его. Под моим

взглядом он задергался, но затем собрался.

– Вы что-то хотели сказать мне, черр?

– Хочу! – кивнул я. – При дворе Ее Величества завелись крысы.

– Крысы? – недоуменно зашелестело в толпе.

Хлыщ нервно облизал губы.

– Не понимаю вас, черр!

– Что ж тут непонятного? – сказал я и заложил большие пальцы за пояс. – Люди делятся на два сорта: львов и крыс. Пока львы сражаются, крысы сидят в норах. Зато после того, как бой закончен, они выползают из нор и начинают обсуждать львов. Дескать, сражались неправильно и вели себя не так. Да и происхождение у них неподходящее. А у них, крыс, оно самое что ни на есть...

– Что вы хотите сказать этой аллегорией, черр?! – взвизгнул хлыщ.

– То, что ты слышал. Благородство определяется поступками, а не кровью. Гвардейцы Рилли, которых ты защищал, пытались убить королеву. Перед тем намеревались ее изнасиловать. Я слышал это собственными ушами из их уст. Их не смутило, что Бетти – девушка, более того, дочь короля. И ты считаешь эту мразь благородной? Диззи, которого ты подло убил, рисковал жизнью, защищая королеву. В бою его ранило. Он был истинно благородным человеком, хотя родился простолюдином.

– Вы не правы, черр!

Из толпы выступил молодой дворянин. Потертый камзол, тяжелая шпага на перевязи. Лицо открытое, симпатичное. Это еще кто?

– Я сквайр Брейди, черр! Был секундантом черра Норриса на дуэли. Все было по правилам. Говоря, что Диззи убили подло, вы оскорбляете не только съерда, но и меня.

Толпа одобрительно загудела. Вот, значит, как?

– Диззи не владел шпагой, сквайр. Он бывший фузилер, а те сражаются палашами. Твой Норрис это прекрасно знал, поэтому оскорбил Диззи, чтобы получить вызов и иметь возможность выбрать оружие. Будь он храбрым, то сам вызвал бы Диззи. Поэтому я утверждаю, что Норрис – трус. И пусть не думает, что убийство защитника королевы останется безнаказанным. Я попрошу Ее Величество подписать указ. Его, – я ткнул пальцем в Норриса, – лишат титула и отправят в Гремплъ.

Хлыщ налился краской.

– Вы оскорбили меня, черр! Я требую удовлетворения! Посмотрим, насколько храбры вы сами!

Толпа одобрительно загомонила. Крысеньш решил показать зубки? Десятки глаз впиваются взглядами в мое лицо. Отказаться нельзя. Что ж...

– Я принимаю ваш вызов, съёрд!
По толпе проносится вздох.
– И мой тоже, черр! – вылезает Брейди. – Оскорбив съёрда Норриса, вы задели и мою честь!
Ты-то куда лезешь?
– Как пожелаете, сквайр!
– За вами выбор места, времени и оружия, черр, – говорит Брейди. – Это не совсем по правилам, но мы не хотим, чтоб нас обвинили в подлом убийстве.

Толпа раздражается одобрительными возгласами. Ах так? Вам надобно зрелищ? Их есть у меня!

– Что ж, сквайр, дуэль состоится здесь и сейчас. Во дворе вас устроит?
По толпе бежит шепоток. Брейди кивает.
– Оружие – пистолеты!
– Черр?
Брейди удивлен. Ну да, здесь принято пырять друг в дружку вертелами.

– Таков мой выбор.
– У нас нет их с собой...
– Одолжите или пошлите за своими. Только недолго. Мой секундант... Я поворачиваюсь к Элсли. Тот вытягивается, даже усы встопорщились.
– К вашим услугам, черр!
– Обсудите условия. Когда будет готово, позовете меня!

Поворачиваюсь и иду к себе. В спальне вытаскиваю из-под подушки «Дерринджер». Обычно я не расстаюсь с ним, но Элсли застал меня врасплох. Переламаываю стволы и вытаскиваю патроны. Трофейные давно кончились, эти я снаряжал сам. А если осечка? Пока не случилось, но все может быть. Что тогда? Был у королевы Бетти советник Айвен, да весь кончился... Что-то я не о том думаю! Пересматриваю наличный запас патронов, выбираю те, что выглядят поновее. За этим занятием меня застаёт Элсли.

– Все готово, босс! – докладывает с порога.
– Нашли Норрису пистолет?
– Съёрд Кензи одолжил. Хорошее оружие – гленской работы!
Едва сдерживаю улыбку. Слышал бы это Росс! От замечания Элсли меня перестает потряхивать. Мой «Дерринджер» тоже из Глена. Но если верить Россу, то в отличие от той партии в Иорвике сделан на совесть.
– Условия таковы, – продолжает Элсли, – стреляетесь с двадцати шагов. Встаете у барьеров – и по команде...

Значит, противники не сходятся. Что ж, даже лучше.

– Вы уверены, босс? – внезапно спрашивает Элсли. – Норрис – хороший стрелок...

Ну да, сейчас возьму и откажусь. Тогда вся Алитания будет знать: советник королевы – трус. Обеспокоился, блин! Раньше нужно было думать, когда крысеньш провоцировал Диззи на дуэль. Начальник СБ о таких вещах должен узнавать вовремя.

– Идем!

Спускаемся вниз и выходим во двор. На крыльце буквально проталкиваемся сквозь толпу. Служанки, повара и даже конюхи. Когда успели набежать? Где благородная публика? Ага, на балконе! Оттуда вид лучше и от «быдла» подальше. Набились так, что балкон того и гляди обвалится. Впереди – дамы, лица покраснелись в предвкушении зрелища. Наше появление балкон встречает одобрительными криками – цирк прибыл...

Неподалеку от крыльца замечаю воткнутые между плитами двора шпаги. Барьеры... Позиция правильная, солнце – сбоку. Никто не скажет потом, что светило в глаза. И пули в случае промаха полетят в сторону и не заденут зрителей. Рядом с крыльцом столик – вытащили из дворца. На столике – пистолет, пороховница и мешочек с пулями. Рядом стоят соперники. Подходим. Достаяю и выкладываю на стол «Дерринджер».

– У меня казнозарядный пистолет, черры, в нем два ствола. Один я разряжу.

Переламаываю стволы, извлекаю один патрон и выкладываю его на стол.

– Возражения в отношении моего оружия есть?

Брейди крутит головой. Губы крысеньша трогает презрительная улыбка. В сравнении с кремневым пистолетом «Дерринджер» смотрится игрушкой. Радуйтесь! Посмотрим, как ты своей дурой двигать будешь... Брейди заряжает кремневый пистолет, сыплет порох на полку и вручает его крысеньшу.

– К барьеру, черры! Стрелять по команде!

Шагаю к шпагам. Крысеньш спешит вперед и занимает понравившееся ему место. Это он меня типа обошел, выбрав удобную для себя позицию. Пусть порадуетса напоследок!

Становлюсь у шпаги. Ее эфес чуть покачивается у моего пояса. Похоже, что это шпага Элсли. Если упаду вперед – сломаю клинок. Элсли огорчится. Что-то я не о том думаю... Смотрю на крысеньша. Он держит пистолет стволом вверх. Ну да, вдруг пуля выкатится. Мне этого бояться

нечего, поэтому «Дерринджер» держу в опущенной книзу руке. Так привычнее. Взвожу большим пальцем курок...

– Начали!

Время замедляет свой бег. Ствол пистолета крысеныша медленно ползет вниз, мой «Дерринджер» так же неторопливо – вверх. Проворный, гад! Не успеваю...

Бах!

Сквозь дым вижу, как пистолет противника летит на камни. Падает, подпрыгивает и замирает. Хорошо, что не выстрелил от удара, а ведь мог... Крысеныш валится вперед и накрывает телом выроненный ствол. Попутно задевает рукой шпагу-барьер, и та начинает раскачиваться. Поза у него характерная – труп... Поворачиваюсь к дворцу. На крыльце неистовствует толпа. Люди кричат, машут руками, вверх летят шапки, поварские колпаки и даже женские чепчики. Это с чего они так радуются? Я вроде их не балую. Перевожу взгляд на балкон. Там картина иная. Шляп не бросают, но и огорченными не выглядят. Они хотели зрелища и его получили...

Элсли и Брейди подбегают к Норрису и начинают его ворочать. Возвращаюсь к столику, достаю из «Дерринджера» гильзу и выкладываю пистолет на стол. Оглядываюсь. Брейди машет руками, подзывая слуг. Эвакуация тела...

– Убит! – сообщает подошедший к столу Элсли. – Вы отменно стреляете, босс! С двадцати шагов, не целясь.

Пожимаю плечами.

– Теперь я понял, почему вы затеяли ссору. Вы поступили мудро.

Поднимаю бровь.

– Королева ни за что не подписала бы указ о заточении Норриса. Дуэль – не преступление. Но вы напугали Норриса и вынудили его бросить вам вызов. В результате показали всем, что не спустите убийства ваших людей. В то же время сделали это безупречно, лишив родственников Норриса права на месть. Съёрд сам напросился на дуэль.

– У Норриса много родственников?

– Из близких – только младший брат. Но он обрадуется: вы сделали его съёрдом.

– ?

– Понятно, что он этого не скажет вслух. Однако, не убей вы Норриса, ему пришлось бы идти в армию. Вы будете драться с Брейди, босс?

Смотрю на начальника СБ. Это он к чему?

– Сквайр – хороший человек! – продолжает Элсли. – Честный и правдивый.

– Зачем он влез?

– Вы прилюдно оскорбили его, сказав, что дуэль с Диззи была подлой. Брейди ничего не оставалось, как вызвать вас. Иначе с ним перестали бы разговаривать.

Черт! Скоро полгода здесь, а все никак не привыкну к их феодальным заморочкам.

– Брейди из небогатой семьи, младший сын, приехал в Ним искать службу.

Как-то странно он ее искал...

– Норрису он всего лишь знаком. Подвернулся под руку, когда съёрд искал секунданта.

Элсли успел навести справки. Можем, когда захотим!

– Хочешь взять Брейди к себе?

– Да, босс!

– Под твою ответственность!

Элсли кивает. Тем временем труп Норриса унесли. К нам с пистолетом в руке приближается Брейди. Выглядит он подавленно, хотя шагает твердо. Неплохо держится. Брейди кладет пистолет на стол.

– Пистолет не нужно перезаряжать, – говорит тускло. – Съёрд не успел из него выстрелить. Всего лишь подсыпать пороху на полку.

– Желаете продолжить дуэль, сквайр?

– А у меня есть выбор? – вздыхает он.

– Выбор есть всегда. Мне совершенно не хочется вас убивать, черр. Более того, вы понравились Элсли, и он готов взять вас на службу. Согласны?

Глаза Брейди вспыхивают, но тут же угасают.

– Я должен отказаться от поединка?

– Разумеется.

– Благодарю, черр, но не могу. Меня посчитают трусом. А после того, как меня возьмут на службу, все подумают, что меня купили.

С гонором, значит.

– Можно обменяться выстрелами, – встречается Элсли. – Прицелитесь в сторону – и все!

Брейди задумывается. Похоже, такой вариант ему в голову не приходил.

– Вы можете меня ранить, черр? Неопасно?

Странное желание. Зачем ему рана? Ради чести? Вряд ли. Гадом буду, не обошлось без сердечных дел. Где-то на балконе с замиранием сердца ждет результата этой дуэли женщина. А Брейди не глуп. Раненый герой –

это совсем не то, что герой без раны.

– В руку или ногу? – интересуюсь деловито.

– В руку! – спешит сквайр. – Левую. Только...

– С двадцати шагов я попадаю в пенни, – успокаиваю его. – Стреляйте первым, после чего замрите и не двигайтесь. Получите царапину.

Брейди кивает. Элсли поворачивается к публике спиной и, закрыв от нее столик, ловко вытаскивает из ствола кремневого пистолета пулю. Договор договором, а страховка не помешает. Затем Элсли поворачивается к балкону боком и у всех на виду сыплет на полку порох. Теперь нет сомнений, что пистолет в порядке. Жулик! Хотя... В земной истории на дуэлях мухлевали еще не так. И пулю в пистолет противника не вкладывали, и стреляли без сигнала, и шпагой кололи еще на пути к барьеру. Это в кино дуэлянты сплошь благородные. Жизнь – не роман. Умирать не хочется...

Заряжаю «Дерринджер». Брейди косится, но старается не подавать виду. Черр может передумать и запулить ему в лоб. Кто ему помешает? И, главное, кто упрекнет? Соглашение тайное, свидетелей нет...

Элсли вручает Брейди пистолет и поворачивается к балкону.

– Достопочтенные черры! Мой босс, черр Айвен, удовлетворившись смертью съёрда Норриса, благородно предложил сквайру Брейди прекратить дуэль...

Элсли делает паузу. Вот клоун! Ему бы в цирке выступать – шпрыхсталмейстером. На балконе шелестят вздохи, лица разочарованные. А как же зрелище?

– Но черр Брейди отказался!

На балконе вопят. Особенно неистовствуют женщины. А вы думали, они здесь добросердечные? Для местных дам нет большего счастья, чем смотреть, как мужики убивают друг дружку из-за них. Среди раскрасневшихся от удовольствия лиц замечаю одно грустное. Однако! И личико красивое, и платье богатое. Голубой шелк в Ниме недешев. У Брейди губа не дура.

Идем с противником к барьерам, встаем друг против друга.

– Начали!

Брейди опускает пистолет. Целится на метр в сторону, хотя видел трюк с пулей. Демонстрирует лояльность. Делаю вид, что замешкался.

Бах!

Горящий пыж падает далеко в стороне. Если обратят внимание... С балкона доносится дружный вздох. Не любят меня здесь... Вскидываю «Дерринджер». Брейди замирает и слегка оттопыривает в сторону левую

руку – на всякий случай. К балкону мы стоим боком, там не заметят. Вообще сквайр молодец. Добровольно пойти под пулю... А если у съёрда дрогнет рука? Во дворе устанавливается тишина. Слышно, как в отдаленной конюшне ржет лошадь. Совсем конюхи дело забыли.

Бах!

Брейди подпрыгивает, зажимает плечо правой рукой, после чего театрально опускается на колено. Переигрывает, на мой взгляд. Пуля его едва царапнула. Поворачиваюсь к дворцу. На крыльце вновь орут, но уже не так яростно. В этот раз Айвену ничего не угрожало. На балконе замечаю волнение. Женщина в голубом платье проталкивается к выходу. Вскоре она появляется на крыльце и, растолкав слуг, бежит к Брейди. За раненого можно не волноваться. Окружат заботой и теплотой – в прямом смысле этого слова.

Сую «Дерринджер» за пояс и иду к дворцу. На нижней ступеньке дворца меня встречает его правительница.

– Подавай завтрак, Мардж! – говорю громко. – Я проголодался.

На самом деле есть мне не хочется. Но так нужно. Завтра весь Ним будет знать: у Айвена прорезается аппетит после того, как пристрелит парочку благородных. Родится еще один слух. Любви ко мне он не добавит. Ну, и бог с ней! *Oderint, dum metuant*. Пусть ненавидят, лишь бы боялись!

Глава 18

После ампутации ног за мной прислали самолет из Брюсселя. В госпитале имперской армии мне сформировали культы на голеньях, из легких извлекли осколки ребер. Шрамы на груди остались. Мне предлагали их удалить, но я отказался. Пройдя курс реабилитации, я научился пользоваться протезами и со временем восстановил физическую форму. На это ушел год. Все это время я следил за новостями. Империя не собиралась за меня мстить. Ей плюнули в рожу, и она утерлась, сделав вид, что ничего не произошло. Журналистам сказали: принц находился в Могадишо как частное лицо. Прискорбно, что он пострадал, но посещение Африки европейцами – дело рискованное.

К тому времени на севере Африки стало совсем плохо. Надир успешно расширял свой халифат. Его боевики, врываясь в города и селения, первым делом уничтожали «неверных». Резали им головы, расстреливали, сжигали, побивали камнями... Кадры расправ они выкладывали в Сеть. Все ведущие религиозные авторитеты ислама единодушно осудили зверства, заявив, что Надир и его подручные – не мусульмане. Надира это не остановило. Ведущие порталы мира активно обсуждали ситуацию. В студии приглашали теологов, психологов и прочих экспертов, которые, довольные тем, что их позвали, несли какой-то бред об экономической отсталости, массовых психозах и прочей лабуде. Из их разношерстной компании мне запомнился лишь один гость. Пожилой, с поседевшей до желтизны головой, он пожал плечами, когда ведущий спросил, почему боевики так зверствуют.

– Все очень просто, – сказал он, усмехнувшись. – Внутри каждого из нас сидит зверь – агрессивный и беспощадный. Это позволило человеку захватить планету, подчинив животный мир. Со времени, когда он стал прямоходящим и взял в руки дубину, ничего не изменилось.

– Позвольте! – не согласился ведущий. – А как же цивилизация, гуманизм, религиозные ценности?

– Инстинкты сильнее, – покачал головой гость. – Человек по своей природе нацелен на убийство. Религии тысячелетиями пытались взять его агрессию под контроль. Жрецы понимали, к чему она ведет. Человек как вид мог перестать существовать. У жрецов не вышло, так же как не вышло и у царей с президентами. Вся история нашей цивилизации – череда войн. Человек убивал себе подобных во все времена, будет делать это и впредь. К

сожалению.

– Но я тоже человек! – возмутился ведущий. – И мне не хочется убивать!

– Вы просто боитесь, – хмыкнул гость. – Того, что вас арестуют, осудят, посадят в тюрьму. Я тоже боюсь. Мы все здесь боимся, – старик обвел рукой студию. – Наша цивилизация держится на страхе наказания, его неотвратимости. А теперь представьте, что вам сказали: «Бояться не нужно! За убийством не последует наказания». У вас появляется соблазн расправиться с ненавистным начальником, шумным соседом, надоевшей женой. А если добавить, что по смерти вас ждет рай с прельстительными гуриями... Здесь говорили, что боевики – это темные, необразованные люди, которых легко ввести в заблуждение. Но Надир учился в Йеле. Среди его боевиков немало образованных европейцев. Эти люди были благополучными в нашем обществе, некоторые – даже богатыми, но они легко отказались от благ цивилизации, когда их поманил инстинкт.

– И что с ними делать? – спросил ведущий.

– То, что сказано в Библии! – ответил гость. – Око за око, зуб за зуб. Зверь, вкусившего человеческой крови, остановит лишь пуля...

Россия откликнулась на призыв ООН и ввела в Сомали войска. Русские миротворцы несли потери. Незнакомая местность, партизанская война, о которой в России успели забыть. Я читал все, что находил о боевых действиях, и, почувствовав себя здоровым, написал рапорт о желании обучаться на оператора боевых дронов. Просьбу удовлетворили. Операторы сидели в штабах, далеко от линии боевого соприкосновения – самая работа для калеки. Училось легко. Необходимую информацию мне закачали в имплант, требовалось лишь наработать навыки. Получив сертификат, я попросился на прием к императору. Это была первая встреча с отчимом после моего возвращения из Африки. Мать с Катей навещали меня, но отчим не приходил – по моей просьбе.

Император принял меня в кабинете. Я козырнул, отчеканил положенные шаги и положил на стол тоненькую папку.

– Что это? – спросил он.

– Рапорт об увольнении из вооруженных сил империи и просьба покинуть страну.

– Вот как! – он взял папку. – Почему?

– Хочу воевать в Африке, а наших войск там нет.

– Мы еще не готовы, – сказал он. – Если высадимся, будут потери.

– Разумеется! – подтвердил я. – Русские их уже несут. Они с халифатом обескровят друг друга, а мы выберем нужный момент и

оттяпаем кусок пожирнее.

Он посмотрел на меня. Взгляд его был тяжел, но я не отвел глаз.

– Что собираешься делать?

– Полечу в Москву. Россия воюет.

– Рвешься отомстить за жену?

– И это тоже, – подтвердил я.

– Решение окончательное?

– Да.

– Нам следовало поговорить раньше, – вздохнул он, – но ты не хотел.

В чем я провинился перед тобой?

– Фикре не давали визу. Тот, кто распорядился об этом, убил ее.

Он изменился в лице.

– Твоя необдуманная женитьба нанесла империи политический ущерб. Министерству иностранных дел пришлось немало поработать, чтобы смягчить его. Поставь себя на мое место!

– Я не был на нем, Ваше Императорское Величество, и никогда не буду. Но я знаю монарха, вопреки мнению двора женившегося на женщине, которую полюбил. Как бы поступил он, если бы ее убили?

– Иди! – почти крикнул он. – Я все подпишу...

Москва встретила меня неприветливо. В Министерство обороны я пробился с трудом.

– Что нужно? – спросил недовольный полковник, забыв предложить мне сесть.

– Хочу служить в миротворческих войсках.

– А тебя, значит, там заждались? – хмыкнул он.

– Я окончил военную академию в Москве, – я положил перед ним диплом. – Бывал там, где идет война. Говорю на местных языках, знаю обычаи населяющих Африку народов. Это не все. Я оператор боевых дронов. Могу управлять любым из стационарного пункта и в полевых условиях.

– Сертификат есть? – спросил полковник.

Я протянул ему пакет документов. Он стал их быстро листать. Несмотря на простоватый вид, английский язык полковник явно знал.

– Первый в выпуске! – сказал он, закрывая папку. – Что, и вправду, можешь держать в воздухе пять дронов одновременно?

– Шесть! – поправил я. – Аттестация несколько устарела. Могу не только держать, но и наводить на цель каждый из дронов по отдельности. У вас так не умеют.

– У нас! – рявкнул полковник. – И пока не умеют, – он выделил

голосом «пока». – Отвыкай от имперских привычек, Иван! И сядь, наконец! Будем подписывать бумаги...

Моя известность бежала впереди меня, поэтому в Сомали меня принял командующий миротворческими силами.

– Где хочешь служить, лейтенант? – спросил он, разглядывая меня.

– В рейдовой группе.

– В смертники захотел? – сощурился генерал. – Знаешь, какие у них потери? Учти, возиться с тобой не станут. Парням плевать: принц ты или еще кто.

– Меня это устраивает, – сказал я.

– Дело твое! – пожал плечами командующий.

Группой, в которую меня назначили, командовал капитан Полбин. В миротворческих силах его подразделение звали «Птички». У Полбина был позывной Орел, у остальных – Коршун, Ястреб, Кречет и далее по списку. Мне дали – Грач. «Птички» встретили меня прохладно. Слухи в армии распространяются быстро – о моем происхождении знали. Для парней война в Африке была работой – тяжелой и кровавой. Они прибыли сюда по приказу. А тут доброволец, к тому же принц. Чего ему надо? Нервы решил пощекотать? Я видел косые взгляды и презрительные усмешки. Однако приказ есть приказ, и меня взяли в рейд.

Пилотируемую авиацию в Африке не использовали. Во-первых, дорого. Требуются современные аэродромы, прорва техники и обслуживающего персонала. Во-вторых, неэффективно. Дорогущий, напичканный электроникой «МиГ» легко заменят пять дронов, стоящих на порядок дешевле. Обслуживать их проще. Лучшие в мире дроны производила империя, поэтому их закупили у нее. Однако боевое применение беспилотников оставляло желать лучшего. Спутник с орбиты отслеживал лагерь боевиков, рейдовая группа выходила проверить информацию. Халифат, получив первые удары с воздуха, наловчился делать фальшивые базы. Определив, что цель подлинная, группа вызывала дроны. Наводили их со спутника. Птички прилетали, вываливали на лагерь ракеты, после чего группа зачищала уцелевших. Халифату это не нравилось, и он нашел контрмеры. Первым делом боевики обзавелись радарными простенькими, сляпанными на коленке, они, однако, позволяли засечь подлет дронов. Получив сигнал, боевики выскакивали за периметр базы и залегали. Дроны накрывали сооружения и тех, кто не успел из них выскочить, но основная масса «воинов Аллаха» оставалась в живых. Они вставали и, отряхнувшись, шли резать рейдовую группу. Миротворцы несли потери...

К лагерю мы вышли на рассвете. Группа окружила его, и мы с командиром расположились на горном уступе. Отсюда лагерь просматривался насквозь. Понятно, что часовой здесь был. Его труп сейчас валялся у нас под ногами. Капитан Полбин, позаимствовав у покойника куфию, изображал часового, а я разворачивал спутниковую связь.

– Вызывай дроны! – велел Полбин, когда я закончил.

Я подключился к спутнику и продиктовал оператору коды.

– Ты не ошибся, Грач? – удивился он. – Почему такое вооружение? Своих не угробим?

– Нет! – сказал я.

В наушнике хмыкнули и отключились. Я достал из рюкзака «Даймонд». России их не продавали, но я привез. Иногда происхождение имеет свои преимущества.

– Что за хрень? – удивился командир.

– Полевой пульт. Позволяет эффективнее наводить дроны на цель.

– Ну-ну! – хмыкнул он. – Попробуй! Но учти, плохо наведешь, лучше сам застрелись! Откажешься – помогу.

Он сплюнул и побежал вниз – готовить группу к атаке. Я включил «Даймонд». Тот поймал спутник, и на экран выползли пять точек. Я ввел код, и спустя пару секунд пришел ответный сигнал. В наушнике раздался мат оператора.

– Дроны потеряли связь с базой, слышишь меня, Грач?

– Все нормально, это я перехватил управление, – сообщил я.

Мат в наушнике стал трехэтажным. Я отключил оператора и повернулся к лагерю. Радар боевиков уже засек дроны. Взвыла сирена. Из барачков выскакивали люди с автоматами и неслись к периметру. Боевиков было много, сотни две, если не больше. У ограды они падали и замирали.

Дроны выскочили из-за горы и по моей команде разделились. Двое ушли ввысь, а трое закружились над лагерем. Обозначив периметр, они снизились и ударили из импульсных пулеметов. Через камеры дронов я видел спины залегших боевиков. Стальной ливень хлестал в них. Тяжелые пули разрывали тела, разбрасывая куски в стороны. Периметр затянула пыль.

Боевиков учили умирать за веру, но смерти они боялись – инстинкт. О том, что пулеметы убьют не всех, они не подумали. Не мудрено. Трудно сохранить хладнокровие, когда поблизости хлещет кровь из тел единоверцев. Боевики стали вскакивать и отбегать в центр лагеря – дроны поливали огнем его окраины. Когда внутри стало тесно, я дал команду. Два оставшихся дрона, спикировав сверху, сбросили контейнеры – каждый по

одному. Этого, однако, хватило. Хлопнули взрывы, и лагерь накрыло белое облако. В нем проскочили искры, и облако вспухло огнем.

– Твою мать! – раздалось в наушнике. – Грач, это что?

– Термобарический боеприпас, товарищ капитан! – пояснил я.

– Я это и сам знаю! Но как ты согнал их в кучу? Там же полный песец!

– Так мне не стреляться? – спросил я.

– Пошел нах!.. – отозвался Полбин и закричал в микрофон: – «Птички», контроль! Быстрее, мать вашу! Могли остаться живые. Хотя хрена с два, – добавил он, чуть помедлив.

По возвращении в Могатишо меня вызвали к командующему. В его кабинете исходил потом незнакомый мне полковник.

– Как вам удалось перехватить управление дронами? – спросил генерал.

– В их памяти зашит код – для того, чтобы не позволить использовать изготовленное в империи оружие против нее же. Обычная предосторожность.

– И ты это знал, – хмыкнул генерал. – А этот... Пульт?

– Привез с собой. За пределы империи их не продают. В принципе, можно сделать самим. Комп со спутниковой связью и многопозиционный джойстик. Соединить – пара пустяков, с остальным и школьник разберется.

– Это тебе просто! – рявкнул командующий. – А вот он, – генерал ткнул пальцем в полковника, – за год не додумался. Сколько парней погибло, да каких! А тут и боевикам песец, и у нас без потерь. Вот что, старлей...

Я был в звании лейтенанта, но поправлять генерала не стал. Начальству видней.

– Через месяц у меня должны быть тридцать обученных операторов с пультами. Этим займется он, – генерал вновь ткнул пальцем в полковника. – А ты ему поможешь. Если не сделаете, поставлю вас раком и поимею в извращенной форме. Ясно?

– Так точно! – рявкнули мы.

– Полковник свободен, старлей остался!

– С империей неприятности будут? – спросил генерал, когда полковник вышел. – В смысле у тебя? Ты раскрыл их тайну.

– Если спросят, можно сказать, что мы заменили прошивку, поставив свою. Такое право у нас есть. Только они не спросят. Дроны империя продала с урезанной функцией, снизив их боевую эффективность. За такие вещи подают в суд и выигрывают процессы. Они сделают вид, что ничего не произошло.

– Хорошо, – кивнул генерал. – И береги задницу, старлей! В халифате о тебе уже прослышали. Их агентуры здесь море. Надир объявил награду за твою голову – сто тысяч евройен.

– За такими деньгами я сам приду.

Командующий рассмеялся.

– За пределы части все же не выходи, – сказал он, посерьезнев. – И вот что. Пока операторов нет, будешь ходить с другими. Я знаю, что не положено так часто в рейды, но сам понимаешь: людей жалко. Возражения будут?

– Никак нет! – гаркнул я.

Генерал получил своих операторов. В памяти одного дрона нашлась программа-симулятор – забыли удалить. Я закачал ее в комп и показал полковнику, как эта хрень работает. Пульты они сделали без меня. Пока шла учеба, я ходил в рейды чуть ли не каждую неделю. Полбин отнесся к этому ревниво. После разгрома лагеря террористов отношение ко мне качнулось в противоположную сторону. Я сам слышал, как Полбин выговаривал командиру другой группы:

– На принца рот не разевай! С нами начал служить, с нами и останется. Своих надо иметь!

Командир что-то сказал, в ответ Полбин рассмеялся:

– У императора попроси! У него еще один сын есть...

С легкой руки капитана мой позывной «Грач» как-то сам собой сменился на «Принц». Скоро о нем узнали все. Неудачи миротворческой миссии в Сомали вызвали ропот в России. Требовался положительный пример, и я подвернулся под руку как нельзя вовремя. В Африку прилетела группа журналистов. Героем их репортажей стал принц империи, воюющий за Россию. Порталы вспомнили, что я русский, учился в Москве и, как заверяли журналисты, по зову сердца оставил благополучную жизнь в империи, придя на помощь Родине. О Фикре не сказали – ее смерть не вписывалась в концепцию. Меня наградили орденом и повысили в звании. В результате цена за мою голову выросла. Халифат предлагал за нее уже миллион. Мне запретили выходить за пределы части. Чтобы не скучать, в перерыве между рейдами я учился рукопашному бою, метанию ножей и прочей фигне, совершенно ненужной на той войне.

Через год лагеря у Надира кончились. Халифат выдавили в горы, где методично добивали. Где-то там, среди боевиков, бегал и Надир. Его искали, в том числе и «Птички». В России опасались, что Надир ускользнет. Залижет раны, соберет деньги у спонсоров и начнет вербовать сторонников. Война продолжится.

Надир умирать не хотел. Как все убийцы, он очень ценил собственную жизнь. Свое недобитое войско он бросил. Горной тропой его вывели в селение, где ждали машины...

Штаб получил эту информацию поздно. Надир с охраной покинули Сомали и катили в Найроби. Собирались послать дроны и расстрелять их с воздуха, но информация могла оказаться ложной. Убивать непричастных командование не захотело. «Птички» получили приказ. Мне повезло, если можно, конечно, назвать это везением...

Опознавательные знаки кенийских ВВС на наших вертушках нарисовали вмиг. Имелись умельцы... Границу мы преодолели без проблем. Из-за близкой войны в Кении расплодились банды. Военные их гоняли, порой залетая в ходе преследования на территорию Сомали. Сейчас мы изображали такую группу, возвращающуюся домой.

Кортеж мы перехватили на пустынном плато. Завидев нас, он увеличил скорость и попытался уйти. Передняя вертушка дала очередь, и машины встали. Боевики высыпали наружу и задрали руки. Ссориться с армией Кении они не хотели. Вертушки высадили десант и поднялись в воздух, контролируя местность.

На нас были камуфляж и маски, поэтому сообразили они не сразу. А вот когда мы подошли... У солдат Кении радужки глаз темные, и кожа вокруг них – тоже. Один из телохранителей Надира схватился за пистолет. Пуля ударила ему в грудь, и он сунулся носом в пыль. Остальные не стали испытывать судьбу. Их обезоружили и отогнали в сторонку. На дороге остался один Надир. «Посланник Аллаха», как называл он себя. Бородатая харя, наводившая ужас на миллионы людей. Хладнокровный палач и сластолюбивый педофил, насилувавший маленьких девочек. Мразь, возомнившая себя вершителем судеб... Сейчас он стоял и молча смотрел на нас. Полбин подошел и сорвал с него куфию – для контроля. Видеозапись само собой, но личность «посланца» следует подтвердить. В лаборатории исследуют следы пота, сверят с образцом...

Под куфией у Надира оказалась бритая голова с уже начавшей отрастать щетиной. Еще не старый, крепкий мужик. Такой будет сражаться за жизнь до конца.

– Только не долго, Иван! – сказал капитан и отошел к пленникам. В группе знали мою историю. Еще на подлете Полбин буркнул: «Если возьмем живым, он твой!» – и отвернулся. Я вытащил пистолет и шагнул к Надиру.

– Хочешь убить меня, гяур? – оскалился он. – Давай! Меня ждет райский сад с гуриями, а вот тебя – ад. Сгниешь, как собака!

Он говорил с американским акцентом – чувствовался Йель. Надир окончил его с блеском. Ему предлагали остаться в США, но там не было почвы для халифата... Я стащил с лица маску.

– Узнаешь?

Он покрутил головой.

– Я старший лейтенант Нагайкин. За мою голову ты установил награду – миллион евро. Я перед тобой, где деньги?

Он не ответил.

– А еще я принц Айвен, которого ты хотел убить. Вспомнил?

– Да! – кивнул он. – Тебе ноги оторвало. Жаль, что не подох. Зато сучка твоя горела живьем!

Он ухмыльнулся. Однако глаза его не смеялись. В них был страх. Он боялся смерти и хотел ее одновременно. Легкой смерти. Поэтому и пытался меня спровоцировать. Он не мог знать, была ли Фикре жива, когда машина вспыхнула. Этого не знал никто...

– У меня нет ног, – сказал я, – а у тебя есть. Несправедливо. Как сказано в ваших книгах: «Око за око, зуб за зуб»?

Я выстрелил ему в голень. Он вскрикнул и упал. Следующим выстрелом я перебил ему вторую ногу и сунул пистолет в кобуру.

– В расчете!

По лицу Надира было видно, что ему очень больно. Однако сознания он не потерял.

– Ты не станешь меня добивать? – удивился он.

– Зачем? – сказал я. – Видишь? – и указал рукой.

Он повернул голову. На вершине недалекого холма маячила стая гиен. Их полосатые шкурки хорошо просматривались с дороги. Десятилетия войны выработали у гиен простой инстинкт. Там, где кружат железные птицы, всегда найдется добыча. Они прибежали на шум и теперь ждали, когда мы уберемся.

– Они загрызут и сожрут тебя, – сказал я. – У вас собаки считаются нечистыми животными, ведь так? Даже прикосновение к ним требует очищения. Как думаешь, попадешь ты после этого в рай?

Я врал. Гиен относят к подотряду кошкообразных. Но Надир этого не знал – в Йеле он изучал бизнес... Он выл все время, пока я шагал к своим. При виде меня капитан махнул рукой, парни вскинули винтовки. Пленники кончились вмиг. Треск очередей заглушил шум подлетающих вертушек.

– Что ты ему сказал? – спросил Полбин уже внутри. – Чего он орал?

– Посмотри! – указал я в окно.

Он припик к стеклу. Гиены неслись к дороге. Надир, волоча перебитые

ноги и оставляя за собой кровавый след, полз к машине. Он очень хотел жить, мой смертный враг. Укрыться в машине, вызвать по спутниковой связи помощь... Гиены оказались быстрее. Надир заползал в салон, когда передняя гиена ухватила его за ногу. Подскочили другие. Они вытащили жертву на дорогу, и там завозился мерзкий клубок...

Вертушки развернулись, и одна из них выпустила ракету. Там, где стоял кортеж, вспухло огненное облако.

– Зря! – сказал капитан. – Пусть бы жрали...

История имела последствия. Кто-то проболтался. По Африке пошел слух: российские миротворцы жестоко мстят. Врагов они скармливают гиенам – живьем. В результате шахид не попадает в рай. А как же гурии? Ради чего жертвовать жизнью?

Число нападений на миротворцев в Сомали резко упало. Командование радовалось, слух не стали опровергать. Тем временем окрепла местная армия. С редкими очагами сопротивления она могла справиться и сама. ООН закрыла мандат, и нас перебросили в Нигерию. Там хозяйничали имперцы. Прибытие русских они встретили настороженно, но возражать не стали: ООН выдала мандат двум странам. С имперской армией проблем у нас не было. Враг у нас был один, и стрелял он, не разбирая, кто перед ним: имперец или русский. Объединенное командование, совместные операции... Имперцы ездили в гости к нам, мы – к ним.

В отпуск я летал к семье. Мать и Катя встречали меня радостно. Сестра расспрашивала об Африке, а мать вздыхала и просила быть осторожней. Как-то она пришла ко мне с карманным проектором. Положив его на стол, утопила кнопку. Вспыхнул экран, и на нем замелькали лица молодых японок. Они улыбались, говорили «Хай!» и махали ручками.

– Кто это? – спросил я.

– Принцессы императорского дворца Японии. Ты должен выбрать себе невесту.

– Я не наследный принц! – удивился я.

– При определенных обстоятельствах можешь им стать.

– Это вряд ли! – не согласился я. – Если с Эдди, не дай бог, что, на трон взойдет Катя.

– Ее мать не японка. В Токио увидят нарушение договора. А еще ты... Если взойдешь на трон, японская линия прервется. Они это учитывают. Скажу больше. Твоя женитьба на африканке возмутила их. Случился большой скандал. Возьмешь принцессу – они успокоятся. Посмотри, какие красивые девочки! И воспитаны правильно.

– погоди! – остановил ее я. – Так это из-за японцев Фикре не пускали

в империю?

– Да! – призналась мать.

Я выключил проектор и подвинул его матери.

– Я не собираюсь жениться, ма: ни на японке, ни на европейке, ни на африканке. Передай это отчиму.

– Но ты принц империи...

– И российский гражданин. Поэтому буду жить, как хочу. Если империи не нравится, переберусь в Россию. Там не принуждают жениться.

– Не можешь ее забыть? – спросила мать.

Я кивнул.

– Весь в отца! – вздохнула она. – Все годы моего замужества даже не глянул на другую. Нагайкины, однолюбы...

Она взъерошила мне волосы на голове и ушла, а я еще долго сидел один. Время притупило боль, но забыть Фикре я не смог. В штабе миротворческих сил девочки-связистки строили мне глазки – как же, принц! – но я не обращал внимания. Когда прилетал в Брюссель, Катя звала подруг. Они кокетничали со мной и просили рассказать о войне. При этом смотрели так, что я сбивался. Как-то Катя в их присутствии попросила меня показать ноги. Я подумал, что это шутка, но сестра повторила просьбу. Пожав плечами, я задрал штанины и снял протезы. Катя, подскочив, сорвала с культей носки...

В империи уважают инвалидов. Однако преодолеть инстинкты трудно. У здоровых людей уродство вызывает отвращение. И я увидел его в глазах девушек.

– Зачем это? – спросил я Катю, после того как гости ушли.

– Они мечтали выйти за тебя замуж, – усмехнулась сестра. – Вот я и провела тест. Разглядел?

Я кивнул.

– Они хотели стать членами императорской семьи. Получить титул, царить на приемах и балах. Но для этого нужно полюбить безногого.

– А ты бы смогла? – спросил я.

– Я и сейчас тебя люблю, – сказала Катя. – Не будь ты моим братом... Забудь! Они не стоят тебя.

Однако я не забыл...

Отношения с отчимом наладились. Мы, как сговорившись, не вспоминали прошлое. Он расспрашивал меня о войне, интересовался деталями. А однажды спросил:

– Что вы сделали с Надиром?

– Расстреляли! – ответил я.

– И все?

– Мало? – удивился я. – Требовалось повесить? Или четвертовать?

– Да нет!.. – торопливо сказал он. – Не желаешь вернуться? Получишь хорошую должность, высокий чин. У нас отзываются о тебе хорошо. Говорят: острое тактическое мышление, умение оценить обстановку и выбрать правильное решение. Сделаешь карьеру.

– Спасибо! – сказал я. – Но я привык к парням...

Я не врал. У меня могли быть другие друзья. Не Родька с Серегой, а какие-нибудь Ханс с Вилли. Мы ходили бы в рейды, били бандитов, а после надирались в кабаках. Но вышло как вышло, и я нисколечко не жалел. А дальше были Хайберда и Рудник...

Глава 19

Мы ладим бал. Зачем? Захотелось. Подданные Алитании имеют право на отдых. Не все же мед в улей таскать, аки пчелам.

После дуэли Их конопатое Величество устроило мне разнос. Кричало и даже ножкой топало. Как смел? Да еще у дворца?! Сквайр ранен, съёрд убит, двор пребывает в смятении. Что я себе позволяю?!

Мирка, сидевшая на плече Бетти, поддерживала ее чириканьем. Дескать, ишь, какой! Распустился. Не давать ему печенки! Спелись девочки. В эти месяцы, пользуясь тем, что мне недосуг, Бетти приватизировала горностайку. Мирке скучно. Мышей во дворце она передала, теперь мается. Ночами шастает из спальни в спальню, проверяя, на месте ли стая. Чтоб не открывать ей потайную дверь, я пропилил в ней дыру – все равно под гобеленами не видно. Дни Мирка проводит с Бетти. Истоки этой привязанности ясны. Бетти играет с горностайкой, а я – нет. Некогда. Ну, и печенку у Бетти выпросить проще.

Разнос мне надоел. Я взял Их Величество под мышки и поставил на стол. Затем отступил и окинул взглядом.

- Ты это чего? – насупилась Бетти.
- Прикидываю, какое платье сшить. Скоро бал.
- Какой бал? – удивилась она.
- Танцевальный вечер. В моей стране его устраивают по торжественным поводам. А у нас национальный праздник.
- Какой? – заинтересовалась Бетти.
- День рождения Ее Величества...

Бетти забыла про разнос. Ее можно понять: бумаги замучили. День-деньской за столом! Единственное развлечение – поиграть с Миркой. А тут такое событие! Балов в Алитании нет, их заменяют пиры. Там благородные едят и пьют. Их взоры услаждают пляски артистов, либо кружение по залу благородных дам. Танцы не в моде. Из-за этого проистекает грубость нравов и обилие ссор. Редкий пир не заканчивается дуэлью, а то и двумя-тремя. Бал облагораживает души. Это я объяснил Бетти.

– Ты умеешь танцевать?

Я кивнул. Чтобы член императорской семьи да не умел? Уж нас учили, учили...

– Покажешь нам?

Разумеется! Кому ж еще?

– Иними меня, наконец!

Я подчинился. Бетти, воспользовавшись моментом, обняла меня за шею и зарылась лицом в грудь. Мирка, восторженно стрекоча, стала нарезать круги по нашим плечам.

– Тебя могли убить, – шмыгнула носом Бетти. – Брейди стрелял...

– В его пистолете не было пули.

Лицо отрывается от моей груди, на меня смотрят удивленные глаза. Слегка влажные...

– Мы с ним договорились. Он выпускает холостой заряд, а я слегка раню его в руку.

– Зачем?

– Чтоб у его возлюбленной появился повод ухаживать.

– А вы, оказывается, мошенник, черр! – восклицает Бетти. – Так обмануть бедную женщину!

Но глаза ее смеются...

Последующие дни полны хлопот. Дела отложены – подождут. Ничего важного там нет. Основное мы сделали. Корабль «Алитания» поднял паруса и вышел в море. Худо-бедно, но плывет. С балом я связываю определенные надежды. Сословные перегородки в королевстве нужно размывать. Вы считаете моих парней быдлом? А они покажут, кто у нас вахлак! На балу вы будете подпирать стены, а мы выплывем во всем белом... Насчет белого – шутка, конечно, но мундиры у парней будут новые – специально сошьем. Вместо сапог – туфли с пряжками и чулки. А вы как думали? Благородные люди...

Эсли в мыле. Носится, выполняя мои поручения. Заглаживает вину, да и затея ему нравится. С его помощью собран оркестр. Инструменты преимущественно струнные, но есть свирели и рожки. Сойдет. Общепринятого нотного письма здесь нет, музыканты выкручиваются, как кто умеет. Легко воспринимают мелодии на слух, стоит только напеть. С этим проблем нет: в импланте полно музыки. Дирижер найден толковый, процесс пошел. Оркестр исполняет павану, чакону, бас-данс. Осваивает полонез, он сложнее. Пары разучивают фигуры. Сержанты справляются. Во-первых, танцы незамысловатые. Больше ходишь, чем кружишься. Другие здесь не подойдут: на дамах длинные платья, в таком и вальс – проблема. Второе: парни умеют плясать. У простолудинов это распространенное занятие: они много работают и любят повеселиться. Ну, и занятия рукопашкой помогли. Ловкость они вырабатывают – будь здоров! Партнерши тоже стараются. Мы набирали их на стороне. Придворные дамы скривятся: плясать с быдлом?! Поэтому на фиг их! По совету Эсли

обратились к благородным, но обедневшим семействам. Дочек у них хватает, и судьба у этих девочек незавидная. Приданого нет, замуж выйти не светит, копти свет... А тут такое! Поселиться во дворце! Есть и пить с королевского стола! Каждый день видеть Ее Величество! А еще платья пошьют, туфельки справят! Родители согласились немедленно. Готовы были чад на руках вынести. Девочки подобрались хорошенькие и не привередничают. Парням строят глазки. Для них сержанты – неплохая партия. Во-первых, молодые. Бесприданниц в Алитании спихивают за старых сластолюбцев. Тем приданое необязательно, главное, чтоб тело молодое. Во-вторых, сержанты – телохранители Ее Величества. Всегда при королеве, и жалованье у них солидное. Какой-нибудь сквайр с деревенькой в десяток семей по сравнению с моим сержантом – нищий. Девочкам нравится во дворце. В своих семьях они питались скудно – нужда. Здесь блюдами заставлены столы. Ешь, сколько влезет, да еще вина дают. Взамен требуют совсем ничего – танцевать. Они бы и так согласились. А возможность обзавестись женихом? Девочки из кожи вон лезут. Если так дальше пойдет, свадеб не миновать, и это хорошо. Моим сержантам нужны жены – благородные, но из бедных. Которые не станут пилить мужей, попрекая их происхождением.

Разучиваем танцевальный шаг, фигуры, поклоны. Занятия проходят без посторонних глаз, но шила в мешке не утаишь. Ко мне заявляется делегация придворных дам. Поначалу они пытались пробиться к Бетти, но та их не приняла – по моему наущению, естественно.

– Что происходит, черр? – возмущается крупная дама, главная в этой стае. От нее ощутимо пахнет. Лето в Алитании жаркое, а моются здесь нечасто. Некоторые из благородных и вовсе пренебрегают. Запах застарелого пота вкупе с ароматическими притираниями – не то амбре, которое хочется обонять. – Почему какие-то замарашки развлекаются с королевой, а высокородных не допускают?

Дама прямо напирает на мой стол. Отступаю назад – иначе задохнусь.

– Видите ли, достопочтенная...

Изображаю предельную вежливость.

– Я развлекаю Ее Величество: она слишком много работает. Танцы позволяют ей отвлечься. Королеве хочется, чтоб и охрана танцевала. Но она набрана из бывших простолюдинов. При дворе их не жалуют. Поэтому мы нашли партнерш из небогатых семейств.

– Мы бы тоже не отказались!

– Не знал, черра! – развожу руками. – Теперь поздно. Пары сложились, разрушать их негоже. Ее Величеству не понравится.

Лицо дамы багровеет. Только что ей указали место – и, мягко говоря, не самое высокое. Презрительно фыркнув, она устремляется вон. Облегченно вздыхаю. Делегация рассасывается. Остаются две дамы. Обе молодые и хорошенькие. Одна блондинка, вторая брюнетка.

– Черр Айвен! – чарующим голосом произносит брюнетка. – Неужели ничего сделать нельзя?

Она подходит и, опершись локтями на мой стол, подпирает щеки ладонями. Это дает мне возможность обозреть ее бюст – для того и поза. Бюст хорош, было бы декольте – утонул. Хорошо, что в Алитании они не в моде.

– Меня зовут Эйбигаль, – говорит брюнетка. – Мою подругу – Мэрил. Мы очень хотим танцевать, черр!

Блондинка подходит и копирует позу брюнетки. Бюст у нее тоже ничего. Гм!

– Думаю, что это возможно, черры! Но при определенных условиях.

Глаза дам шлют сигнал: они согласны. Где только черр пожелает! Можно прямо в кабинете – и сразу с обеими.

– Вы найдете себе партнеров. Пары, как я уже сказал, разрушать нельзя.

Дамы обмениваются взглядами и разочарованно кивают.

– Следующее. В окружении королевы выработались свои правила. У Ее Величества ничего не просить: ни земель, ни титулов, ни денег. Захочет, сама даст. Еще одно: в танцах все равны, невзирая на происхождение. Любого, кто вздумает чваниться, прогонят.

Дамы вновь переглядываются. Не скажу, что это им понравилось, но кивки следуют.

– И последнее...

Изображаю лицом смущение. Дамы оживляются, в глазах появляется азарт.

– Сейчас лето, жарко, а во время танцев люди потеют. Если вечером не помыться, назавтра – запах. У Ее Величества нежное обоняние.

Это не совсем так. Бетти – девочка терпеливая, имел возможность убедиться. На аудиенцию являлись такие... Будь моя воля – бросил бы в реку, чтобы отмокли. Бетти даже бровью не повела. Но статус-кво в танцах устанавливаю я. Хочешь тереться возле королевы – не воняй!

Дамы разочарованы – ждали другого. Первой находится Эйбигаль.

– Ах, черр! Я живу на краю города. Вы танцуете допоздна. Пока меня довезут, разбудят слуг, заставят их согреть воду... Могу я воспользоваться вашей ванной? Говорят, она необычная.

– И я бы не отказалась! – подключается блондинка. – Втроем веселее, ведь так?

Наезд – грубый и бесхитростный. Ожидалось. После дуэли мои кондиции у придворных дам взлетели. Женщины любят победителей.

– К сожалению, черры, это невозможно. Миранда очень ревнива. Ей не понравится.

– Миранде или Ее Величеству?

Прицельный выстрел. Двор мучает загадка: спит Айвен с королевой или нет? Как хочется это знать! А вот фигурки!

– У Ее Величества своя ванна. Но, думаю, выход есть. Поставим дополнительные бочки в мочную. Будет тесновато, но просторнее, чем в моей.

– Бука вы, Айвен! – вздыхает Эйбигаль и выпрямляется. Мэрил следует ее примеру.

С деланым раскаянием развожу руками.

– Но мы с вами еще станцуем! – со значением произносит Эйбигаль, берет Мэрил за руку и выходит. С облегчением опускаюсь на стул. Отношения с местными женщинами – самое трудное для меня. Я мужчина, и мне их хочется. Однако интрижка исключена – Бетти меня пасет. Поползновений с ее стороны более нет, случай с ванной был единственным. Оно и понятно. Нежданно свалившийся на голову трон, бой с гвардейцами, захват Нима – это трудно даже для землянина. Что говорить о человеке из Запасного мира? Девочке хотелось к кому-то прислониться... С приездом Оливера вопрос решен. Но это не значит, что я волен в выборе, и мне дали это понять. Королева действует по принципу: сама не гам, но и другому не дам. Мое! Приватизировала, как Мирку. У конопатенькой загребущие ручки. Она и земли с поместьями отписывает в казну так, что стон стоит. Был активным сторонником Дигганов? Получи! А вернее – отдавай! Даже я чешу в затылке. Зачем плодить врагов? Пробовал сказать это Бетти и получил отповедь:

– Они в любом случае враги! У них был выбор: служить королевству или Дигганам. Выбрали второе. Думаешь, не понимали, что разрушают государство? Но они желали земель, титулов и денег. И сейчас вожделеют. Не дадим – подымут мятеж. Отбирая у них земли, я лишаю их опоры. Без денег не повоюешь!

Так-то оно так, но не совсем. Подозреваю, что в Бетти говорит личное. Засада на пути в Ним ожесточила ее. Я помню лицо Бетти во время рассказа Оли. Быть изнасилованной и убитой... Некоторые из обиженных Бетти приезжали хлопотать. Я говорил с ними и видел перед собой

обыкновенных приспособленцев. Когда правили Дигганы, они служили им. Власть поменялась – готовы поклониться другим. Преданными сторонниками не станут, но и врагами – тоже. Однако – редкий случай – Бетти не прислушалась. Максималистка: кто не с нами, тот против нас. Противников набирается много. Лишенцы уходят в Глен – со слугами, личной стражей, домочадцами. Увозят нажитое годами имущество, золото... Помешать нельзя – они в своем праве. Число непримиримых врагов королевства в Глене растет. Нам это аукнется. А вы думаете, я от безделья занялся минометами?..

После занятий танцами – ужин. Стол накрывают прямо в зале. Он длинный – нас много. Эйбигаль и Мэрил привели партнеров, следом подтянулось еще пять пар. Все юные, веселые, симпатичные. Раззнакомились, обращаются друг к другу на «ты». Танцы сближают – в прямом и переносном смысле. За столом – шутки и смех. Вот Эйбигаль кокетничает с моим сержантом, тот подмигивает в ответ. Бесприданница, сидящая рядом, тычет ему локтем в бок. Сержант от неожиданности охает. Сцену заметили, хохочут. Бесприданница краснеет, но от сержанта не отодвигается. Похоже, у них серьезно.

Внезапно чувствую приступ тоски. Кто я и что здесь делаю? И, главное, зачем? Мне ничего не удастся здесь изменить. Через несколько месяцев я вернусь в свой мир, Алитания заживет прежней жизнью, и я никогда более не увижу этих людей. А ведь с каждым из них меня уже что-то связывает. Взять Эйбигаль и Мэрил. Мои представления о них оказались глупыми. Девочки – вдовы. Юными бесприданницами их выдали замуж за стариков. Те вскоре умерли. По закону Алитании пережившая мужа жена имеет право на вдовью долю. Это треть имущества. Однако родственники мужей прогнали девочек. Мотивировали это тем, что детей у них нет, так что как пришли голыми, так пусть и уходят. Эйби и Мэрил обратились в суд. В подобных случаях он принимает сторону вдов. Однако родственники похлопотали и здесь. Судейские вытянули из девочек деньги, а после посмеялись им в лицо. Эйби с Мэрил бросились в столицу. Титулы открыли для них дворец, но как быть дальше, девочки не знали. Решили, что стоит соблазнить советника королевы. Дескать, любовницам он поможет. Два месяца искали возможность. Деньги кончились, девочки снимали одну комнату на двоих, питались хлебом и водой. Из имущества у них остались лишь платья, да и те они потихоньку распродавали. Я узнал об этом случайно. Эйби вновь попыталась меня соблазнить. Я рассердился и отругал ее. Она разрыдалась. И вот так, всхлипывая, все и вывалила...

– Почему сразу не сказала? – спросил я, когда она стихла. –

Обязательно было в постель тащить?

– Кто же помогает бесплатно? – вздохнула Эйби. – Денег у нас нет, остались только тела.

Я взял ее за руку и отвел к Оливеру. Там Эйби повторила свою историю. Слушая ее, Оливер багровел. Он почему-то считал, что суды в королевстве безгрешны. Сам Оливер взяток не брал.

– Я займусь этим! – сказал он, когда Эйби смолкла.

Обещание Оливер сдержал. Взяв фузилеров, отправился в город, откуда явились девочки. Там, прямо с дороги, пошел в суд. Скоро оттуда стали выбегать люди в мантиях. Следом летел Оливер. В руке он сжимал шпагу. Судейские понеслись прочь, теряя мантии и парики. Фузилеры, улюлюкая, мчались следом. Догоняя беглецов, они пинали их в откормленные зады. Этот погром имел последствия. Вернувшись в Ним, Оливер подготовил указ и уговорил Бетти его подписать. Теперь наследники, лишившие вдову ее доли, теряли все. Судья за несправедный приговор отправлялся на рудники – пожизненно.

Разогнав взяточников, Оливер навестил родственников вдов. О чем он с ними говорил, неизвестно. Но в столицу съезд прибыл с мешками серебра и с бумагами на земли, выписанными на имена вдов. Все это он и вручил девочкам. Те кинулись целовать съерду руки и предложили отблагодарить. Оливер накричал на них и выгнал. От него девочки отправились ко мне.

– Мы теперь богаты... – начала Эйби.

– Я мзду не беру! – перебил я.

– Мы не о том, – покачала головой Эйби. – Есть лучшее предложение.

Женись на нас!

– Сразу на обеих? – заинтересовался я.

– Почему бы и нет? – сказала Мэрил. – Мы тебя обе хотим. Не бойся, не поссоримся. Мы с Эйби как сестры.

– С вашим наследством найдутся лучшие женихи, – возразил я.

– Нет! – покачала головой Эйби. – Лучше тебя в Ниме нет.

– Ты очень добрый! – сказала Мэрил. – И красивый.

– Мы будем верными женами! – заверила Эйби. – Не сомневайся! Мы порядочные женщины. У нас никого не было, кроме мужей. В Ниме нас звали на содержание, но мы отказались, хотя было голодно. Соглашайся!

– Спасибо за предложение, – сказал я. – Оно замечательное. Однако жениться не могу. Только не спрашивайте, почему – тайна.

– Я знаю ее! – вздохнула Эйби. – У нее рыжие волосы и серые глаза. И чего ты в ней нашел? Подумаешь, королева! А сама конопатая...

Я засмеялся и обнял Эйби. Мэрил присоединилась. Мы со вкусом расцеловались. После ухода девочек я загрузил. Эйби и Мэрил мне нравились. Они простые и сердечные, такие жены – подарок божий. Мои культы их не смутят. Медицина здесь никакая, поэтому увечных много. Черр без руки или ноги – обычное дело. Выбитый глаз или шрамы – и вовсе пустяк! Есть на что содержать семью – и ты жених. Лицом пригож и руки крепкие – совсем мечта. Невесты в очередь выстроятся. Но какой смысл заводить семью в Алитании? Меня скоро отсюда заберут. На Земле посадят в самолет, вышлют в Россию. Въезд в империю запретят. Катю и мать я буду видеть редко. Я чужой здесь, стану им и там...

– Айвен?

Поднимаю взгляд. Все смотрят на меня.

– Ты молчишь, – говорит Бетти, – и лицо у тебя отрешенное.

– Задумался, Ваше Величество.

– О грустном? – влезает Эйби.

– Айвен, если захочет, скажет сам! – обрывает Бетти.

Тон у нее ледяной. С Эйби Бетти на ножах. Если б не мое заступничество, давно бы прогнала. О предложении девочек я молчу, но Бетти подозревает. Чуйка у нее не хуже, чем у Мирки. В ответ на замечание королевы Эйби хмыкает и показывает язык. Вроде никому конкретно, но всем понятно, в чей адрес. Бетти вспыхивает. Сейчас сцепятся...

– Можно я станцую?

За столом оживляются. Сольных танцев в моем исполнении пока не видели. Я водил дам, показывал фигуры, а чтоб один... Бетти морщится. Она хотела поставить нахалку на место, но я помешал. Не дожидаясь одобрения, выхожу в центр зала. Руки по швам, лицо отрешенное. Ап!

Музыки нет, оркестр отпущен. Он и не нужен. Дробь каблуков, удары подошв... После потери ног врач посоветовал мне танцевать джигу. «Только так ты почувствуешь протезы, как свои ноги!» – сказал он. Я старался. Натирал культы до крови, но плясал. Правда, там были бионические протезы, но и в этих стопа подвижна. Удар краем получается...

С ожесточением бью чечетку. Вот вам! За мою сломанную жизнь, предательство, унылое будущее... Получите! Дробь нарастает, поворот, движение боком, махи ногами... У сидящих за столом открыты рты. Подобной пляски они еще не видели. А это мысль... Поворот, второй – ап! Вскидываю руки.

За столом восторженно кричат.

– Вы научите нас так танцевать, Айвен? – вскакивает Эйби.

– Запутаетесь в юбке.

– Я могу ее укоротить! – хмыкает Эйби. – Вот так! – она приподымает подол, демонстрируя стройные ножки в белых чулках.

Стол взрывается восторженными криками. Довольная эффектом, Эйби, не опуская подола, пытается изобразить чечетку. Получается плохо. За столом хохочут, обо мне забыли. Отхожу в сторону, беру полотенце и вытираю потное лицо. Кто-то осторожно трогает мою руку. Оборачиваюсь – Ее Величество! Я не слышал, как Бетти подошла. Мирка прыгает мне на плечо и стрекочет. Она радуется, когда стоя вместе.

– Тебе плохо? – тихо спрашивает Бетти.

Ну и глаз у нее! Все видит.

– Мне хорошо.

Она кивает, но по лицу видно – не поверила.

– Красивый танец, – говорит, отводя глаза. – Жаль, не увидят на балу.

– Посмотрим! – замечаю в ответ.

Бетти впивается в меня взглядом. Делаю непроницаемое лицо. Будет вам сюрприз...

* * *

День рождения – хлопотное дело, а если это монарх, то хлопотно вдвойне. Поздравить Ее Величество прибыли губернаторы провинций – здесь их называют «съёрдами», высшие чиновники, адмиралы флота, командиры полков... Каждого надо принять, уделить время, иначе обидятся. А зачем нам обиженные? Поэтому терпим. Изъявления верноподданнических чувств, комплименты, заверения в преданности... Меня тошнит, а Бетти улыбается, протягивает руку для поцелуя, ласково говорит с посетителями. Те тают. Кровь... Харри не везло с наследниками, но дочь ему удалась.

Гости несут подарки: украшения, посуду из драгоценных металлов, деньги. Взамен получают портреты королевы. Их изготавливает наша живописная мастерская. Я не говорил, что она у нас есть? Ну, так знайте! Элсли нашел художников, а я сделал им предложение, от которого у живописцев захватило дух. В моем мире в государственных учреждениях висят портреты монарха или президента – традиция. В Алитании этого не было. Непорядок! Надо, чтоб королева присутствовала! Пусть помнят и боятся. Фотографии в Запасном мире нет, портреты пишут художники. Представляете поле деятельности? Гарантированный заказ на десятилетия!

Монархи стареют, полотна нужно обновлять...

На портреты установлены расценки – в зависимости от размера. Самый дорогой – ростовой, где Бетти стоит в шляпке и с Миркой в руках. Покупателям объясняют, что горностайка – королевский зверь, имеющий титул. Те впечатляются. Ростовой портрет стоит целое состояние – сто крон, но заказчики находятся. Укрась таким дом – и соседи обзавидуются. У человека есть золото на такую картину – богач! Портреты поменьше стоят дешевле. Всего их три типа. Есть гравюры на бумаге – это для самых бедных. Раскупают их, к слову, хорошо – Бетти популярна. Мы отменили дурацкие налоги и вернули в страну закон. В королевстве – мир и покой. Ну, пока... Мастерская трудится не покладая рук, число художников в ней растет. В их числе и Тибби. Я сдержал слово и отдал мальчика в обучение. Мастер хвалит Тибби, говорит, что у него талант. Еще жалуется, что парень хулиганит. Писать одно и то же ему скучно. Поэтому Мирка на портрете у него то зевает, то задирает хвост, а то и вовсе покидает руки Бетти и перемещается на ее плечо. Последний сюжет, к слову, пришелся по вкусу королеве. Она забрала портрет и повесила у себя в спальне. Любуется. На картине Бетти – красавица, про Мирку и речи нет – само обаяние. У Тибби – сестры, и он обожает девочек. Пишет их с удовольствием.

Доход от портретов идет в казну, художники работают по расценкам. Они их устраивают. А можно и подхалтурить, написать кому-нибудь картину – это не возбраняется. За «портретные» деньги закладываем корабли, перевооружаем полки. Гости, прибывшие поздравить Бетти, получают из ее рук маленькие портретики – незачем вводить казну в расходы. Зато маленький не купишь, не продаются, их вручает королева. Эксклюзив. Гостям в радость, и нам выгодно – все довольны.

Прибыл вождь горцев, он же родной дядя Ее Величества. Его зовут Амхер. В клане вождей все имена начинаются с «а» – традиция, понимаешь ли. У «хера» плутоватая рожа и цепкий взгляд. Распинается, как горячо любил мать Бетти, как сильно обожает ненаглядную племянницу. Ага, пока Бетти была в Иорвике, даже писем не слал. Явился денег просить, это к гадалке не ходи. И – точно, слышу:

– Твои преданные родичи, племянница, нуждаются в оружии и припасах. Нет нам жизни от гленцев – теснят с гор. Непусти сгинуть родной крови! Десять тысяч крон – и мы их победим!

Бетти морщится. Деньги давать она не любит, я – тоже. В этом мы солидарны. Да и «хер» заломил. Однако помочь горцам нужно – они держат проход через границу. Другой дороги по суше в Глен нет, королевства разделяет горная цепь. Поэтому захватчики прибыли к Иорвику морем.

Если Глен захватит проход – нам кирдык. У них армия в два раза больше, а добавь сбежавших из Алитании дворян...

Беру дядюшку под руку и отвожу в сторону.

– Какое нужно оружие?

– Ружья! – докладывает вождь. – Две тысячи!

– Зачем столько?

– По числу воинов.

– Дам пятьсот.

– Мало! – обижается дядюшка.

– Это необычные ружья...

Спросив позволения Бетти, везу вождя в арсенал. Там Росс демонстрирует гостю штуцер. Мало того, что он нарезной, так еще и капсюльный. Заряжается тонкими длинными пулями. При выстреле они сжимаются и заполняют нарезы. Наша последняя разработка, подсказанная имплантом. Заряжается быстро, стреляет метко. Дядюшка оценил. С обычными ружьями в горах плохо. Там постоянные ветра, и они сдувают с полок порох. Там дожди – он мокнет. В горах приходится стрелять вверх или вниз, с кремневым замком это трудно. Капсюль устраняет эти проблемы. Ну а меткость с дальностью – вне конкуренции.

Постреляв из штуцера, дядюшка кивает:

– Доброе ружье! Пусть будет пятьсот. А припасы?

– Порох, свинец и капсюли дам, – говорю я. – Остальное добудьте.

– Где? – щурится дядюшка.

– В Глене. Если они вас теснят, чего стесняться?

«Хер» улыбается. Дигганы запрещали набеги – боялись ответных действий. Не помогло: Глен все равно напал. Пусть огребет в ответ.

– Денег все же дай! – вздыхает дядюшка. – Я кланам задолжал. Хотя бы тысячу золотых.

– Пятьсот!

– Девятьсот пятьдесят! – вскидывается «хер».

Торгуемся яростно, сходимся на семистах пятидесяти. Дядюшка доволен: Дигганы и этого не давали. Денег жалко, но горцы нужны. Солдаты из них неважные, но стреляют хорошо. Пятьсот воинов смогут держать проход хоть сто лет. Ущелье узкое, стены крутые. Сиди сверху и постреливай. Можно и камнепадом приложить. Нежелательно, конечно, потом разгрести для караванов, но уж если война...

...И вот, наконец, бал. В зале толпятся приглашенные. Съёрды в парадных одеждах, дамы в пышных платьях. Правящая элита страны и сливки знати. Церемониймейстер бьет посохом в пол:

– Ее Величество королева Алитании!

Бетти всплывает в зал. Мужчины кланяются, дамы приседают. Затем выпрямляются, пожирая глазами королеву. На Бетти светло-лиловое платье, отделанное белоснежными кружевами, на голове диадема с гербом королевства – кедр на голубом поле. Кедр выложен изумрудами, поле – сапфирами. Серьги с тем же гербом, но поменьше. Это мой подарок Бетти ко дню рождения. Ювелир постарался, Бетти пришла в восторг. Схватила диадему и побежала к зеркалу. Крутилась возле него и не хотела отходить.

Гости в восхищении. Платье на королеве чудное (кто придумал дизайн, догадайтесь?), а в комплекте с украшениями Бетти – сама прелесть. Придворные дамы исходят желчью.

Бетти останавливается в центре зала и делает знак. Церемониймейстер ударяет посохом в пол:

– Бал!

Гости расступаются. Иду к королеве, она протягивает руку. Осторожно сжимаю тонкие пальчики. За нами выстраиваются другие пары. Скрипачи на хорах взмахивают смычками. Пошли! Скользящими шажками огибаем зал по периметру и останавливаемся в центре. Партнеры кланяются дамам, те приседают. Мужчины поворачиваются и тем же скользящим шагом устремляются обратно. Дамы, вскинув руки, кружатся на месте. Наш строй огибает их и останавливается с другой стороны. Поменявшиеся местами партнеры протягивают дамам руки. Вперед. Обогнув зал, встаем, теперь кружатся мужчины. Дамы, выстроившись гуськом, обходят нас. Ног под подолами не видно, и при мелком, плавном шажке кажется, что дама плывет. Зал взрывается аплодисментами. Вновь меняемся партнерами... В финале мужчины опускаются на колено и целуют дамам ручки.

Это чакона, перекроенная на местный лад. Простенький, но красивый танец. Зрители разражаются овациями и криками. Ну, то ли еще будет.

– Маэстро!

Оркестр наяривает полонез. Темп чуть быстрее. Пошли!.. Зрители пожирают танцоров глазами. Они хороши: на дамах новые платья, на мужчинах – мундиры или камзолы. Потрясающе смотрятся мои сержанты. Шелковые мундиры, чулки, цветные башмаки с пряжками. На левом плече у каждого – серебряный эполет, на груди – аксельбант. Подобных украшений в Алитании нет. Я заказал их золотошвеям, а затем показал Бетти. Она дотошно расспросила, что это и для чего. Долго думала, но добавление к форме утвердила. Военные в зале не сводят с аксельбантов глаз. Такие цацки!

Программа закончена. Бетти указывает на накрытый стол.

– Прошу, черры!

Гости текут к столу. Лакеи помогают рассаживаться. Над картой работал Оливер. Здесь важно не ошибиться. Чем ближе к королеве, тем почетнее. Вот и определись, кто важнее: адмирал флота или полковник гвардии? А куда девать Айвена? С одной стороны, титул никакой. С другой – советник королевы. Оливер сопел и страдал. В результате я рядом с Роджем, но он ближе к Бетти.

Тост, другой, третий... Гости пьют и едят. Никто не смотрит в сторону зала. А там тем временем лакеи затаскивают большие щиты. Их три, и поверх каждого закреплен намотанный на палку холст. Расстановкой щитов руководит Тибби. Он полон важности: командует на вечере у королевы! Щиты заняли свои места, Тибби забрасывает на галерею шнуры и бежит к лестнице. Ищу взглядом сержантов. За столом их нет – не положено. Стоят за креслом королевы. За поясом каждого по два метательных ножа. Рукояти украшены цветными шнурами с кисточками. Так красиво и глазу заметнее. Ко мне подходит сержант и сует такие же ножи. Пора. Встаю.

– Ваше Величество!

Бетти смотрит удивленно.

– Ваша охрана приготовила вам в подарок танец. Позвольте показать?

Бетти смотрит с подозрением, но кивает. Выхожу в центр зала. Справа и слева, плечом к плечу пристраиваются по четверо парней. Шеренга замерла. Ап!

Каблуки и подошвы ударяют в пол. С отрешенными лицами бьем чечетку на месте. Затем шеренга смещается вправо и, не теряя линии, разворачивается на месте – раз, другой. Очень сложный маневр, во дворце Элсли полы стерли, репетируя. И все ночами, ночами... Сюрприз! Каблуки и подошвы отбивают ритм. За столом вспархивают хлопки. Подождите, вы еще главного не видели! Шеренга подплывает к крайнему справа щиту. Поднимаю взгляд. Тибби уже на галерее, застыл со шнуром в руках. Киваю. Тибби дергает. Холст, прикрепленный к палке, падает вниз, открывая картину. Двое разбойников со шпагами в руках бегут к столу. Рожи зверские – Тибби постарался. За столом взвизгивают.

– Храни королеву!

По-русски это звучит долго – шесть слогов. В алитанском, как в английском, их два. «Кипквин!» можно произнести движением губ. По этой команде ближайший к Ее Величеству охранник сбивает ее с ног и закрывает своим телом. Остальные ведут огонь по врагу. Но это в реале. Сегодня у нас показательные выступления.

Девять рук мгновенно выхватывают ножи из ножен и заводят их за

голову. Бросок! Слышится стук металла о дерево. Рожи бандитов – в цветных шнурах. Попали все. С десяти шагов – детское упражнение.

Продолжая отбивать ритм, шеренга разворачивается, давая возможность гостям оценить результат. За столом взрываются овациями. Приберегите ладони! То ли еще будет! Смещаемся ко второму щиту. Гости поняли смысл действия и напряженно ждут. Строй бьет чечетку спиной к щиту. Лишь я, развернувшись, смотрю на Тибби. Уловив кивок, он дергает шнур. Холст падает, открывая бандитов. Их трое. Один целится из пистолета, двое пытаются бросить ножи.

– Храни королеву!

Сержанты, изогнувшись, мечут ножи через себя. Это трудное упражнение, его долго отработывали. Тренировки не прошли даром. Все ножи – в щите. Не кучно легли, но цель поражена. Я стою к щиту лицом, поэтому мой нож – в глазу центрального бандита. Смыкаем шеренгу, чечетка, разворачиваемся... За столами орут. А вы как думали? Теперь – третий акт.

Смещаемся к последнему щиту. В зале – тишина. За столом недоумевают: ножей у нас больше нет. Что будем бросать? Строй бьет ритм лицом к щиту. Тибби дергает за шнур... На полотне – пять разбойников. Двое целятся из ружей, трое – из пистолетов.

– Храни королеву!

Т-рах! Т-рах! В зале будто рвут толстую ткань. Залпы из девяти пистолетов – это вам не в туалете чихнуть. От щита летят щепки. Но дыма нет, «Дерринджеры» Росса заряжены новыми боеприпасами. Позади крики, кажется, кто-то упал в обморок. Девять рук суют пистолеты в подмышечные кобуры. Бьем чечетку и разворачиваемся. Гости в смятении. Понятно, что мы стреляли, но из чего? Полы мундиров скрыли кобуры. Невозмутимо отбивая ритм, приближаемся к креслу королевы. Встали. Ап! Замерли. Кулаки ударяют в грудь.

– Храним! Королеву! Всегда!

Падаем на правое колено. Парни скалятся: получилось! Не зря мучились, репетируя. У Бетти глаза влажные – пробрало.

– Встаньте, черры!

Подчиняемся. Бетти выходит из-за стола.

– Достопочтимые гости! Только что вы видели, на что способна моя гвардия...

Хм! Быстро нашлась.

– Скажу больше: это далеко не все, что они умеют. Смотрите сюда! – Бетти указывает на плечо сержанта. – Это называется эполет, а вон то –

аксельбант. Это знаки отличия. Их носят те, кто спас монарха от верной гибели.

Абзац! Это она с чего?

– Сегодня я подписала указ об эполетах и аксельбантах. Сержанты, которых вы видите, истребили врагов, поджидавших меня на пути в Ним. Десять фузилеров вступили в бой с двадцатью изменниками. Они одержали верх. После того, что вы здесь видели, думаю, понятно, почему?

Зал взрывается аплодисментами.

– Вы видите перед собой восемь героев. Но их больше. Черр Родж!

Полковник, сияя, вскакивает и подходит к Бетти.

– За отвагу и умелое руководство боем на дороге в Ним съёрд Родж удостоивается золотого эполета и золотого аксельбанта.

Подбежавшие девочки крепят булавками к плечу полковника эполет, затем пристегивают аксельбант. Это ж когда их сделали? Кто заказал? Почему я не знаю? Дурдом какой-то!

– Я расскажу, как прошел тот бой. Двадцать вооруженных гвардейцев могли перебить нас. И тогда черр Айвен совершил подвиг. В одиночку он подскакал к засаде и напал на врага. Прежде чем тот опомнился, Айвен застрелил троих гвардейцев, а двоих заколол. Первым от его руки пал негодяй и изменник Рилли. Враг растерялся, подоспели фузилеры. Дальше вы знаете. Черр Айвен заслужил отличие более, чем кто бы то ни было. Золотые эполет и аксельбант в зал!

Ко мне подлетают девочки из танцевального кружка. В считанные мгновения украшения занимают свои места. И где наловчились?

– Согласно указу воин, удостоенный эполета, получает новый титул. Сержанты и съёрд Родж их получили, а вот черр Айвен – нет. Хочу исправить эту ошибку. Подать меч!

Слуги выносят Бетти клинок. Это она с чего? Блин, сам же рассказывал об обычаях королевских дворов!

– Черр Айвен, на колени!

Становлюсь. Меч тяжелый, Бетти держит его с трудом. Замечаю, что лезвие острое. Уши бы не отрезала!

Клинок плашмя ударяет по плечу. Больно! Она что, совсем?!

– Встаньте, черр Айвен! Отныне вы съёрд!

Повинуюсь. Меч, к счастью, уносят.

– В указе об эполетах есть особенная часть, – продолжает Бетти. – Согласно ей к знаку полагаются владения. Владельцу серебряного эполета даруется не менее двух тысяч моргов земли с числом поселян не менее двухсот семей. Владельцу золотого эполета – пять тысяч моргов с числом

семей не менее пятисот. Причем будущие владения награжденные могут выбрать сами из числа тех, что записаны за казной.

Охренеть! Две тысячи моргов и двести семей – это прилично. Парни становятся завидными женихами. Роджу можно идти в отставку и наслаждаться жизнью. Отныне он богат.

– Но я решила сделать исключение и лично выбрать владение съёрду Айвену. Он очень скромный человек. Заслужив награду, не просил ее, – последнюю фразу Бетти произносит с особым выражением. Хитрая лисичка! Если Айвен с такими заслугами не просил, остальным лучше не заикаться. – Я уверена, что из всех земель Айвен выберет худшие. Поэтому я жалую ему Коули!

За столом – стон. Коули – райское местечко неподалеку от столицы. Двадцать пять тысяч моргов земли, плодородные почвы, богатые селения, леса, реки, озера. Всем этим некогда владел Рилли. После его смерти съёрдство отошло в казну. Сколько вельмож умоляли королеву продать его им! Большие деньги сулили.

– Приветствуем съёрда Коули!

За столом хлопают, многие – с кислыми минами. Замечаю горящие глаза дам. Новоиспеченный съёрд Коули холост. Королевская дичь! И что это на Бетти нашло? Договаривались же: без титулов!

– Благодарю вас, Ваше Величество! – кланяюсь я.

Бетти протягивает руку. Прикладываюсь.

– Зачем? – шепчу, выпрямившись.

– А чтобы не заглядывался на богатых вдов! – таким же шепотом отвечает она. – Нашел на кого! Что они могут тебе дать? Пусть ищут мужей в других местах! Увижу возле тебя – вышлю из столицы!

М-да. А я затевал бал, чтоб примирить сословия. Примирил... Сержантов и Роджа возненавидят еще сильнее. Меня – и вовсе. Я теперь фаворит. Никто не поверит, что Коули жалован за подвиг – слишком жирный кусок. Отсюда вывод: Айвен заработал титул в постели – как было и при Дигганах. Схема власти, которую мы выстраивали, разлетелась в хлам. Зачем служить, лезть из кожи, когда за ласки дают больше? Обломался ты, господин советник! А все оттого, что девочка взревновала. Видел ведь, как малявка пыхтит, глазками сверкает, а сделать выводы ума не хватило. Жри теперь!

– Танцы! – хлопает в ладоши Бетти. – Съёрд Айвен, не составите мне пару?

– С удовольствием, Ваше Величество!

Бетти подает руку. Взять бы ее сейчас и затащить в кабинет. Там

положить животом на стул – и ремнем, ремнем! Чтоб месяц сесть не могла!
Только куда там! Поздно дитя воспитывать, когда вдоль кровати лежит...
– Маэстро, музыка!
Пошли...

Глава 20

– Таким образом... – Оливер откашливается. – Расходы на содержание дворца составят шестьдесят четыре миллиона семьсот тысяч силли.

За столом вздох. Запрошенная съёдом сумма превышает расходы на армию и флот вместе взятые. Ничего удивительного. Был во Франции король, который тратил на двор 99 процентов годового бюджета. Он, к слову, плохо кончил. Оливера не узнать, куда девался гневный обличитель мотовства Дигганов? Власть меняет людей...

Линфорд черкает пером по бумаге: подбивает итог – Оливер выступал последним. Участники совещания смотрят на Бетти. Губернаторы, адмиралы, полковники... Королева невозмутима. Ее лицо будто говорит: ничего удивительного не происходит. Однако это не так. Никогда прежде бюджет Алитании не обсуждали публично, да еще в таком широком кругу. Все решал единолично монарх.

– Сто сорок шесть миллионов триста восемьдесят семь тысяч силли! – с ужасом объявляет Линфорд. – В двадцать два раза больше, чем есть в казне.

Он смотрит на меня. Придвигаю к себе бумаги. Цифры я знаю наизусть – заявки на финансирование поданы заблаговременно. Они обсчитаны, проанализированы, подбит баланс. Но присутствующие должны видеть, что съёрд-советник размышляет.

– Сколько-нибудь значимых поступлений в казну не ожидается, – торопливо добавляет Линфорд.

В его голосе растерянность и надежда одновременно: Айвен что-нибудь придумает. Ну да, больше некому. А казначей у нас на что?

– Как говорят у меня на родине: если денег нет, то их нет, – говорю, делая вид, что изучаю записку Оливера. – Следовательно, будем жить по доходам. Начнем с королевского двора. Не возражаете, Ваше Величество?

Бетти кивает. Оливер супится.

– Итак. Зачем нам сорок фрейлин?

– При дворе Глена столько! – вскидывается Оливер. – Алитания не хуже!

– За сорока фрейлинами не уследить, – меланхолично встречает Элсли. – Кто из них поднесет королеве стакан воды с ядом, разберись потом!

Реплика своевременная и отрепетированная. Сегодняшнее совещание

– большой спектакль. В моем мире поступают точно так. Правда, там это называется демократией...

Оливер багровеет. На лицо Бетти лучше не смотреть. Покушение на ее жизнь не забыто.

– Пять фрейлин достаточно! – гневно говорит Бетти. – И ни одной больше!

– Как скажете, Ваше Величество! – кланяюсь я. Вот это правильно. Пусть Глен содержат сорок фрейлин с жалованьем тысяча крон в год каждой. Мы не будем повторять эти глупости. Сорок тысяч крон – это три полка, полностью снаряженных и обмундированных. Нам они нужнее.

– Оставляем пять. Дальше... Вы любите псовую охоту, Ваше Величество?

– Я? – изумляется королева.

– Двор содержит большую псарню. Две сотни собак, двенадцать псарей. У каждого жалованье, словно у гвардейца. Оставляем?

Бетти гневно режет воздух рукой. Беру перышко и вычеркиваю строку. Бодро дело пошло. Псарей уволим, собак продадим. Экономия и прибыль одновременно. Голод псарям не грозит: подберут. Местная знать любит собак.

– Теперь конюшня. Восемьдесят две лошади, двадцать конюхов. Оставим?

Бетти задумывается, затем говорит:

– Две упряжки для карет – основную и запасную. Больше не надо.

– А верховые лошади?

– Тоже две, – произносит Ее Величество.

– Я бы рекомендовал десяток, – проявляю щедрость. – Вдруг понадобится отправить несколько курьеров сразу.

– Хорошо! – кивает Бетти.

Скрывая чувства, делаю пометку. На распродаже хорошо заработаем: в конюшне отменные рысаки. Число конюхов сократим втрое. И жалованья меньше, и для безопасности лучше. Меньше у дворца будут отираться.

В хорошем темпе проходимся по другим статьям. К концу разбора на Оливера лучше не смотреть. Его заявку мы сократили раз в десять. Ну, это еще не все.

– Теперь о жалованье высокопоставленных придворных, Ваше Величество. Считаю, что в трудное для королевства время оно ни к чему. Мне, как советнику, положено сто крон в месяц. Зачем? У меня есть земли, пожалованные Ее Величеством, они приносят доход. Поэтому я отказываюсь от жалованья и предлагаю другим придворным последовать

моему примеру.

На лицах собравшихся – изумление. Отказаться от денег? Где это видано? Бетти краснеет. Мой отказ – алаверды на ее дар. А вот нефиг разбрасываться поместьями! Коули следовало выгодно продать. Да и Родж без владения не умер бы. Его и без того задарили. Так все королевство пробросать можно.

Присутствующие, не сговариваясь, смотрят на Оливера.

– Ну... – бормочет старик. – Если Айвен... Я тоже...

Замечательно! Еще две тысячи четыреста крон останутся в казне. Оливер у нас верховный судья и министр двора, две должности, два жалованья. Так в заявке и написал. А рожа не треснет? Забурел дед. Сам видел, как поутру из спальни Оливера выскальзывает Ларри. Линкор по имени «Мардж» нашел купца: приданое Ларри обеспечено. Только казна не подписывалась оплачивать забавы съёрда. Однако обижать деда не следует: хоть и распутный, но наш.

– Считаю, что к расходам дворца следует и прибавить.

Оливер изумлен – не ждал. А то! Мы же не бессердечные какие.

– Предлагаю взять на содержание оркестр. Пусть улаживает слух Ее Величества и придворных.

Бетти кивает. Оркестр, игравший на балу, хорош, терять жалко. Лучше платить музыкантам, чем псарям.

– Пригласим учителя танцев.

Бетти поднимает бровь.

– В прошлый раз учили нас вы, черр.

– Я очень занят, Ваше Величество!

Бетти смотрит на меня в упор, я не отвожу взгляда. Нет, девочка, плясать с тобой я более не буду. Непредсказуемо заканчивается.

– Ладно! – вздыхает Бетти.

Отодвигаю в сторону заявку Оливера, беру следующую. В течение последующих двух часов за столом стоит крик и гам. Все раскраснелись, многие вытирают со лба пот. Один Росс выглядит довольным. Его заявку не тронули, более того, увеличили финансирование. А вы как думали? У нас на носу война. Оружие в боевых действиях испаряется, как вода в котле. В земной истории не раз так было. Солдатам потом с палками в атаку ходить?

Линфорд исчеркал уже два листа, пачкает третий.

– Восемьдесят миллионов сто сорок две тысячи силли, – объявляет итог. – В двенадцать раз больше, чем есть в казне.

Все смотрят на меня, в том числе Бетти. Про лотерею она помнит. Мы ее, конечно, запустим, но не сейчас. Есть источники понадежнее.

– Урожай в этом году хороший?

Съёрды кивают почти синхронно.

– Значит, соберем добрую подать.

– Черр! – подскакивает Линфорд. – Подати уступлены тросканцам на пять лет. Прошло только два.

– Мы разорвем этот договор.

Во взглядах – удивление и осуждение. Денонсировать договоры здесь не принято. Пусть подписал Эван, но от имени государства. Король должен держать слово даже за предшественника. Это они земной истории не знают. Там сегодня дал, завтра забрал... Чем нам это грозит? Тросканцы свернут бизнес и уедут из страны? Скатертью дорога! Кабальные условия, грабительские проценты, подделка договоров... Такой банк нам не нужен. Свой откроем.

– Согласно договору король Эван взял у тросканцев ссуду в пять миллионов золотых крон, – говорю, выкладывая на стол свиток. А вы думали, мы не готовились? – Взамен они получили право забирать подати, собираемые королевскими чиновниками, в течение пяти лет. Размер лихвы в договоре не указан, из чего следует, что она в пределах, установленных в Алитании. По указу короля Харри это не выше пятой доли от суммы долга в год. Из отчетов видно, что в первый год Дом Троскана получил от королевства семьдесят три миллиона силли, или свыше трех с половиной миллионов крон. Во второй год – семьдесят семь миллионов силли. Таким образом, долг Дому выплачен сполна, а лихва даже превышает установленный размер.

Протягиваю свиток Оливеру. Тот хватает и начинает внимательно читать. Изучайте, черр! Тросканцы облажались. Во-первых: не вписали в договор лихву. Зря: подпись короля узаконила бы любой процент. Второе: банкиры не стали собирать подать сами – доверили фискалам короля. Те поручение выполнили, но представили отчеты в столицу. В результате на руках у нас цифры.

– Айвен прав! – заключает Оливер, кладя свиток. – Все правильно, хотя неожиданно.

– Но законно? – спрашивает Бетти.

– Да, Ваше Величество. Оспорить не удастся.

– Значит, прекращаем договор. Черр Линфорд, подготовьте указ и письмо Дому Троскана.

– Слушаюсь, Ваше Величество, – кланяется казначей.

– Я больше не задерживаю вас, черры!

Встаем и разбегаемся. В коридоре меня догоняет Линфорд.

– Черр Айвен!

Останавливаюсь. Линфорд оглядывается по сторонам.

– Хочу вас предупредить. Дом Троскана... Они страшные люди! Меня только за слово против них заключили в Гремплъ. А тут деньги... Убьют!

Уже пытались.

– Спасибо, Линфорд! – жму руку казначею. – Учту.

Видимо, мои слова звучат легкомысленно – Линфорд смотрит на меня с жалостью. Иду к себе. Служанка приносит вино с печеньем. Пью и закусываю – заслужил. Большое дело сделали. Бюджет сверстан, королева и управленческая верхушка получили урок. Такое не забывается. Тросканцев пора брать за вымя. Странная это компания, даже очень. Как доложил Элсли, имеет свои отделения в других странах. Зарабатывает на кредите, действует жестко и нагло. Конкурентов нет, что удивительно. В Запасном мире вообще много странного. Общество по укладу типично средневековое, причем раннего периода. Система дворянских титулов – убогая. Всего три градации до короля. В моем мире их дюжина. С другой стороны – промышленность и торговля на уровне XVII–XVIII земных веков. Как-то однобоко. Банк вообще один, что нелогично. Есть, конечно, и ростовщики, но их сравнивать с тросканцами глупо – мелочь. А взять культ Спасителя? Похож на христианство, но в какой-то краткой, адаптированной версии. Если отбросить шелуху из слов, то история такова. Несколько веков назад в Запасном мире явился проповедник. Ходил по весям, вещал о любви к ближнему, о всеобщем равенстве и покаянии. Подобных личностей и на Земле хватало. Слова проповедника падали на благодатную почву: феодалы здесь зверствовали. Спаситель собирал толпы слушателей. После его проповедей крестьяне отказывались платить подать. Феодалам это не нравилось, на проповедника открыли охоту. Поймать долго не удавалось: сподвижники скрывали. Среди них были и благородные – из бедных, конечно. Но, как это обычно бывает, нашелся Иуда. Спасителя схватили, долго мучили, затем колесовали. Веками его культ едва тлел. И вот несколько десятилетий назад – взрыв! Короли склоняют колени, в городах вырастают храмы, феодалы молятся и чертят перед лицом круги. С чего бы вдруг? В земной истории подобного не было. Понадобился не один век, чтоб христианство стало мировой религией. А кто двигает здесь прогресс? И, главное, почему?..

Осторожный стук в дверь прерывает мои мысли.

– Войдите!

В кабинет проскальзывает Элсли.

– Разрешите?

Машу рукой.

Элсли подходит и кладет на стол картонную папку. Научились. Делопроизводство должно быть простым и понятным.

– Решил, босс, что вас это заинтересует.

На папке каллиграфическая надпись: «Дом Троскана». Хм! Соображает. Услышал, смотался в штаб-квартиру и привез. Далекое пойдёт.

– Присаживайся! Ешь, пей!

Пока Элсли занимается вином, просматриваю содержимое папки. Неплохо. Количество людей в главном офисе, руководство, охрана, привычки, личная жизнь... С последним странно: ни у кого из верхушки Дома нет жен. По местным представлениям – моветон: как это без семьи? А наследство кому передать? Будь ты простолюдин или благородный, без детей ты неполноценный. Почему у этих не так?

– Что показалось тебе странным у тросканцев, Элсли?

– Безъязыкие, черр!

– Кто?

– Охрана тросканцев. У всех отрезан кончик языка, говорить не могут.

Та-ак... В Иорвике у Ши язык тоже отсутствовал. Система. Ничего удивительного. В земном Средневековье и не такое практиковалось. Шайки похищали детей и уродовали их, чтобы показывать на ярмарках. А отрезать слуге язык, чтоб не болтал лишнего, и вовсе мелочь. Возвращаю папку Элсли.

– Присматривай за ними!

– Слушаюсь, босс!

Элсли кланяется.

После его ухода смотрю на горы бумаг. Разбирать их не хочется. Тоска. И зачем я подписался в советники? Закисну здесь...

* * *

Посетитель, шагнувший в мой кабинет, походил на банкира, как я на балерину. Крепкое, поджарое тело, волевой подбородок и колючий, недобрый взгляд, которым меня наградили с порога. Та-ак... Зря согласился его принять. Ладонь машинально скользнула к поясу и нащупала рукоять «Дерринджера». В следующий миг я мысленно обругал себя и убрал руку. Мне ничего не грозит. Вообразить, что банкир явился к советнику, чтобы его убить... Сержанты не пускают ко мне вооруженных людей.

– Желаю здравствовать, черр! – кланяется гость.

– Присаживайтесь! – я указал на стул.

Посетитель плавно перетек к нему и присел на краешек. Черт, как двигается!

– Слушаю вас.

Посетитель извлек из сумки свиток.

– Вчера мне доставили это письмо...

– Вам что-то неясно?

– У меня есть возражения, черр!

Делаю жест, подтверждая, что готов выслушать.

– Вы пишете, что наш договор с королем расторгнут из-за превышения размера лихвы. Но это не ссуда, а мена. Деньги в обмен на подати. Лихва здесь не применяется.

Детский сад...

– По договорам мены одно имущество обменивается на другое. Вы предоставили королевству пять миллионов крон. Это имущество. А вот право на сбор подати таковым не является. Указан и срок действия договора – пять лет. Налицо классические признаки ссуды: срочность, возвратность и платность.

Тонкие губы гостя растягивает улыбка. Это он с чего? Внезапно чувствую холодок в груди. Вопрос мне задали на английском, и я ответил на этом же языке. Идиот! Развели, как ребенка. Кто он?

– У вас отличное произношение, Айвен!

Молчу.

– Даже странно для русского.

Он ухмыляется.

– Не удивляйтесь! В момент вашей ссылки аппаратура в тюрьме отправила нам закодированным сигналом копию вашего приговора. Такая у нас с Землей договоренность. Мы сигнал получили и расшифровали. Вас зовут Иван, фамилия Нагайкин. Капитан русской армии, осужденный за геноцид в Африке и бунт в тюрьме. Верно?

Киваю – спорить глупо. Пусть говорит! Даже интересно.

– Странно, что вас отправили сюда.

– В чем странность?

– Осужденных не шлют в этот мир.

– Почему?

– Чтобы не путались под ногами. Есть негласная договоренность. Для вас почему-то сделали исключение. Из-за чего?

– Наверно, я симпатичный.

– Скорее богатый, – не согласился он. – Дали взятку. Сколько?

– Понятия не имею.

– Думаю, немало. Но сработано хорошо. Отменное прикрытие.

Поднимаю бровь.

– В вашей истории все странно, Айвен. Капитан русской армии, который устраивает геноцид в Африке... Русские – звери, конечно, но шинковать негров не их стиль. Я воевал там, знаю. Думаю, резней занялись черные, а потом это повесили на вас. Затем – суд, приговор и направление в тюрьму, которую вы почти тут же захватываете. И что дальше? А ничего! Нет угрозы убить заложников, требований о пересмотре приговора, об освобождении из тюрьмы и тому подобного. Вместо этого добровольная сдача спецназу. Затем – новый приговор и ссылка в Запасной мир. Причем именно в тот, который для ссыльных закрыт. Отменная легенда, но из нее торчат уши. Заключение, сумевший получить доступ к серверу тюрьмы и взломать его... Когда это было? А оксфордское произношение, знание юриспруденции? Обычное дело для русского офицера, не правда ли? Вы русский шпион!

Демонстративно аплодирую.

– Не паясничайте!

Он хмурится.

– Осталось выяснить, зачем я здесь?

– За тем же, что и мы. Захват ресурсов.

– Запасные миры эксплуатировать запрещено.

– Не говорите чепухи. Кто соблюдает эти запреты?

– Россия.

– Потому что у нее есть все. Нефть, газ, металлы...

– Вы противоречите сами себе. Если есть, зачем Запасной мир?

– Ресурсы конечны. Возможно, вы уже сталкиваетесь с трудностями. С какой стати Россия пошла в Африку? Это далеко от ваших границ. Зато ископаемых в Африке полно. То же и с Запасным миром. Официально России сюда хода нет – планета принадлежит империи. Открытый захват – повод к войне. И тогда вы нашли путь. Если скомпрометировать империю, заявив, что она нарушает правила, Запасной мир отдадут в общую юрисдикцию. Контакты с аборигенами возьмет под контроль ООН. А у вас в Алитании ручной монарх... Многоходовая, тщательно продуманная операция. Не знаю, кто ее разрабатывал, но придумано блестяще. К тому же вам помог «крот».

– Неужели?

– Вы отлично информированы. Смотрите! – он стал отгибать пальцы. – Вас высадили близ Йорвика. Почему здесь, а не в другом месте? Мир

большой.

– Случайность.

– Разумеется! По чистой случайности в Иорвике живет дочь короля Харри – потенциальная наследница престола. Абсолютно случайно вы знакомитесь с ней и втираетесь к ней в доверие. Более того, девочка влюбляется в вас. Еще бы! Такой красавец... Достаточно? Думаю, вы планировали переворот, но тут вам повезло: умер Эван. Дальше просто. Захват Нима, интронизация Бетти, перехват нитей управления государством. Признаюсь, – кивнул он, – сработано с блеском.

– Что ж не вмешались?

– Моя вина. Ваше появление я счел случайностью. Бывает. Любая система время от времени дает сбой. К тому же вас высадили неподалеку от места недавнего сражения. Решил, что отловят, примут за мятежника и казнят. Следовало проследить, но было не до вас: Рилли затеял переворот. Он хотел посадить на трон сестру. Просил денег, советовался. Эван внезапно почувствовал себя королем. Стал взбрыкивать, грозить дядьям. Кто-то его настроил, а Рилли не знал, кто. Мальчик мог объявить об отставке съёрда, Рилли этого боялся. Эвана следовало тихо убрать и скрыть это от матери – она любила сына. Было много хлопот, из-за этого упустили вас. А вы сделали ход с Бетти. Только напрасно.

Пистолет в его руке появился как бы сам собой. Маленький, плоский, приспособленный для скрытного ношения на теле. Узенькая дырочка на срезе ствола. Это не огнестрел. Пневматик, стреляющий отравленными иглами – оружие спецназа. Яд игл может парализовать или убить – смотря чем зарядили.

– Теперь ваше оружие, Айвен! Медленно, двумя пальчиками.

Подчиняюсь. Не убирая ствола, он шагнул к столу и взял «Дерринджер». Отступив, повернул его к себе скобой курка. При этом он не забыл контролировать мои движения. Нож доставать бесполезно – успеет выстрелить. К тому же на нем бронежилет. Спрятан под одеждой, но если присмотреться, можно разглядеть. Жилет мягкий, но удар ножом выдержит легко.

– Пистолет Ши, – сказал гость. – Я так и думал. Казнозарядного оружия в Алитании не производят. Эту партию делали в Глене по нашему заказу. Вы сменили накладки и посеребрили ствол, но знак остался, – он покрутил «Дерринджер» в руке. – Зачем ты убил наших людей?

– Они пытались убить меня. Пришли ночью.

– Почему?

– Я не позволил им ограбить вдову. Они подделали договор займа.

– Допустим, – кивнул он. – На Иззи похоже. За долю в прибыли шел на все. Невелика потеря, но вы забрали деньги и документы. Где они?

– Документы сжег, деньги утопил.

– Место помните?

– Да.

– Покажете?

Киваю.

– Если деньги не найдут, придется возместить.

– У меня нет такой суммы.

– Продадите Коули и заплатите с выручки.

Чтоб ты сдох! Все знает.

– Нам нужно определиться, Айвен. У вас два выхода. Или вы работаете на нас, и тогда мы дружим. Или вы отказываетесь, тогда...

Он поднял пистолет.

– Вы не станете стрелять.

– Это почему? – хмыкнул он.

– Королева не простит. Она, как вы заметили, испытывает ко мне чувства. Вас раздавят, как муравьев.

– Королева может отправиться следом за тобой.

– И что тогда? Посадите на трон Карри? У нее нет опоры. Рилли мертв, Алан – в бегах, а население ненавидит Дигганов. Простолюдины подымут бунт, знать схлестнется в борьбе за трон. Законы перестанут действовать, и первым, кто от этого пострадает, будет Дом Троскана. Вас здесь так «любят», что немедленно бросятся громить.

– Не глуп! – прошипел он. – Что предлагаешь?

– Сядем!

Он поколебался и опустил на стул.

– Как вас зовут? А то неудобно. Мое имя вы знаете, а я ваше – нет. Настоящее, конечно.

– Вилли.

– Немец?

– Англичанин.

– Англичане проглатывают окончания слов, а вы выговариваете их жестко.

– Пусть немец, – не стал спорить он. – Что с того?

– Проверка искренности. Лжете даже в малом. Теперь о большом. Вы, Вилли, не представляете империю. Ваш бизнес – частная инициатива, причем незаконная.

– Это почему?

– Империя не стала бы открывать банк. Давать ссуды, выколачивать долги, резать языки слугам... Методы колонизации совсем другие. Подкуп знати, открытие школ, где воспитывают будущую элиту и заодно внушают ей лояльность к чужакам. Затем обучение будущих монархов в лучших вузах империи. Колониальная армия, набранная из аборигенов, но под командованием имперских офицеров. Военные городки, дома с удобствами, соответствующая инфраструктура. Ничего подобного здесь нет.

– Много ты понимаешь в делах империи! – хмыкнул он.

– Меня учили этому. Я вырос при императорском дворе. Принц Айвен, слышал о таком? Приемный сын императора, брат будущего наследника престола. Этого вам не сообщили?

Он хватил ртом воздух.

– Значит, приговор...

– Приговор реальный. Я служил в русской армии. Суд над нами – следствие политической борьбы. Обвинение ложное. Сейчас дело пересматривают. Будь ваша миссия официальной, вы бы это знали. Полагаю, что и портал для вас открывают не чаще чем раз в год, дабы не привлекать внимания и экономить средства. Хотя возможность аварийной эвакуации предусмотрена. Вот ею вы и воспользуетесь. Мое предложение таково. Дом Троскана сворачивает деятельность и убирается на Землю. Тогда я постараюсь об этом забыть. В противном случае вас ждет суд.

– Не надо меня пугать! – ощерился он. – Знаешь, какие люди за нами стоят? Тебя съедят – не подавятся. Не такой уж ты влиятельный, раз оказался в тюрьме. Люди вложили в дело деньги!

– Не думаю, что такие уж большие. Подтолкнуть прогресс легко. Продемонстрировать новинки – первым делом в вооружении, за них сразу ухватаются. Подсказать, как можно организовать производство. Убрать мешающие торговле и производству правила. Реформировать религию, чтобы взять под контроль массы... В результате – страна с развитым рынком. В ней и добывают золото с серебром. Они и есть ваша цель. Главным образом золото. На Земле оно в цене. Вы заняли королю Эвану пять миллионов крон. Взамен получили более семи. Тонны золота, миллиарды евройен... Свои затраты вы вернули давным-давно, теперь стрижете купоны. Я прав?

Он промолчал.

– Можете не отвечать. Один вопрос. Преобразования короля Харри – ваша заслуга? Как вы его убедили?

– Ему некуда было деваться, – желчно процедил Вилли. – Парень наложил в штаны. Сидел во дворце и ждал смерти. Ему пообещали, что

бунтовщики уйдут, а он станет могущественным монархом. Дали золота... Но Харри не сдержал слова – запретил открывать банк. Не любил ростовщиков.

– Что ж не убили?

– В отсутствие наследника – смута. Нас она не устраивала. Пришлось ждать и работать в Глене.

– Дигганы – ваша креатура?

– Разумеется! – хмыкнул он. – Мы готовили смену власти. И тут влез ты. Понимаешь, что натворил? Вот что, парень! Раз так вышло, предлагаю сотрудничество. Условия следующие. Вы отменяете решение о разрыве договора. Подати, как было и прежде, отойдут Дому. Взамен деньги, которые ты забрал у Иззи, можешь оставить себе. Мы их спишем. Далее ты уговариваешь королеву дружить с нами. Плата за услуги – доля в прибыли корпорации. Подпишем официальный договор, у меня есть на это полномочия. Правда, с местными, но ты вроде съёрд, – он ухмыльнулся. – Получишь пять процентов. Это большие деньги! Вернешься в империю, станешь миллионером. Идет?

Ага, станешь! Пристрелят прямо в терминале. Там, где замешаны тонны золота, не церемонятся.

– Не пойдет!

– Хочешь больше? – нахмурился он. – Не выйдет. Я предложил максимум.

– Я ничего не хочу. Предложение остается тем же. Срок исполнения – два дня. После чего Дом Троскана и всех, кто с ним связан, объявят вне закона. Аудиенция закончена.

– Вот, значит, как! – он почесал кончиком «Дерринджера» нос и сунул пистолет в сумку. – Что ж, напросился. А ну вышел из-за стола! И держи руки так, чтоб я их видел.

Я подчинился. Стволом игольника он показал на дверь. Мы вышли в приемную. Дежуривший там охранник вскочил и потянулся к оружию. Игольник в руке Вилли звонко щелкнул. Сержант схватился за грудь и сполз по стене.

– Урок первый, – сказал Вилли. – Не надо дергаться, когда видишь оружие в руке врага. Ты уже опоздал. Стой здесь!

Он подошел к телу сержанта, забрал у него пистолет и положил в сумку.

– Не переживай, принц! – сказал он, заметив мой взгляд. – Твой парень жив. Можешь проверить.

Я подошел и склонился над сержантом. Пальцы нащупали на шее

пульс.

– Через час очнется, – прокомментировал Вилли. – На иглах – парализующий состав. Мы не собираемся вас убивать. Преподадим урок – и только. Теперь – на балкон!

Мы вышли в коридор и двинулись галереей. Вилли шагал за мной в двух шагах. Игольник он прятал под полой. Встречные придворные торопливо отступали к стене и кланялись. Уж не знаю, каким было у меня лицо, но заговорить они не пытались.

Мы выбрались на балкон и подошли к парапету.

– Смотри! – указал Вилли на карету в углу двора. – Внутри двое моих людей. Кучера можно не считать – он местный. Ножом и пистолетом владеет, но в сравнении с Полом и Майком – тьюфак. Мне рассказали, как ты бросал ножички на балу. Теперь мой черед показывать.

Он сунул в ухо наушник гарнитуры.

– Пол! Майк! Вариант один. Пошли!

Дверцы кареты распахнулись. Двое бойцов в бронежилетах и в касках с прозрачными забралами выскочили наружу и потекли к дворцу. В руках у каждого пистолет.

– Игольники! – пояснил Вилли. – Как я и сказал, мы не собираемся убивать.

Навстречу бойцам бросились фузилеры, дежурившие на крыльце. Земляне, не прекращая движения, вскинули игольники. Щелк, щелк, щелк... Четверо фузилеров уронили мушкетоны и грохнулись на камни двора.

– Красиво, да! – ухмыльнулся Вилли. – Идем, принц! Нас ждет много интересного!

Мы вернулись на галерею и встали у парапета. Пол и Майк появились из дверей и двинулись по залу, расталкивая придворных. Им попытались преградить путь, в ответ защелкали игольники, и несколько человек упали на пол. Остальные испуганно отшатнулись. Диверсанты приблизились к двери, ведущей на половину королевы. Сержанты, охранявшие ее, разглядев врага, выхватили «Дерринджеры», но выстрелить не успели. Щелк, щелк... Один из диверсантов оттащил тело сержанта, перекрывшее дверь, и оба скользнули в нее.

– А сейчас навестим Ее Величество! – сказал Вилли.

– Думаете, она отменит свое решение?

– Непременно! – сказал он. – Я всегда добиваюсь, чего хочу. А ты объяснишь ей, кто мы. Расскажешь о снайперской винтовке и для чего она предназначена. И о пулемете. Мы, кстати, захватили один с собой. Это для

сведения. Вдруг вздумаете выслать погоню, – он ухмыльнулся.

Пол с Майком встретили нас в приемной Бетти. Тела дежуривших здесь сержантов лежали на полу: один – у стола, второй – у дверей в кабинет.

– Чисто! – доложил моему спутнику один из диверсантов. – В кабинет, как вы велели, не заходили.

– Побудь здесь, Пол! – сказал Вилли. – А мы попросим аудиенции у Ее Величества. Вы первым, Айвен!

Я постучал в дверь, а затем распахнул створку. В следующий миг меня невежливо и очень сильно толкнули в спину. Я влетел внутрь и остановился посередине комнаты.

Бетти сидела за столом с пером в руке. Увидев нас, она удивленно подняла бровь. Мирка, исследовавшая бумаги на предмет спрятавшихся в них мышей, отреагировала иначе. Злобно чирикнув, она вскочила Бетти на плечо и сгруппировалась. Почувствовала адреналин, умница!

– Ваше Величество!

Вилли шагнул к столу и поклонился. Я скосил взгляд на Майка. Тот, контролируя меня, держал игольник на изготовку. Бетти он в расчет не принимал.

– Что это значит, Айвен? – Бетти вскочила. – Кто эти люди?

Я сложил руки на груди. Пальцы скользнули в рукава и нащупали кольца-рукояти ножей.

– Это значит, Ваше Величество, что дворец захвачен, – сказал я. – А эти люди – враги, которые пришли вас убить.

Я посмотрел ей в глаза. Ну! Вспомнишь?

– Это неправда, Ваше Величество... – начал Вилли, но не успел договорить. Бетти вытянула к нему руку.

– Враг!

Белая тень мелькнула в воздухе. В последний миг Вилли попытался Мирку отбить, но не успел. Горностайка шлепнулась ему на плечо и вцепилась зубами в шею. Вилли вскрикнул и решил было ее смахнуть. Но Мирка, прыгнув на пол, понеслась к Майку. Тот выстрелил в нее из игольника, но промахнулся. Мирка шмыгнула под стол. Это дало мне секунду. Прыгнув к диверсанту, я тычком вбил ему нож над краем бронежилета. Майк захрипел и выронил игольник.

В этот миг, привлеченный шумом, в кабинет ворвался Пол. Подхватив Майка под мышки, я заслонился им от нового противника. Игольник в его руке несколько раз щелкнул, и я ощутил легкие удары в прикрывавшее меня тело. Пол, оценив обстановку, стрелял, стремясь попасть в мои

пальцы, видимые из-под мышек со спины убитого. Черт! Пропал! Я рассчитывал в завязавшейся суматохе завладеть оружием, но Пол был быстрее.

Внезапно противник вскрикнул. В его голосе боль перемешалась с отчаянием. Я выглянул из-за плеча трупа. Выронив игольник, Пол зажимал руками внутреннюю поверхность бедра. Сквозь пальцы струйкой пробивалась кровь. Мирка не упустила момент.

– Сэр! – задвленным голосом проговорил Пол. – Помогите! Эта тварь перекусила мне артерию. Я сда...

Он не договорил. В кабинете оглушительно бахнул выстрел. Пуля ударила Пола в шею. Он разжал руки и рухнул лицом вниз. Я повернул голову. В руке Бетти дымился «Дерринджер».

– Умница! – прохрипел я, бросая уже ненужный труп.

– Их еще много? – спросила Бетти.

– Один во дворе. Но с этим я сам...

Я подошел к Вилли. Глава Дома Троскана уже затих. Вокруг его головы расплывалась темная лужа. Я вытащил из его сумки «Дерринджеры» и взвел курки. Наверняка у диверсантов есть и другое оружие, но с незнакомым лучше не экспериментировать. Я выпрямился и увидел побелевшие глаза Бетти. Пробило...

– Идем!

Я взял ее за плечо и вывел из кабинета. Увидев тела сержантов, она ойкнула.

– Они очнутся! – сказал я. – Просто без сознания.

В этот миг нас догнала Мирка. Прыгнув на платье Бетти, она взобралась ей на плечо. Морда горностайки была в крови. Бетти скосила на нее взгляд, и ужас плеснулся в ее глазах.

– Не бойся! – сказал я. – Миранда не причинит тебе вреда. Она убивает только врагов.

Мирка стрекотнула, подтверждая мои слова, и стала слизывать с мордочки кровь. В этот момент в приемную ворвались сержанты дежурной смены.

– Что здесь происходит?! – крикнул старший.

– Покушение на королеву, – сказал я. – Нападавшие убиты. Их трупы лежат в кабинете Ее Величества. Не прикасайтесь к ним! Ваши товарищи очнутся – они без сознания. Проводите Ее Величество в кабинет к Оливеру и охраняйте, пока я не вернусь.

– Слушаюсь! – вытянулся старший из сержантов. Телохранители окружили Бетти и увели. Я спустился вниз. В зале приемов никого не было.

Только тела парализованных лежали там, где их застигли выстрелы. Я пересек зал и вышел на крыльцо. Оно было пусто, и двор – тоже. Оглушенные фузилеры лежали на мостовой. Слуги и придворные где-то попрятались.

Быстрым шагом я двинулся к карете. Кучер, заметив меня, заволновался. Он вскочил на козлах и стал всматриваться. Аборигену бронезиля не выделили – расходный материал... Приняв наконец решение, он выхватил пистолет. Я заскользил зигзагами, сбивая прицел. Он выстрелил. Пуля пропела над моей головой. Облако дыма почти скрыло кучера – патроны у него оказались с дымным порохом. Я вскинул «Дерринджеры» и выстрелил с обеих рук. Из облака выпала фигура и шлепнулась на мостовую. Я подбежал. Одна пуля угодила кучеру в плечо, вторая – в грудь. Он хрипел, пуская кровавые пузыри, и сучил ногами. В раскрытом рту показался обрезанный язык. «Безъязыкий».

Я заскочил в распахнутую дверцу кареты. Кучер не стал их закрывать. Оно и понятно: вдруг срочная эвакуация. Где же он, черт возьми?!

Пулемет нашелся под сиденьем. Древний «FN Minimi Para» с присоединенной к нему пластиковой коробкой с лентой на 100 патронов. Старое, но смертоносное оружие. Второй диверсант был вооружен автоматом «MP-5» фирмы «Heckler und Koch». Несмотря на возраст, эта надежная и убойная машинка все еще на вооружении полиции империи. В разгрузке нашлись запасные магазины и даже пара осколочных гранат. Готовились. У покойного Вилли наверняка был в запасе и «Вариант два».

Я накинул на себя разгрузку, забросил за спину «MP-5» и с пулеметом в руках отправился к дворцу.

Глава 21

Пушки стояли у края площади, сразу за выездом с улицы. Возле них лежали тела артиллеристов – не менее десятка на беглый взгляд. Скорее всего, что больше. Оба расчета.

– Да что ж это!.. – я сжал кулаки.

– Едва выкатили пушки на площадь, – поспешил с разъяснением Родж. – Но не успели даже развернуть. Из Дома Троскана начали стрелять – да так метко! И вот...

– Я послал вас занять позиции, а не штурмовать!

– Парни озверели, – вздохнул Родж. – Как только услышали, что покушались на крошку Бетти... Не смог удержать.

«Врет! – понял я. – Хотел отличиться. Кавалер золотого аксельбанта, епть! Павлин крашенный!»

– Из чего они стреляли, черр? – спросил Родж. – Такой треск стоял!

– Из этого! – я указал на висевший поперек груди пулемет. – Выпускает сотню пуль в один миг.

– Калибр маленький! – сказал Родж, заглянув в ствол. – Несерьезно.

– Скажи это им! – я ткнул в сторону павших артиллеристов.

Родж насупился. Я повернулся и пошел вверх по улице. Росс, отдавая команды, устанавливал там бомбарды. Я прискакал вместе с ним. Специально завернул к арсеналу, и Родж воспользовался моим отсутствием. Разжалую! Лишу аксельбанта! Полковник недоделанный... Сердясь, я прекрасно понимал, что ничего подобного не сделаю. Родж не из тех, кто ловит звезды, но лучших нет. Академий они не кончали, об оружии пришельцев понятия не имеют...

Фузилеры, теснясь у стен, рассматривали бомбарды. Необычные орудия. Ствол торчит вверх, лафет без колес. Чтобы переместить бомбарду, двое артиллеристов снимают ствол, двое других берут лафет и грузят все это на повозку. Каменный век. Однако стреляют бомбарды на удивление точно – недавно испытывали. А вот мины я забраковал. Во-первых, срабатывали, лишь углубившись в грунт. Во-вторых, разрывались всего на три-четыре осколка. Нам это не нужно. Мина – средство поражения пехоты, она должна взрываться, едва коснувшись земли, и давать много осколков. Росс обещал сделать новые снаряды, но не успел. Привезли старые. Но сейчас они в самый раз.

– Скоро начнем, – сказал Росс, увидев меня. – Только куда стрелять?

Отсюда не видно.

Он указал на дом, закрывавший от нас площадь.

– Возьми направление на центр площади и установи расстояние в пятьсот шагов. Дальше я скорректирую.

Я достал из кармана наушник и сунул ему в ухо.

– Что это? – спросил Росс, тронув его пальцем.

– Прибор для разговора на расстоянии. Ты будешь слышать мой голос, а я – твой.

– Откуда это у вас?

– Трофей.

– И ружье тоже? – Росс указал на пулемет.

Я кивнул.

– После того как здесь закончим, дадите посмотреть?

– Непременно.

Росс заулыбался. Вот ведь оружейный фанат! Только смотри не смотри, а повторить «MiniMi» не получится. Нет здесь нужных технологий и не скоро будут. Картечицу соорудить – и то счастье.

Мастера закончили установку бомбард и принялись крутить винты наводки. Я двинулся обратно. Дверь ближнего к площади дома была распахнута. Когда началась стрельба, жильцы его покинули. Я поднялся на третий этаж. В комнате были заметны следы бегства. Поваленный стул, осколки разбитого кувшина... В нос шибануло запахом скисшего пива. Я подошел к окну. Сквозь зеленое стекло площадь было не рассмотреть. Я приоткрыл раму. Если у тросканцев снайпер, мне не поздоровится. Бронежилет со шлемом, снятые с убитого боевика, не спасут: пулю из винтовки они не держат. Надеюсь, меня не заметят. Зданий, окружающих площадь, много, окон – и того больше.

Вид сверху на Дом Троскана был замечательным. Трехэтажный каменный особняк располагался в центре большой площади в окружении тоже каменного забора, напоминавшего крепостную стену. Хорошая защита, но и недостаток одновременно. Стрелять можно только с третьего этажа, со второго уже не получится – мертвая зона. Особняк стоит в центре площади, зданий вокруг нет. Расточительно для городской застройки, но тросканцы не мелочились. Дом возвели в расчете на круговую оборону. Теперь он – ловушка. Окружающие улицы заняты фузилерами, куда ни сунься – нарвешься на огонь.

Я достал рацию и нажал танкетку.

– Дом Троскана, Дом Троскана, отзовитесь!

– Кто это? – прохрипел динамик.

– Меня зовут Айвен. Советник королевы Бетти.
– Русский?
– Он.
– А где Вилли?
– Убит.
– А Пол с Майком?
– Тоже. Еще и кучер.
– Этого можно не считать, – сказал динамик. – Как парни умерли?
– Сразу. Не мучились.
– Я не о том. Пол с Майки – профессионалы, и чтобы убить их, надо хорошо постараться.
– Даже у профессионалов случаются ошибки. Им не следовало врываться во дворец с оружием.
– Это все босс. Он взбесился, получив ваше письмо. Сдох сам и парней подставил. Чего ты хочешь?
– Предлагаю сдаться. Сложите оружие, поднимите белый флаг и выходите по одному.
– Уже бегу, – хмыкнул динамик. – Не глупи, русский! Ты знаешь о портале. Захотим – и мы на Земле.
– Что ж не захотели?
– Ждали парней.
– Уже не дождались. Уходите!
Динамик не ответил.
– Я знаю о вашем портале больше, чем тебе кажется, – сказал я. – Им можно воспользоваться только два раза в сутки: около полудня и в полночь по среднеимперскому времени. После сигнал уходит. С полуднем вы опоздали, а до полночи не доживете.
– И как ты нас убьешь? – спросили в динамике.
– Расстреляем из орудий.
– Уже пытались! – хмыкнули мне в ответ.
– Солдаты поспешили, за что и поплатились. Больше не повторится.
Забросаем вас минами – и все дела.
– Что ждет нас в плену? – спросил динамик, помедлив.
– Суд. Открытый и справедливый.
– А обвинение?
– Покушение на жизнь Ее Величества и убийство королевских солдат.
– Значит, смертная казнь. Какая она у вас? Колесование, четвертование, виселица?
– Если раскаетесь, суд сохранит вам жизнь.

– Отправив на рудники? Иди к дьяволу, капитан! Мы не сдадимся. Только суньтесь! У нас тут много чего есть!

– У нас тоже! – сказал я и отключил рацию. Не хочет, пусть огребет. Жалеть не буду. Эти люди угрожали мне с Бетти. Они стреляли в моих парней. Пусть из игольников, но это могли быть пистолеты. Они у боевиков имелись – нашел на их телах. У них тоже много чего было...

Я всунул в ухо капельку гарнитуры.

– Росс! Слышишь меня?

– Да, черр! – раздалось в наушнике. – Как будто вы рядом. Это чудо!

– Физика, – сказал я. – Давай пристрелочным.

В отдалении послышался хлопок, завывала мина, и на мощеной площади неподалеку от расстрелянного расчета бухнул взрыв. Недолет.

– На сотню шагов дальше!

– Есть, черр! – откликнулся наушник.

Вторая мина разорвалась у ограды дома. Осколки хлестнули по камню, выбив из него искры.

– На одно деление, Росс! Совсем чуть!

– Понял, черр!

Третья мина пробила крышу дома и взорвалась на чердаке. Осколки черепицы брызнули во все стороны.

– Так стрелять, Росс! Беглый огонь!

В отдалении захлопали бомбарды. Мины, одна за другой, стали рваться во внутреннем дворе Дома Троскана. Некоторые попадали в крыши дома или хозяйственных построек. Тогда в воздух взлетали обломки черепицы – такие же смертоносные, как чугунные осколки. Я открыл окно. Если на третьем этаже Дома сидел снайпер, то теперь его нет, так же, как пулеметчика. Жить всем хочется, тем более – наемникам. Они не солдаты, которые будут умирать за Родину.

Из дверей Дома во двор внезапно выбежал человек в бронежилете и шлеме. Он вскинул на плечо длинную трубу. Ручной гранатомет! Расположение бомбард они приблизительно засекли. Если перебросить термобарический боеприпас через дома, то на улице, где стоит батарея, наступит ад...

Я сорвал с шеи пулемет и дал очередь. Человек во дворе выронил гранатомет и упал. Фу-у! Успел...

Из дверей Дома выскочили двое слуг и утащили тело. Гранатомет остался лежать во дворе. Минометный обстрел стих.

– Что там у тебя, Росс? – спросил я.

– Снаряды кончились, – ответил наушник. – Бомбарды их просто жрут!

- Еще есть?
- В арсенале. Уже послал людей.
- Хорошо! – буркнул я. – Как привезут, скажешь!

Я подтащил табурет, сел у окна и примостил сошки «Minimi» на подоконнике. Осажденные могли воспользоваться паузой и пойти на прорыв.

– Эй, русский! – внезапно раздалось в наушнике. – Слышишь меня? Голос был незнакомым, но речь английская. Это еще кто?

– Слышу! – сказал я.

– Тебя как зовут?

– Иван.

– А я Драгомир.

– Серб?

– Хорват. Тот же серб, только католик.

Хорват признал себя сербом? В лесу кто-то сдох.

– Что скажешь хорошего, Драгомир?

– Вацлав, который говорил с тобой, убит. Это ты застрелил его?

– Нечего было выскакивать с гранатометом! Я предупреждал.

– Теперь я последний из землян в Доме.

– Вас было пятеро?

– Компания не хотела больше. Чем меньше людей, тем проще сохранить тайну. Работу делали местные. Мы руководили ими и отправляли золото через портал.

– Много?

– Несколько тонн в год. Могу назвать точные цифры. У меня база данных за пять лет. Я здесь вроде бухгалтера и технического специалиста, отвечаю за учет и системы безопасности. Не боевик. Даже пистолет не ношу – не люблю оружие.

– Кем были остальные?

– Наемниками. Воевали в Африке и других местах. «Отличились» так, что их разыскивал Интерпол.

– А тебя?

– Тоже. Если вернусь, получу двадцать лет тюрьмы.

– За что?

– Несанкционированное проникновение в банковскую сеть.

– Так ты хакер?

– Каждый зарабатывает, как может. Хочу договориться, Иван.

– О чем?

– Мне не нравится перспектива отправиться в рудники. Я никого здесь

не убивал. Этим занимались другие. Если пообещаешь оставить меня в покое, открою тебе хранилище. Там золото, много. И ты выделишь мне десять процентов.

– А губа не треснет? Сами возьмем.

– Не получится – Дом напичкан минами. Их тут десятки. Одни срабатывают от датчика движения, другие – по радиосигналу. Вы не сможете их снять – хорошо спрятаны. Некоторые замурованы в стенах. Мины можно активировать так, что сработают погоя. Скажем, дней через пять или десять. Ловушка на случай захвата Дома. Над закладкой работали лучшие специалисты.

Я вытер пот со лба! Параноики, млять! А я – лох. Мог бы догадаться.

– В хранилище – электронный замок, связанный с детонатором, – продолжил Драгомир. – Внутри датчики. Если не ввести код, все взорвется, даже если взломать стену. Я могу его дезактивировать. Еще я настрою маяк так, что вход в портал окажется в реке. Если откроют с Земли, то получат тонны воды. Портал выйдет из строя.

– Хорошо подготовился! – признал я.

– Это стоит десять процентов?

– Да!

– Мы договорились?

– Обещаю! – сказал я. – А что потом? Куда денешься?

– Останусь здесь. Моей доли хватит до конца дней. Куплю поместье, возьму в жены хорошую девушку и заведу семью. Мне сорок лет, Иван, пора жить спокойно.

– Ладно! – сказал я. – Выводи немых.

– Не подчинятся. Они не могут рассчитывать на снисхождение – все замазаны в крови. Это специально делали, чтобы исключить предательство. Им нечего терять.

– Что они сделают?

– Пойдут на прорыв. Сейчас накапливаются на первом этаже. Общаются между собой знаками, но я их понимаю. Учти, они опасны. Умеют обращаться с оружием. У одного есть пулемет – тот, из которого стрелял Вацлав. Но ты не беспокойся! Как только они пойдут к воротам, я взорву мины.

– Не вздумай! Другие могут сдетонировать.

– Тогда разбирайся с ними сам. Я – пас!

– Конец связи! – сказал я.

Ждал я недолго. Двери Дома распахнулись, и во двор повалили люди. Судя по тому, как перебежали они к воротам, тактике их не учили. Наемный

убийца и солдат – разные специальности. Немые сгрудились у ворот, передний взял пулемет на изготовку. Створки поползли в стороны. Я прижался щекой к прикладу «Minimi».

Они вывалили на площадь толпой и понеслись к дальней от меня улице. Передний при этом поливал перед собой из пулемета. Делал он это, как мог бы африканец, которому попало в руки незнакомое оружие, – ошалело и бесприцельно.

Тра-а-а!..

«Minimi» затрясся, выплевывая десятки пуль. Немых смело с площади, как листья метлой. Малокалиберные, но злые пули с такого расстояния пробивали тела навывлет и неслись дальше, поражая следующих. Спустя несколько мгновений на мощенной камнем площади остались только неестественно изломанные смертью тела. На всякий случай я прошелся по ним очередями. Вот и все. Суд вынес приговор и привел его в исполнение. Я поставил оружие на предохранитель и сбежал вниз. У дверей топтался Родж.

– Что это было, Айвен?! – крикнул он, завидев меня. – Опять трещало. Это ты? Нам идти на штурм?

– Не надо. Враги кончились. Соберите тела и поставь оцепление по краям площади. В Дом не заходить! Я пошел!

Родж хотел что-то сказать, но, натолкнувшись на мой взгляд, умолк. Я взял пулемет на изготовку и двинулся к воротам Дома. Что бы ни говорил Драгомир, но следовало держаться настороже...

* * *

Во дворец я вернулся поздно. Драгомир, как мне и обещал, отвел меня в подвал, где я завис на несколько часов, оценивая сокровища Голконды. Помимо золота здесь имелось оружие, снаряжение и много других полезных в хозяйстве вещей. Например, разведывательные беспилотники. Обустроено хранилище было капитально. Имелся пандус, по которому в портал закатывали тележки с золотом, тельфер для их перемещения от входа в подвал и прочие приспособления, облегчающие тяжелый труд. Все питалось от компактного атомного генератора. Грузчиками работали земляне: местных не пускали в подвал из соображения секретности. Их вообще держали в отдалении. «Безъязыких», к примеру, не учили пользоваться современным оружием – защита на случай их выхода из повиновения. Это и подвело землян. Вооружи Вацлав охрану

гранатометами и автоматическим оружием, и нам пришлось бы кисло.

Но более всего мне понравились системы видеонаблюдения, которыми был напичкан Дом. Я подрядил Драгомира демонтировать их и установить во дворце, выведя сигнал на единый пульт. Генератор – само собой. Хорват с радостью согласился. Его волновал будущий статус. Сегодня его помиловали, а завтра что? Передумать можно в любой момент, а вот полезного человека не тронут. Систему нужно обслуживать.

Драгомир оказался юрким мужичком с хитрыми черными глазами и заметным пивным животиком. Не боевик однозначно. Я отдал его под надзор Элсли и велел Роджу выставить оцепление вокруг площади. Никому к Дому не приближаться. Все полезное отсюда мы вывезем, а само здание снесем. Иметь крепость, напичканную минами? Ну, нах! Вдруг их каким-нибудь образом активируют с Земли? Драгомир уверил, что это невозможно, но я решил не искушать судьбу. Народу объясним, что это наказание за покушение на королеву, дескать, чтоб и памяти не осталось. Дом Троскана ждет судьба французской Бастилии. Еще и табличку поставим: «Здесь танцуют!»

К моему возвращению во дворце спали. Я выслушал доклад старшего охраны и отпустил его, велел бдить, а сам отправился в столовую. Прислуживала лично Мардж. Она принесла миску истекающей ароматом мясной похлебки и пироги с рыбой. От вида еды желудок забурлил – в последний раз я ел ранним утром. Мардж поставила на стол стеклянный кувшин с вином, и я разглядел, что глаза у нее заплаканные. Это с чего? Однако расспрашивать не хотелось, и я набросился на еду. Подмел все. А когда встал, Мардж неожиданно бухнулась на колени. При этом форштевни ее заколебались, как волны у пристани.

– Ты это что? – удивился я.

– Спасибо, черр! – всхлипнула она. – Если бы не вы... Спасли мою девочку!

Я попытался ее поднять, но с таким же успехом можно было сдвинуть с места вросший в землю валун.

– Я никогда этого не забуду! – причитала толстуха, пытаясь кланяться. Получалось у нее плохо – форштевни мешали. – Это были сами демоны! Они убили столько людей! А вы их...

– Вообще-то помогла Мирка, – сказал я, но Мардж не слушала, и мне пришлось вытерпеть благодарственную речь до конца. В ходе ее в столовую набежали слуги, которые тоже повалились на колени и пустили слезы. Зря я думал, что во дворце спят... С большим трудом прекратив это безобразия, я взял подсвечник с зажженными свечами, направился к себе. У

дверей моей комнаты топтались двое благородных. В одном я узнал Брейди.

– Вы здесь зачем? – поинтересовался я.

– Съёрд Элсли приказал! – ответил Брейди. – Никого не впускать, кроме вас. При появлении врагов – убить.

Опомнились. Принимать усиленные меры безопасности после того, как покушение произошло... Впрочем, и на Земле так. Сначала прозевают теракт, а затем выгоняют на улицы патрули. Я тоже хорош. Это чудо, что Вилли явился с показательными выступлениями. Прояви он хоть чуть хладнокровия и посади где-нибудь снайпера... Я почувствовал, как по спине пробежала дрожь.

– Спокойной ночи, черры! – сказал я и прошел в комнату.

Заперев за собой дверь, я поставил подсвечник на стол и направился к ванне. Воды в ней не оказалось. Черт! Остолопы у дверей не пустили слуг. И что делать? Кликнуть Мардж? Так пока согреют... Обойдусь тазиком с кувшином воды, он в комнате постоянно. Я повернулся, и взгляд выхватил из полумрака белую фигуру, сидящую на кровати. Рука дернулась к пистолету, но я удержал порыв. От большой белой фигуры отделилась маленькая и приветственно застрекотала. Мирка с Бетти...

– Ваше Величество? – я подошел ближе.

Бетти сидела с застывшим взглядом, сжимая в руке «Дерринджер». Я осторожно расцепил ей пальцы и забрал пистолет.

– Мне страшно, Айвен! – сказала Бетти, и я поразился безжизненности ее голоса. – Все время кажется, что в спальню вот-вот кто-то ворвется.

– Некому! – сказал я. – Мы убили их.

– Когда это кончится?! – всхлипнула она.

«Никогда!» – хотел сказать я, но благоразумно промолчал. Вместо этого обнял девочку и прижал ее к груди. За сегодняшними событиями я забыл про Бетти. Она, конечно, не земная барышня, падающая в обморок при виде крови, но и не солдат. Досталось бедной...

Я дал ей выплакаться. Закончив, она отстранилась и вздохнула.

– Я трусиха, да?

– Ты! – я засмеялся и чмокнул ее в лоб. – Да ты самая храбрая девушка из всех, кого я знал. Вовремя сообразила с Миркой, а потом еще застрелила одного из гадов.

– Почему они напали на нас?

– Сейчас расскажу. Ложись!

Я запихнул ее под одеяло, сбросил камзол и рубаху и умылся над тазиком. Затем натянул свежую рубаху и устроился на кровати поверх

одеяла. Сапоги скинул. На протезах у меня чулки – не заметит. Бетти придвинулась и положила мне голову на плечо. Мирка, поколебавшись, устроилась на груди. Оккупировали, халявщики!

– Далеко отсюда есть страна...

– Откуда они приехали?

– Да. Это плохие люди, повинные во многих преступлениях. Они скрывались здесь от правосудия. Одновременно решили разбогатеть. Стали давать деньги в рост и строго взыскивали с должников. Некоторых убивали. Но этого им показалось мало. Они решили, что могут приказывать королям, возводить их на трон или смещать с него.

– Это они привели к власти Дигганов?

– Именно. А еще способствовали смерти Эвана. Хотели посадить на трон Карри. Та стала бы куклой в их руках. Главный тросканец сам это сказал. Они хотели власти и денег, поэтому вздумали тебя припугнуть. Но не рассчитали...

– Они не знали, что у меня есть ты, – Бетти приподнялась и чмокнула меня в щеку. – Когда ты назвал их врагами, я поняла, что делать. Знаешь, что говорят во дворце? К нам приходили бесы. Они обладали дьявольским оружием. Таким можно лишит сознания или убить. В гордыне своей бесы покусились на королеву. Однако нашелся рыцарь, который принес с собой божественное животное. Оно чистое и белое, как душа ангела. Этот ангел и поразил бесов.

Мирка довольно стрекотнула.

– А сам рыцарь отправился к дьявольскому гнезду и выжег его. Так сказал патриарх. Он был у меня и обещал отслужить молебен.

«Когда только успел!» – удивился я.

– Что он попросил? – спросил, догадываясь.

– Отдать церкви Дом тросканцев.

«Шустрый дедушка! – восхитился я. – Хотя... Не жалко. Народу это понравится».

– Ты согласен?

– Пусть забирает. Только дом мы снесем. Нельзя оставлять целым гнездо бесов. А патриарх пусть строит на этом месте храм.

– Так и сделаем! – сказала она. – В словах патриарха есть правда? В тросканцев вселились бесы?

– Нет. Но их следовало убить.

– И ты это сделал! – она потерлась щекой о мое плечо. – Я так рада, что ты со мной, Айвен!

Я чмокнул ее в макушку.

- Спи, птичка!
- Почему птичка? – удивилась она.
- Потому что горlinka. Элтисисьютибет.
- Наконец-то выговорил! – пробормотала она.

Скоро Бетти спала, я лежал, прокручивая в голове события дня, и пытался понять, во что вляпался. Убив тросканцев, я наступил на яйца кому-то из империи, причем весьма влиятельному. Такой бизнес без сильного прикрытия не развернешь. Потери миллиардов нам не простят и найдут способ свести счета. Драгомир угробит портал? Построят новый. Высадятся вблизи Нима и станут искать. Сколько им понадобится времени: полгода, год? Можно, конечно, озадачить Элсли, объявить охоту на чужестранцев, но это, во-первых, может оказаться неэффективным, во-вторых, в любом случае – временная мера. Уничтожим одну экспедицию, пришлют другую. А та высадится с тяжелым оружием и сделает нам больно. Быстрей бы на Земле пересмотрели приговор! Вернувшись, я пробьюсь к отчиму или Эдди, если к тому времени император умрет. Они помогут.

«А ведь я теперь – враг империи! – вдруг понял я. – Убил ее граждан в интересах иностранного государства. Пусть те были преступниками и напали первыми, но суд не станет заморачиваться. Второй смертный приговор и ссылка куда-нибудь к динозаврам. Заступничества не будет. Ни отчим, ни Эдди не захотят в этом мараться. Алитанию ждет карательная экспедиция».

– Вот блин! – выпалил я вслух.

Мирка на моей груди шевельнулась. Бетти вздохнула и плотнее прижалась щекой к моему плечу.

«Спите! – мысленно пожелал я. – Все хорошо. Мы выстоим. Империя не отправит в Запасной мир армию – это незаконно. Парламент этого не разрешит. К тому же нужно рассекретить цель. В империи не захотят, чтобы на Земле узнали об эксплуатации Запасного мира. Пришлют наемников, причем не слишком много. А это дорого. На таком расстоянии перемещение людей обходится недешево, а еще снаряжение... Прибудет максимум рота. С ней мы справимся. У нас тридцать полков, пушки и бомбарды. Есть пулеметы, снайперские винтовки и десятки автоматов. Патронов – море. Имеются гранатометы и снаряды к ним. Тросканцы навезли оружия на маленькую войну. Не знаю, к чему готовились, но они совершили ошибку, не дав оружия аборигенам. Мы не повторим ее. У нас будет рота быстрого реагирования, вооруженная современным оружием. Наемники не устоят. Они воюют дронами и бронетехникой, а сюда их не

протащить. Их тактика заточена под двадцать первый век, и они боятся потерь. Десять процентов – уже много. А вот местные сражаются, пока стоят на ногах или могут держать оружие. Они не страшатся смерти. Спите, девочки!»

И девочки, словно услышав, затихли.

notes

Примечания

1

Легенда – совокупность всех надписей на монете.

2

То есть более 10 мм.

3

10 и 15 см соответственно.

Мишель де Монтень (1533–1592), французский философ и богослов, родоначальник жанра эссе. Его «Опыты», даже спустя пять веков, читают и цитируют.

Фавориты Елизаветы I.